ISSN-0132-862X

2
1994

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ II ЗА БОГОСЛУЖЕНИЕМ В БОГОЯВЛЕНСКОМ КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

1994 · 2

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор-председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-ЛЕТИЮ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II в связи с 65-летием со дня рождения, 23 февраля 1994 года . . . 2
Ко дню тезоименитства Предстоятеля Русской Православной Церкви . . . 6
По материалам заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви . . . 36
Алексий II, Патриарх Московский и всея Руси. Жизнеописание . . . 41
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II на новогоднем молебне в Богоявленском кафедральном соборе 31 декабря 1993 года . . . 45
Обращение Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II в связи с 50-летием полного освобождения Ленинграда от блокады . . . 47
Слово архимандрита Алексия (Редигера) при наречении во епископа, Таллиннский Александро-Невский собор, 2 сентября 1961 года . . . 49
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II в день интронизации в Богоявленском патриаршем соборе 10 июня 1990 года . . . 52
Слово в день празднования 600-летия явления Тихвинской иконы Божией Матери . . . 54
Слово Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II в День города Москвы . . . 56
Слово в Неделю Православия . . . 57
Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при вручении жезла епископу Якутскому и Вилюйскому Герману в Богоявленском кафедральном соборе, 28 марта 1993 года . . . 59

ЛИТУРГИКА

А. А. ПЛЕТНЕВА. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык . . . 62
А. Г. КРАВЕЦКИЙ. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия . . . 68
А. К. Пособия по церковнославянскому языку . . . 87

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Н. О. ЛОССКИЙ. Достоевский и его христианское миропонимание . . . 91
Е. С. ПОЛИЩУК. Человек и Бог в "Колымских рассказах" Варлама Шаламова . . . 106
Варлам ШАЛАМОВ. "Лицом к молящемуся миру..." . . . 120

РУССКАЯ ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

В. В. АФАНАСЬЕВ. Купина Неопалимая . . . 121
А. Ч. Сретение Господне . . . 141

ХРОНИКА

О заседании Центрального комитета Всемирного Совета Церквей . . . 143

К 65-летию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Его Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси АЛЕКСИЮ II в связи с 65-летием со дня рождения, 23 февраля 1994 года

Ваше Святейшество! Святейший Владыко!

В знаменательный день 65-летия Вашего Святейшества от имени сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата и читателей "Журнала Московской Патриархии" примите наши сердечные поздравления с благословенной датой в Вашей жизни.

Свой день рождения Вы встречаете в расцвете творческих сил и молитвенном общении со всей Полнотой Русской Православной Церкви как ее Предстоятель и Патриарх Московский и всея Руси.

На всех путях Вашей жизни усматривается благое действие и водительство Промысла Божия, Который, открывая перед Вами широкое поле предстоящей церковной деятельности, сопутствовал Вам от дней юности в родительском доме глубоко верующей семьи, в годы получения богословского образования в Санкт-Петербурге, на пастырском служении в Таллиннской епархии, затем привел Вас под сень Троицкого собора Лавры Преподобного Сергия Радонежского, где Вы приняли монашеский чин, и, наконец, призвал Вас к епископскому служению на высоких и ответственных постах: 26 лет Вы были постоянным членом Священного Синода, 22 года – Управляющим делами Московской Патриархии, 21 год – Председателем Учебного комитета и 28 лет – одним из президентов Конференции Европейских Церквей.

Приближается четвертая годовщина Вашего избрания, когда в июне 1990 года Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал Ваше Святейшество на Первосвятительский Престол 15-м Всероссийским Патриархом. Тогда, отвечая на приветствие Священного Синода, Вы сказали: "Перед нами чистый лист – какие письмена мы внесем в эту книгу? Верим, что история пишется не без Божией воли и Его благого Промысла".

Так действительно и было предусмотрено Высшим Разумом. Именно по изволению Божию Вы, Ваше Святейшество, призваны к управлению церковным кораблем в неспокойное и поистине судьбоносное время для нашей страны, Святой Церкви и всего человечества, с тем чтобы открыть новую страницу в книге Истории и вписать в нее славные деяния.

Наша церковная пресса всеми доступными техническими средствами ведет летопись Ваших великих патриарших свершений во всех сферах жизни и деятельности Русской Православной Церкви в современном мире.

Глубоко символично, что Вы, Ваше Святейшество, начали свой патриарший путь, опираясь на священный жезл святителя Петра, митрополита Московского и всея России чудотворца, доставленный в день патриаршей интронизации из хранилищ Московского Кремля.

После вступления на Московский Патриарший Престол Господь сподобил Ваше Святейшество совершить первую зарубежную поездку – паломничество в Святую Землю к первоисточнику благодати. Здесь, в молитвенном предстоянии у Живоносного Гроба Господня и других святынь, Вы черпали силу, мужество и вдохновение на предстоящие Первосвятительские труды.

Последовавшие вскоре официальные визиты в братские Поместные Православные Церкви, молитвенное и евхаристическое общение с их Предстоятелями способствовали укреплению союза христианской любви, взаимопонимания, сотрудничества, принципа соборности и всехристианского единства.

Божественные слова: с е, т в о р ю в с е н о в о е (Откр. 21, 5) – имеют прямое отношение к деятельности Вашего Святейшества по устроению внутренней жизни нашей Церкви.

Об этом свидетельствуют новые имена причисленных к лику святых: праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской и многих других; установление дня празднования (31 января по старому стилю) Собора новомучеников и исповедников Российских, принявших мученическую кончину за веру Христову после революционных событий; возглавленные Вашим Святейшеством торжества вторичного обретения мощей преподобного Серафима Саровского и перенесения их из Санкт-Петербурга в Москву и далее через города и веси России в Дивеев монастырь; обретение мощей Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского, святителя Иоасафа Белгородского; перенесение мощей святителя Питирима Тамбовского в Преображенский собор Тамбова; перенесение мощей преподобных Зосимы, Савватия и Германа из Троицкого собора Александро-Невской Лавры Санкт-Петербурга в Преображенский собор Соловецкого монастыря.

По зову сердца Вы совершили поездки на родину праведного Иоанна Кронштадтского в село Суру Архангельской области, святителя Игнатия Брянчанинова в село Покровское Вологодской области, Преподобного Сергия Радонежского в Ростов Великий, святого благоверного князя Александра Невского в г.Переславль Залесский и возносили там молитвы.

Мы верим, что святые земли Русской освящают Вашу жизнь, своими молитвами и предстательством пред Богом они укрепляют и помогают Вашему Святейшеству благоуспешно нести трудный подвиг Первосвятительского служения Церкви и Отечеству.

Только за три минувшие года Вашего патриаршества Русской Православной Церкви возвращены тысячи разрушенных и осквернённых храмов, с любовью возрождаемых, десятки монастырей, которых до недавнего времени было 20 с небольшим, а сегодня более 200.

В помощь душевному и телесному исцелению страждущих ныне открываются больничные храмы.

Недавно Церкви передан широко известный в прошлом храм при Московском государственном университете во имя святой мученицы Татианы, покровительницы студенческой молодежи.

Не остались без церковного душепопечительства и заключенные, которых многие священнослужители получили возможность духовно

окормлять. Лично Вы, Ваше Святейшество, в исправительно-трудовой колонии под Санкт-Петербургом совершили закладку, а спустя два года – освящение храма во имя священномученика Вениамина, митрополита Петербургского, воздвигнутого руками заключенных и на их собственные средства. По Вашему благословению в праздник Святителя Николая 19 декабря 1992 года была проведена специальная благотворительная акция: День христианского милосердия к заключенным. О находящихся в тюрьмах молились во всех храмах Русской Православной Церкви и провели сбор средств на издание для них церковной литературы.

Знаком особой милости Божией является то, что после 75-летнего перерыва главный храм Русской Православной Церкви – Успенский собор Московского Кремля вновь стал патриаршим и Вы, Ваше Святейшество, часто совершаете в нем богослужения, а также в Благовещенском и Архангельском соборах Кремля. Радостное событие произошло на Пасху в прошлом году: когда Вы совершали пасхальное богослужение в Успенском патриаршем соборе, после долгих лет молчания зазвонил большой колокол колокольни Ивана Великого, возвестивший благую весть о Воскресшем Спасителе и о начавшемся возрождении России.

Чудом наших дней можно считать в рекордно короткий срок заново восстановленный в первозданном виде Казанский собор на Красной площади, освященный Вами в день празднования в честь Казанской иконы Божией Матери.

По благословению Вашего Святейшества из святого Града Иерусалима был перенесен в Москву Благодатный Огонь от Живоносного Гроба Господня, и Вами возжжена от него неугасимая лампада у памятника святым равноапостольным Кириллу и Мефодию на Славянской площади столицы как символ того, что Свет Христов просвещает всех россиян, души которых готовы к его восприятию.

Как Ангел Церкви и ее Предстоятель, Вы, Ваше Святейшество, несете сугубый подвиг молитвы о вверенных Вам чадах Русской Православной Церкви. Большую часть дней в году Вы совершаете богослужения в святых храмах, возносите молитвы у престола Божия о всех и за вся и за каждым богослужением обращаетесь к верующим с проповедническим словом.

Только всесильная благодать Божия помогает Вам совершать столько богослужений: в 1991 году – 271, в 1992 году – 249, в 1993 году из-за болезни Вашего Святейшества в октябре – 226, из них в храмах Московского Кремля – 21, в патриаршем Богоявленском соборе – 62, в Троице-Сергиевой Лавре и других монастырях города Москвы и ставропигиальных – 45, в храмах города Москвы – 35, в храмах и монастырях других Церквей и епархий – 63. Вместе с Апостолом Павлом Вы можете сказать: Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе (Флп. 4, 13).

Забота о благе многомиллионной всероссийской паствы побудила Ваше Святейшество предпринять воистину апостольский труд: совершить первосвятительские визиты в более чем 40 епархий различных регионов нашей страны. Молитвенное общение с архипастырями, духовенством, верующими, а также многочисленные контакты с представителями всех слоев общества позволили Вашему Святейшеству почувствовать биение пульса современной церковной и общественной жизни, увидеть достижения и проблемы, проникнуть в психологию, нужды и чаяния людей и обратиться к ним с призывом быть верными Православной Церкви, хранить гражданский мир и согласие, умножать добро,

творить дела милосердия, благотворительности и христианской любви.

Большое внимание Вы, Ваше Святейшество, уделяете подготовке кадров священнослужителей для нашей Церкви, религиозному образованию мирян и духовно-нравственному воспитанию юного поколения. С этой целью по Вашему благословению во многих епархиях открыты Духовные Семинарии, Духовные училища, церковноприходские воскресные школы; создан синодальный Отдел по катихизации и религиозному образованию; в Москве открыты Свято-Тихоновский богословский институт и Российский православный университет.

Благодаря принятию нового Закона о свободе совести и религиозных организациях, в разработке которого Ваше Святейшество принимали самое активное участие, Церкви возвращена возможность проводить не только катихизаторскую деятельность, но и осуществлять служение милосердия в больницах, домах престарелых и местах заключения. При Священном Синоде создан Отдел по церковной благотворительности и социальному служению.

Вклад Вашего Святейшества на благо общества нашел высокое признание в нашем Отечестве. В минувшем году Ваше Святейшество были избраны академиком Российской академии образования, Омский государственный университет удостоил Вас звания почетного профессора, указом президента республики Саха (Якутия) Вы награждены Государственной премией республики Саха имени профессора Е.А.Кулаковского.

Вы , Ваше Святейшество, проявляете первосвятительскую заботу о церковно-издательской деятельности, ибо видите в этом залог духовного просвещения народа Божия.

Традиционно Издательский отдел находится в ведении Святейшего Патриарха, и по благословению Вашего Святейшества наши издания выходят в свет.

Позвольте выразить надежду, что под покровительством Вашего Святейшества Издательский отдел будет и в дальнейшем совершенствовать и развивать свою деятельность, направленную на удовлетворение духовных нужд нашего общества в деле религиозного образования, возрождения духовности, нравственности, милосердия и любви между людьми.

В этот памятный и священный для Вас день молитвенно желаем Вашему Святейшеству всесильной помощи Божией и благословенных успехов в высоком Первосвятительском служении во славу Русской Православной Церкви и Отечества нашего.

По молитвам Царицы Небесной и Всех святых, в земле Российской просиявших, да хранит Господь Ваше Святейшество зела, здрава, долгоденствующа на многая и благая лета!

С любовью о Господе

Митрополит Волоколамский и Юрьевский ПИТИРИМ,
Председатель Издательского отдела
Московского Патриархата,
с сотрудниками

Ко дню тезоименитства Предстоятеля Русской Православной Церкви

25 февраля, день памяти Святителя Алексия, Митрополита Московского, является и днем тезоименитства Предстоятеля Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В этот день, по установившейся традиции, Святейший Патриарх совершает Божественную литургию в Богоявленском кафедральном соборе Москвы, где почивают мощи Святителя Алексия, в сослужении собора архиереев, клириков Русской Православной Церкви и представителей Поместных Православных Церквей и при большом стечении молящихся. За богослужением Святейший Патриарх принимает поздравления от Священного Синода, всех священнослужителей и верующих мирян, а также представителей государственной власти и общественных организаций.

День Ангела Предстоятеля Русской Православной Церкви – это не только повод для Патриарха оценить итоги своей деятельности за прошедший год, но и возможность для всей Церкви еще раз оглянуться на прожитый год, вспомнить успехи и радости, скорби и испытания и, поблагодарив Господа за все, вознести Ему соборно молитвы, попросить Божию Матерь и Святителя Алексия о предстательстве и заступничестве за Православную Церковь и за всю Русскую землю.

Ровно год назад, 25 февраля 1993 года, впервые Предстоятеля Русской Православной Церкви поздравили все ветви власти России, руководство Москвы и области. Делегация от находящегося на отдыхе Президента России Б. Н. Ельцина передала Святейшему Патриарху поздравительный адрес Президента. Это свидетельствовало о признании высокого места Русской Православной Церкви в нашем обществе и государстве.

В своих поздравлениях высокие гости подчеркивали особую заслугу Святейшего Патриарха Алексия в сохранении церковного мира и единства, что благотворно сказывается и на общественно-государственной жизни: "В это трудное время Бог послал Вас, Ваше Святейшество, Русской Православной Церкви и России, – сказал один из выступивших государственных руководителей, – чтобы соединить веру и власть не каким-либо уродливым способом, но так, чтобы у нас была сильна власть веры и не утратилась вера во власть". Эти слова свидетельствуют, что со стороны светского руководства нашего Отечества сегодня велика надежда на то, что именно духовность и нравственные ценности, пронесенные Церковью через десятилетия вавилонского пленения советским строем, помогут возродить Россию.

Отвечая на поздравления, Святейший Патриарх сказал: "Служить примирению, единству, духовному и нравственному возрождению народа – наш долг. Мы должны помогать и всемерно содействовать преодолению межнациональных конфликтов, гражданскому согласию и единству и в Церкви, и в обществе. И если нам что-то удается сделать, то это не наша заслуга, ибо только благодать Господня через нас, смиренных служителей Церкви, может совершить то духовное обновление, которое происходит на наших глазах. И не нам подобает честь и слава, а Имени Господню. Все мы должны помнить слова Спасителя, пославшего Апостолов на проповедь: "Когда совершите все повеленное вам, говорите, что мы, рабы неключимые, сделали только то, что должны были сделать" (см.: Лк. 17, 10). Эти слова Предстоятеля Церкви стали не только благим призывом, но и программой жизни. Действительно, 1993 год стал годом, когда все церковные силы были направлены на духовное образование и воспитание возвращающихся в лоно Матери-Церкви россиян, когда Церковь стала реальной миротворческой силой в разрешении различных конфликтов, когда общество осознало, что именно традици-

онная для России религия несет в себе единственную прочную возможность единения и согласия.

О внимании со стороны властей к нуждам Церкви говорят ставшие уже привычными встречи Святейшего Патриарха и других архипастырей с главами правительств и министерств. 5 февраля 1993 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II встретился в Кремле с Президентом Российской Федерации Б.Н.Ельциным. Предметом беседы были трудности в обществе, в том числе экономические проблемы, отражающиеся на жизни Церкви. Святейший Патриарх подчеркнул необходимость решения любых вопросов в духе общественного согласия.

20 апреля 1993 года в Кремле Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин встретился с главами и представителями основных конфессий и религиозных центров России. Целью встречи стало обсуждение злободневных проблем: сохранения гражданского мира, возрождения духовности и нравственности народа, обеспечения прав человека, прежде всего свободы совести и убеждений. Тепло поприветствовав собравшихся, Президент сказал, что в государственной и общественной жизни России сейчас происходят процессы, невиданные по глубине и масштабам, которые затрагивают и такую важную сторону жизни людей, как религия. Общество постепенно избавляется от печального наследия порочных традиций воинствующего атеизма, а государство в полной мере осознает свою вину перед верующими за прежнюю политику преследования, приведшего к духовному оскудению народа. Сама жизнь привела нас к выводу – воинствующий атеизм должен навсегда уйти из государственной политики. Государство не в праве определять, какими должны быть убеждения людей, не в праве вмешиваться во внутренние дела конфессий.

Президент подчеркнул, что "поворот, который мы делаем навстречу религии и верующим, – это не заигрывание с религией, потому что успех реформ зависит от всех граждан, в том числе и верующих. Политическое противостояние в обществе не должно дополниться межрелигиозной враждой". Болезненной назвал Президент проблему передачи и возрождения культовых зданий и подчеркнул необходимость создания государственной программы, рассчитанной на длительную перспективу и обеспеченной бюджетными ассигнованиями.

Религиозные деятели изложили насущные проблемы своих Церквей и религиозных объединений, выразили озабоченность массированной деятельностью зарубежных миссионеров. Святейший Патриарх Алексий II, поблагодарив Президента России за организованную встречу, отметил: "Все религиозные объединения страны видят свой долг в том, чтобы содействовать терпимости, спокойствию и согласию граждан, достижению мира, без которого невозможно духовное возрождение общества. Отрадно, что эта миссия находит понимание в лице Президента и Правительства".

23 апреля 1993 года Президент Российской Федерации Б.Н.Ельцин издал распоряжение Правительству Российской Федерации "О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества". Оно предусматривает осуществление поэтапной передачи в собственность или пользование религиозным организациям культовых зданий, строений и прилегающих к ним территорий и иного имущества религиозного назначения, находящихся в федеральной собственности, для использования в религиозных, учебных, благотворительных и других уставных целях, связанных с деятельностью конфессий. При этом по возможности должны быть учтены интересы культуры и науки (имеется в виду обеспечение сохранности памятников культуры, доступа к ним туристов, экскурсантов, всех граждан).

Для нас уже привычным стало присутствие на богослужениях представителей власти и общественных организаций, внимание к насущным проблемам

Церкви со стороны власть предержащих, их помощь верующим как на местах, так и в центре, – то, о чем еще несколько лет назад Церковь не могла и помышлять. Это радует, но это и служит почвой для безосновательных попыток обвинить Русскую Православную Церковь в стремлении стать политической силой в обществе, стать "государственной Церковью", каковою она была до революции. Церковь устами Предстоятеля, архипастырей и пастырей четко и терпеливо объясняет обществу свою позицию: служить обществу своей духовной силой, духовными богатствами.

Из Слова Святейшего Патриарха Алексия II на пресс-конференции в Волгограде; 18 июня:

Часто люди, видя усиливающееся влияние Церкви на жизнь общества, боятся, что Русская Православная Церковь стремится к тому положению, которое она занимала до революции, когда была государственной Церковью. То положение принесло нам в годы революции много горя и страданий. Поэтому сегодня мы глубоко убеждены в том, что Церковь должна быть отделена от государства, должна быть свободна от его вмешательства в свои внутренние дела и в свою очередь не должна вмешиваться в политическую жизнь государства. Но это не должно означать отделение Церкви от общества, равнодушие ее к тем процессам, которые в нем происходят. Когда того требуют обстоятельства, Церковь выражает свое отношение к происходящим событиям. Но главная наша задача – это духовное и нравственное здоровье общества. Мы не благословляем священнослужителям быть членами тех или иных партий, потому что священник не должен делить паству на своих и чужих.

Из выступления на встрече с народными депутатами Костромской области; 7 мая:

Когда состоятся новые выборы, мы примем решение не давать благословения на депутатскую деятельность для священнослужителей, потому что, хотим мы того или не хотим, вовлечение церковных деятелей в политику не полезно для них. Я был народным депутатом Союза. Может быть, в тот период было полезно мое участие в выработке Закона о свободе совести, потому что, когда мы работали в комитете Верховного Совета, то многие юристы считали закон 1929 года совершенным, поэтому выработать новый закон, предоставляющий реальную религиозную свободу, было довольно трудно, и наше участие в комитете было необходимо. Но сегодня от политической деятельности нам надо уходить.

Мои выступления, которые звучат в период особого обострения политических кризисов, не являются вмешательством в государственные дела – это слово пастыря, это призыв к разуму человеческому.

Результатом совместной деятельности государственной и церковной властей было накопление опыта взаимопонимания и совместной работы церковных структур с различными министерствами и учреждениями, возвращение в этом году многих святынь Православной Церкви: храмов, монастырей, икон. Выдающимся и радостным событием стало возобновление богослужений в соборах Московского Кремля. 7 апреля, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы – престольный праздник Благовещенского собора Кремля, Святейший Патриарх Алексий впервые после долгого перерыва совершил Божественную литургию в этом знаменитом храме – домовом храме русских царей. За богослужением присутствовали мэр Москвы Ю. Лужков и председатель Конституционного суда России В. Зорькин. А 28 мая и в Архангельском соборе впервые после долгого перерыва Святейший Патриарх совершил Божественную литургию. Это было в день

памяти святого страстотерпца царевича Димитрия, мощи которого почивают в этом соборе – усыпальнице российских князей и княгинь, царей и цариц.

Опасения работников Министерства культуры по поводу передачи Церкви памятников истории и культуры (мол, колокола потрескаются, экспонаты испортятся, здания разрушатся и т.д.), похоже, рассеиваются. Но нет никаких сомнений в том, что Церкви должны передаваться те памятники, которые она в силах отреставрировать и сохранить. Кроме того, они должны быть доступны не только верующим, но и туристам, интересующимся историей нашей страны. Вот что сказал, например, Святейший Патриарх по поводу возвращения Казанского собора в Санкт-Петербурге: "Казанский собор должен быть храмом, где совершаются богослужения. Необходимо, чтобы к могиле Михаила Илларионовича Кутузова люди могли подойти, свечу поставить и помолиться. Он ведь был православным человеком и завещал себя похоронить в храме, а не в атеистическом музее, как это было целые десятилетия. Но такие храмы, как Казанский собор, должны быть и во внебогослужебное время свободны для посещений".

4 ноября состоялось освящение восстановленного на Красной площади Казанского собора и первое богослужение в нем, прошедшее при большом стечении молящихся, в присутствии представителей городской и государственной власти, общественных организаций. Освящение и богослужение совершил Святейший Патриарх Алексий в сослужении сонма архипастырей и духовенства. Мэр города Москвы Ю.Лужков в своем выступлении на освящении собора поздравил всех с праздником по поручению Президента России и правительства и отметил: "Сегодня праздник не совсем обычный. Свершилось чудо – впервые за последние десятилетия светская власть – уже не советская! – возвела на территории Москвы, на Красной площади, храм. И не просто храм, а восстановленную из пепла и небытия одну из великих русских святынь – Казанский собор".

Прошедший год запомнится еще одним событием, знаменующим милость Господа к нашему народу, возвращающемуся к вере своих предков: распоряжением Президента России верующим передаются Владимирская икона Божией Матери и икона Святой Троицы письма преподобного Андрея Рублева. В связи с этим возникла необходимость создания специализированной технической службы, обеспечивающей условия их сохранности. Но главной гарантией их сохранности и защиты будет возвращение икон на исконное их место, где они пребывали многие века под защитой Господа и Царицы Небесной.

Возвращение Церкви ее храмов, монастырей и других святынь в наши дни стало уже привычным для нас, но за... обыденностью этих фактов мы не должны забывать, что каждое такое событие – милость Господня, о которой еще несколько лет назад мы не могли и мечтать. На 27 октября 1993 года в Русской Православной Церкви действовало более 14 тыс. приходов, 213 монастырей и 11 монастырских подворий, 3 Духовные Академии, 13 Духовных Семинарий, 22 Духовных училища и школа псаломщиков. В Церкви насчитывается 100 епархий, 127 епархиальных и викарных архиерея.

Из Слова Святейшего Патриарха Алексия II после освящения Казанского собора на Красной площади; 4 ноября:

Этот собор, в котором мы сегодня совершили первую после его возрождения Божественную литургию, напоминает нам о славных и судьбоносных событиях русской истории. Он был создан в память освобождения Москвы от иноземных интервентов. Этот подвиг был совершен русской ратью в такие же, как сегодня осенние дни, 381 год тому назад. Церковь верует, что избавление народу нашему пришло по молитвам Божией Матери, чья чудотворная икона стала путеводительницей русского ополчения в нелегком деле освобождения Отчизны. Из истории мы знаем и о том, что милостию Божией и молитвами Пречистой освобождение

Москвы в 1612 году положило конец терзавшей Россию многолетней смуте. Выстроенный народным героем князем Дмитрием Пожарским Казанский собор стал символом возрождения нашего Отечества.

Прошли годы, народ наш отвернулся от Бога и вновь встал на путь смуты. Собор опустел, а вскоре был варварски разрушен. Чудовищным символом пустоты в душах людских стал пустырь, образовавшийся на месте величественного храма. Но и тогда, в те мрачные годы, не оскудевала вера многих русских людей, не умирала в них любовь к духовному и культурному наследию Родины. Словно предвидя разрушение храма, а может быть, и его будущее воскресение, с риском для жизни трудился скромный подвижник русской культуры Петр Дмитриевич Барановский, сделав обмеры и чертежи храма незадолго до разрушения. Этот человек, подлинный патриот Отчизны, оказал огромную помощь тем, кто сегодня восстановил Казанский собор. Низкий поклон ему за это, вечная ему память.

Ныне, как не раз бывало в истории, Русь снова восклицает: "Пойте Господу святые Его, славьте память святынь Его, ибо на мгновение Его гнев и на всю жизнь благословение Его, вечером водворяется плач, а на утро радость". Совсем недавно мы, православные христиане, не могли и подумать, что вновь увидим здесь, на Красной площади, величественный храм Казанской Божией Матери. И вот он перед нами. За эту великую милость, за это чудо мы благодарим Господа, Пречистую Его Матерь, не оставившую Русь всесильным ходатайством Своим. Благодарим святых угодников Божиих, не ослабевших в молитвах за нас, за землю нашу. Мы благодарим всех, кто вносил на строительство храма свои скромные лепты, которые община Казанского собора не переставала получать даже в самые трудные для народа времена. Мы благодарим правительство Москвы и глубокоуважаемого нашего мэра Юрия Михайловича Лужкова, оказавших восстановлению Казанского собора неоценимую материальную и организационную поддержку, без которой, наверное, еще много лет не были бы явлены нам красота и благолепие храма. Радуясь вместе с вами возрождению великой русской святыни, я хотел бы поделиться надеждой, что этот храм, ставший некогда знаком конца Смутного времени, и сегодня ознаменует собой преодоление вражды и разделений в народе нашем.

5 мая в резиденции Святейшего Патриарха состоялась встреча Святейшего Патриарха Алексия II с искусствоведами и реставраторами. В своем слове Первоиерарх Русской Православной Церкви отметил, что необходимо снять ту напряженность, которая была и, к сожалению, еще есть между сотрудниками культуры и Церковью. Причиной ее является сложившаяся в прошедшие десятилетия ситуация, когда культуре и науке Церковь противопоставляли как институт "антинаучный". Святейший Патриарх отметил, что необходимо создать специальный церковный орган – церковно-археологический отдел, который мог бы контролировать передачу Церкви зданий и имущества, вести опись особо ценных предметов церковного обихода. Необходимо организовать также особое хранилище – Патриаршую ризницу.

Святейший Патриарх в своем выступлении рассказал о еще одной, чрезвычайно болезненной для Русской Православной Церкви проблеме – увеличении краж икон и церковной утвари и спекуляции ими. Патриарх отметил важность использования новейших технологий для создания охранных систем в храмах. Но и те иконы, которые хранятся в запасниках музеев, хотя и находятся в безопасности, не всегда содержатся в хорошем состоянии. Касаясь создания во многих городах иконописных мастерских, Святейший Патриарх подчеркнул, что их количество ограничивать не нужно, но создавать мастерские необходимо под контролем специалистов, как, например, мастерские при Московской Духовной Академии, при Свято-Тихоновском Богословском институте, при целом ряде монастырей.

В своем выступлении Святейший Патриарх затронул также проблему церковной архитектуры, символики, литературы по церковной архитектуре и иконописи.

Возрождению русской культуры, уходящей своими корнями в Православие, служат ставшие уже многочисленными примеры приглашения Предстоятеля Церкви и православных священнослужителей на различные концерты, выставки, фестивали, встречи с творческой интеллигенцией. 24 января 1993 года Святейший Патриарх посетил в конференц-зале гостиницы "Даниловская" концерт-презентацию стипендиатов программы "Новые имена". Эта международная благотворительная программа, получившая благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и пользующаяся поддержкой известных общественных и культурных деятелей, а также бизнесменов, призвана оказать содействие одаренным детям на пути становления их талантов в различных сферах творчества. Программа основана более двух лет назад. В настоящий момент она предоставляет около двухсот стипендий.

8 апреля Святейший Патриарх Алексий II посетил выставку работ П. А. Корина "Русь уходящая (Эскизы к одноименной картине)" в Третьяковской галерее. Поблагодарив работников галереи за труды по собиранию материалов выставки, Святейший Патриарх отметил: "Павел Дмитриевич Корин, православный художник, творил в трудные годы. С кончиной Патриарха Тихона казалось, что православная Русь уходит из нашей жизни. Многие из тех, кто изображен или должны были быть изображены на его полотне "Уходящая Русь", в те 20–30-е годы были репрессированы, расстреляны и действительно ушли из жизни. Но вера не может уйти из жизни народа, и сегодня мы являемся свидетелями того, что интерес к нашему историческому наследию, нашим православным корням проявляется в народе все больше и больше, возрождаются поруганные и осквернённые в прошлом святыни".

Процесс культурного и духовного возрождения России, к сожалению, сопровождается невиданной в нашей стране пропагандой войны, насилия, национальной и социальной вражды, нравственной распущенности и иных явлений, противоречащих как христианской, так и общечеловеческой нравственности. Государство остается безучастным к распространению этих явлений через печатную и аудиовизуальную продукцию, радио и телевидение, и это не может не тревожить Православную Церковь. 28 апреля Святейший Патриарх Алексий выступил с открытым письмом министру печати и массовой информации России М. И. Федотову, в котором сказал: "Будучи твердо убежден в неприкосновенности свободы, данной человеку Богом, я не призываю к крайним репрессивным мерам, не могущим решить проблемы. Однако я убежден, что навязывание культа безнравственности также ограничивает свободу человеческого выбора, особенно пагубно сказываясь на формировании юных душ, подчас не способных критически воспринимать видимое, слышимое и читаемое. Поэтому полагаю полезными разумные ограничения на массовое распространение изданий и материалов на основе тщательно взвешенных критериев. Я также считаю, что нынешние средства массовой информации прилагают недостаточно усилий для научения людей добру, для показа преимуществ честного, достойного образа жизни, для слова о нравственности, которое могли бы сказать многие авторитетные люди Отечества, в том числе пастыри и миряне Православной Церкви". Письмо нашло у министра живой отклик и понимание, но кардинальных изменений в деятельности средств массовой информации до сих пор не произошло.

Плодотворным было сотрудничество Церкви с таможенным управлением Российский Федерации. 19 апреля, на Светлой седмице, в патриаршей резиденции Данилова монастыря руководитель таможенного управления А. Круглов передал Святейшему Патриарху Алексию крупную партию икон (около 200) и предметов церковной утвари, конфискованных таможней при попытке незаконного их

вывоза из России. На церемонии передачи присутствовали советник Президента России С. Станкевич, первый заместитель министра культуры России К. Щербаков и другие официальные лица. Святейший Патриарх расценил это событие как пасхальный подарок всем православным верующим и как свидетельство переоценки ценностей в нашем обществе, так как общество начинает по-новому смотреть на иконы и предметы церковного обихода, признавая их своим духовным наследием.

Стал глубоким и прочным интерес общественных организаций к истории и современной деятельности Церкви. Об этом свидетельствовали общественно-церковные конференции, встречи, выступления в печати церковных и общественных лидеров. 26 марта в парламентском центре России состоялась конференция "Религия, национальное согласие и возрождение России". В ней приняли участие представители Русской Православной Церкви, других конфессий, действующих на территории нашей страны, а также научных кругов и средств массовой информации. Участники конференции обсудили и приняли итоговую декларацию и резолюцию, одобряющую создание при Парламентском центре Российской Федерации консультативного совета "Ученые, парламентарии, религиозные деятели за межнациональный мир и гражданское согласие", объединяющего людей доброй воли вне зависимости от политической, конфессиональной и этнической принадлежности. Цель совета – формирование в нашем обществе духа терпимости и взаимопонимания.

Свидетельством интереса к опыту Церкви со стороны демократических движений был состоявшийся 8 апреля в Российском доме прессы семинар "Церковь и демократия", организованный Российской христианско-демократической партией. По приглашению организаторов семинара с докладом о христианских основах демократии и позиции Русской Православной Церкви в переломный для России период 1917 – 1918 годов выступил игумен Иннокентий (Павлов). В ходе дискуссии было отмечено, что демократический процесс в России может быть успешным только в том случае, если он будет иметь традиционную для страны христианскую ценностную основу.

Процесс возрождения России неизбежно ставит вопрос о соотношении национального и религиозного, что уже не первый век является одной из самых обсуждаемых и самых болезненных тем для российского общества. Первый Всемирный Русский Собор, проходивший 26–28 мая в конференц-центре "Даниловский" в Москве, стал успешным опытом диалога Церкви с реалистически мыслящим направлением секулярного национального движения. Собор стал местом дискуссии о христианском, церковном, с одной стороны, и светском, политическом – с другой, отношении к национальным проблемам, к политической, экономической, демографической и духовной ситуации в современной России.

На открытие Собора прибыли лидеры и представители самых различных политических и национальных течений и группировок, многих из них сегодня, увы, невозможно даже представить себе действующими совместно, в единстве. Но объединяющее и воспитывающее влияние Церкви дало свои плоды: ожидавшихся по прогнозам некоторых газет конфронтаций не случилось и А. В. Руцкой, занимавший тогда пост вице-президента России, отметил: "Сегодня многие пытаются доказать, что нас могут объединить партии, движения. Но объединить русский народ может только Православие, ибо вера для человека одна, без веры человек не может быть нравственным и духовным".

Огромный интерес всех собравшихся вызвали выступления на Соборе Святейшего Патриарха Алексия и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла. Доклад Владыки Кирилла "Возрождение Православия и обновление России" содержал размышления о том, почему многовековая могучая государственность России оказалась сокрушенной, в чем исторические, психологические и

нравственные причины продолжающегося до ныне процесса распада и где искать истоки возрождения нашей государственности.

Из Слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на открытии I Всемирного Русского Собора; 26 мая:

Истинно христианская любовь к Отечеству желает ему истинного блага и служит этому благу. А благо – это для христианина Царствие Божие. Любовь к своему народу и к Родине не должна ослаблять исполнения заповеди о любви к ближнему, каковым для нас является каждый человек, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Призвание Церкви – спасение рода человеческого; неповторимость каждой личности и многообразие людей отражают премудрость Творца и являют собой красоту творения. Вот почему важно, чтобы каждая личность, каждый народ оставались самими собой, сохраняли свою самобытность. Отсюда со всей очевидностью следует, что каждый человек призван к заботе о благосостоянии своего народа и своего государства, к бережному отношению к своей истории и своей культуре, к защите своего Отечества.

Мы, служители Церкви, видим патриотизм не потворствующим порокам народа, но очищающим его, преображающим и тем подвигающим чад Божиих к святости. Именно идя подобным путем, мы принесем Отчизне не призрачное временное благо, но благо высшее, непреложное. Мы не будем искать недругов, но с верой и мужеством возродимся духовно, отбросим грех и не устрашимся никого, не устрашимся и злейшего врага рода человеческого – диавола.

Тогда-то и восстанет, как уже не раз бывало, из пепла и из бездны греховной новая Русь – Русь, давшая миру многих подвижников веры и благочестия, Русь созидающая храмы в городах, весях и сердцах, Русь, сияющая всему миру правдой и любовью, Русь Святая.

Стали традицией встречи Святейшего Патриарха с общественностью во время его поездок по епархиям. На этих встречах обсуждаются проблемы возрождения городов и сел, храмового строительства и приходской жизни. Предстоятелю Церкви часто задают вопросы о взаимоотношении Церкви и государства, Русской Православной Церкви с Зарубежной Русской Православной Церковью и другими конфессиями и множество других, часто острых и злободневных. Подчеркивая миротворческую и объединительную роль Церкви, Святейший Патриарх не обходит острых углов и недостатков в деятельности Церкви, ее проблем и бед.

Во все времена одной из главных опасностей для Православной Церкви были внутрицерковные расколы. В последние годы заботы по сохранению церковного единства легли особенно тяжким бременем на плечи Предстоятеля Церкви, архипастырей, пастырей и всех верующих, так как нет ни одного члена Тела Христова, который бы не страдал от безумцев, раздирающих хитон Христов. Сепаратистские тенденции, порожденные местным национализмом и политической борьбой различных группировок, проникают и в церковную среду, а часто и откровенно навязываются Церкви.

Возникновение на развалинах бывшего СССР национальных государств, процесс вполне закономерный, для Церкви оборачивается попытками создания "национальных церквей", что противоречит самому духу христианства. Эта тенденция проявилась в Молдавии, Прибалтике, на Украине. Что касается последней, то после Поместного Собора 1992 года, решившего отложить вопрос об автокефалии Украинской Православной Церкви до следующего Собора, который состоится в 1995 году, раскольническая деятельность там не утихла, усиленно подогреваемая националистическими группировками и государственной властью. Представители международных церковных организаций, приезжавшие для изучения обста-

новки на Украине, при встрече с советником Президента Л. Кравчука задали ему вопрос: почему на Украине в православных храмах нельзя поминать за богослужением Московского Патриарха, а в католических и униатских храмах разрешается поминать Папу Римского? Советник объяснил: "Рим нас никогда не завоевывал, а русскую оккупацию мы 300 лет испытываем"...

На встрече с общественностью Смоленска 3 мая Святейший Патриарх так охарактеризовал положение Украинской Православной Церкви: "Ситуация на Украине тяжелейшая, причем давление оказывается не только идеологическое, но и физическое. Военными молодчиками под предводительством одного народного депутата был захвачено Тернопольское епархиальное управление, разгромлено, обворовано, а епископ Сергий и сотрудники управления изгнаны из единственной православной церкви. Осуществляется массированная поддержка любого сепаратизма, например так называемой автокефальной церкви, неканонической. В Ровно автокефалистами был силой захвачен собор. Много людей физически пострадали от этого разгула беззакония, царящего на Украине. Украина – это наша боль, но мы надеемся, что разум все-таки возобладает".

В апреле, во время своего первосвятительского визита в Эстонию, Святейший Патриарх Алексий вручил епископу Таллиннскому и Эстонскому Корнилию Томос, подтверждающий предоставление самостоятельности Православной Церкви в Эстонии в делах церковно-административных, хозяйственных, просветительских и гражданских (эта самостоятельность была дарована Церкви в Эстонии еще в 1920 году). Эстонские православные приходы остались в каноническом подчинении Московского Патриархата, несмотря на сепаратистские настроения некоторой части эстонских верующих. Вручение Томоса состоялось на епархиальном собрании 28 апреля. Днем раньше в Таллинне прошло альтернативное собрание той части духовенства, которая ратует за отделение эстонских приходов от Московского Патриархата. Но поддержки это собрание не получило, на нем присутствовало только семь человек.

Забота о единстве внутри Православной Церкви звучала в выступлении Святейшего Патриарха Алексия на съезде Союза православных братств, в деятельности которого прослеживаются некоторые антииерархические и антиклерикальные настроения.

Из выступления Святейшего Патриарха Алексия II на съезде Союза православных братств; 16 февраля:

Задача братств и сестричеств – в честном сотрудничестве с иерархами и клириками способствовать возрождению церковной жизни во всем ее многообразии, но никак не противопоставлять себя иерархии. У нас с вами общая задача, мы ее должны видеть и помогать друг другу осуществлять возрастание церковной, приходской, социальной, катихизаторской, просветительской и благотворительной деятельности. Сегодня духовенство одно, без вашей помощи, не может решить все стоящие перед Церковью задачи. Решение этих задач должно осуществиться духовенством и мирянами, которые вошли в братства и сестричества, чтобы быть надежными и верными нашими помощниками.

Здесь говорилось о том, что необходимо сохранить единство Церкви. Это сегодня одна из самых важных задач, которые мы видим перед собой: сохранить единство Святого Православия и Русской Православной Церкви. Попытки разделения имеют место в разных регионах, особенно явны они на Украине, в Молдове, Прибалтийских республиках. Некоторые политические деятели, не скрывая своих целей, открыто заявляют, что Московская Патриархия и Русская Православная Церковь – это последняя структура, которую непременно нужно разрушить: легче тогда будет бороться с Православием и легче будет одержать победу различным силам, которым сегодня мешает возрождающаяся Россия. Не должно то, что

происходит вокруг нас – противостояние, нетерпимость, озлобленность, входить в нашу церковную среду. Мы должны нести мир, успокоение людям. Прошлый съезд православных братств, который проходил в Санкт-Петербурге, в этом отношении оставил печальное впечатление. Само название братства, сестричества говорит о необходимости братского духа. Они должны являть пример решения всех вопросов в спокойной, мирной обстановке, а не в духе противостояния, нетерпимости, как это было в Санкт-Петербурге.

Прошедший год показал, что процесс организации на канонической территории Московского Патриархата приходов Зарубежной Русской Православной Церкви, доставлявший в последние годы много боли и трудностей православным верующим, обречен на неудачу. Обманутые щедрыми посулами (чаще всего эти посулы касались материальной помощи) миряне и священники, даже целые приходы, переходившие в юрисдикцию "зарубежников", начинают прозревать и понимать свою ошибку.

28 февраля 1993 года, в Прощеное воскресенье, произошло малозаметное, но знаменательное для наших дней событие: возвращение из Карловацкого раскола в лоно Русской Православной Церкви прихода в селе Борисовском Суздальского района Владимирской области. Покаяние священника Владимира Петракова и его прихожан принимал епископ Владимирский и Суздальский Евлогий. Перед литургией епископ Евлогий в своей проповеди подчеркнул важное значение единства Церкви, после чего отец Владимир Петраков обратился к Владыке со словами покаяния. От прихожан слова раскаяния произнесла бывший казначей общины. После того как Владыка отпустил им общий грех, началась индивидуальная исповедь, с тем чтобы во время Божественной литургии, в которой участвовал уже и отец Владимир Петраков, бывшие раскольники окончательно соединились со своими братьями принятием Святых Христовых Таин.

25 ноября в Московский Патриархат был принят из раскола диакон Олег Стеняев. После искреннего покаяния он был рукоположен во священника и стал организатором реабилитационного центра для лиц, возвращающихся из раскола или пришедших в Православную Церковь из сект. В лоно Матери-Церкви возвратилась также община Марфо-Мариинской обители. Хочется надеяться, что подобные события внесут отрезвление в политику Зарубежной Церкви.

Из Слова Святейшего Патриарха Алексия II на пресс-конференции в Волгограде; 18 июня:

Помимо центробежных разрушительных процессов, происходящих внутри бывшего СССР, единству Русской Православной Церкви угрожает распространение на ее канонической территории приходов Русской Зарубежной Церкви. Она была образована в 1921 году в Сремских Карловцах теми иерархами, которые покинули Родину из-за революционных событий. Первый глава этой Церкви, бывший митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), создавая Синод Зарубежной Церкви, говорил, что он носит временный характер и будет существовать до тех пор, пока Церковь в России не получит свободу, после чего они принесут на суд Московского Патриарха отчет о своей деятельности. Тем не менее деятели Русской Зарубежной Церкви и сегодня продолжают жить старыми категориями, а с 1990 года пытаются создать на нашей канонической территории параллельные приходы и иерархию. Думаю, что это служит только углублению разделения между православными россиянами.

Со стороны Зарубежной Церкви в адрес Московского Патриархата бросаются постоянные упреки в сергианстве – имеется в виду Декларация Митрополита Сергия 1927 года, которой тогдашний Глава Русской Православной Церкви пытался приостановить гонения на Церковь, когда священнослужителей обвиняли в контр-

революции. Целью этого заявления было сохранение Русской Православной Церкви от полного разгрома, в случае которого российская паства могла остаться без духовного окормления.

Представители Зарубежной Церкви также обвиняют нас в экуменизме, то есть в сотрудничестве с другими христианскими Церквами, хотя до 1961 года, то есть до вступления Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей (ВСЦ), там участвовали представители Зарубежной Церкви как представители Православной России. Но, когда Русская Православная Церковь на Третьей ассамблее ВСЦ в Нью-Дели вступила в эту организацию, Зарубежная Церковь обрушилась на нас с обвинениями, трактуя экуменизм как ересь XX века и призывая ничего общего не иметь с христианами других конфессий. Я 25 лет был одним из президентов Конференции Европейских Церквей и знаю, что по многим вопросам – вопросам мира, социального служения – мы находили с христианами других конфессий Европейского континента общий язык и понимание. В XX веке надо призывать не к крестовым походам, а к сотрудничеству. Когда Церкви живут в секуляризованном мире, то для них благо, когда они могут вместе обсуждать свои проблемы.

Мы готовы вести диалог с представителями Зарубежной Русской Православной Церкви. 19 августа 1991 года в Москве открылся Конгресс соотечественников. Его участники обратились ко мне и к Главе Зарубежной Церкви митрополиту Виталию с предложением начать диалог. Я ответил открытым письмом, в котором сказал, что наша Церковь готова к такому диалогу без всяких предварительных условий. Лидер Зарубежной Церкви митрополит Виталий даже не ответил на это письмо, среди авторов которого были и его клирики, и миряне... Думаю, что старому поколению Синода Зарубежной Церкви, которое не понимает изменившейся сегодня в России ситуации, должно прийти на смену поколение более молодых епископов, с которыми будет легче вести диалог.

Говоря о разделениях внутри Русского Православия, происшедших после революции, надо сказать и о Катакомбной Церкви, о которой пишут некоторые светские журналисты. Она существовала в 20–30-е годы. Сейчас ее нет – не от кого скрываться в катакомбах. И если некоторые люди рядятся в одежды катакомбников, то чаще всего это самозванцы.

Русская Православная Церковь призывает к миру и единству всех православных верующих. Она обращается с призывом мирного сосуществования и ко всем традиционным для России конфессиям и вероисповеданиям. 6 мая состоялась встреча Предстоятеля Русской Православной Церкви с Председателем Высшего религиозного совета народов Кавказа Шейхом-уль-Ислам Аллахшукюром Пашазаде. На встрече было принято совместное заявление, в котором обе стороны засвидетельствовали взаимоуважение, обсудили пути сотрудничества, в том числе и в деле мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта.

Молчаливой молитвой к Богу об умирении враждующих сторон началась 17 ноября в Даниловом монастыре миротворческая встреча религиозных представителей Азербайджана и Армении по приглашению и при посредничестве Русской Православной Церкви. Открывая встречу, Святейший Патриарх Алексий отметил необходимость для всех сторон единодушно осудить военные преступления и преступников, не взирая на то, к какому народу они принадлежат или к какой церкви или религии они, по их убеждению, относятся; необходимость употребить все влияние нашего духовного положения и нашей ответственности перед Богом и обществом, чтобы ясно и открыто выступить за мир и справедливость для всех и для каждого, за неотъемлемые права и достоинство каждой личности и каждого народа, за человечность, взаимное прощение и любовь.

30 апреля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял в резиденции в Даниловом монастыре Архиепископа Кентерберийского доктора

Джорджа Кэри. Накануне встречи состоялось заседание совместной группы по связям Русской Православной Церкви и Церкви Англии, которая занимается вопросами практического сотрудничества в области богословия, катихизации, социальной и благотворительной деятельности взаимоотношений двух Церквей. Во время беседы Святейший Патриарх и Архиепископ Кентерберийский обсудили возникшие на пути диалога сложности, например принятое в ноябре 1992 года решение Генерального Синода Церкви Англии о рукоположении женщин в священный сан.

Уделяя много внимания межконфессиональному диалогу, руководство и паства Русской Православной Церкви понимают, насколько важно сохранение православного единства и развитие сотрудничества Православных Поместных Церквей. По приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 21 мая по 7 июня 1993 года Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки Парфений III нанес визит Русской Православной Церкви. Программа визита была насыщена совместными богослужениями Предстоятелей двух Поместных Церквей. Высокий гость принял участие в праздновании Дней славянской письменности и культуры, посетил художественно-производственное объединение Русской Православной Церкви в Софрино, встретился с вице-премьером Российской Федерации В. Ф. Шумейко.

В день Святой Пятидесятницы Папа и Патриарх Парфений III совместно с Патриархом Алексием II совершил Божественную литургию в Троице-Сергиевой Лавре. Предстоятель Русской Православной Церкви возложил на Предстоятеля Александрийской Церкви высшую награду Московского Патриархата – орден святого апостола Андрея Первозванного – во внимание к долголетним трудам Папы и Патриарха Парфения III по сотрудничеству двух Церквей и по развитию общеправославного свидетельства и служения.

26 – 28 мая Папа и Патриарх Парфений III с сопровождающими лицами посетил Владимир и Калугу, а затем – Одессу. Во время посещения епархий Русской Православной Церкви высокий гость познакомился с местной церковной и общественной жизнью, посетил храмы и монастыри и поклонился их святыням, совершил богослужения, имел встречи с представителями клира и мирян.

По приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 10 по 19 июля 1993 года официальный визит Русской Православной Церкви нанес Архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский Патриарх Варфоломей I. Программа пребывания Патриарха Варфоломея I в России началась молебном в Троицком соборе Данилова монастыря. Затем делегация гостей в сопровождении Патриарха Алексия II отбыла в Санкт-Петербург. Высокий гость остановился в резиденции Патриарха Алексия – Иоанновском женском монастыре. Патриарх Варфоломей I нанес визит мэру города А. А. Собчаку в Мариинском дворце, после чего в его честь был устроен торжественный прием в гостинице "Астория". Патриарх Варфоломей и Патриарх Алексий совершили совместные богослужения с сонмом архипастырей и духовенства в Исаакиевском соборе, Преображенском соборе и соборе Иоанновского монастыря, в котором в день храмового праздника Собора славных и всехвальных 12-ти Апостолов отслужили Божественную литургию. Патриарх Варфоломей посетил город Пушкин, где познакомился с восстановительными работами в Софийском соборе. Пребывание в Санкт-Петербурге завершилось посещением Эрмитажа, прогулкой на теплоходе по Неве и посещением Собора святых первоверховных Апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости. Патриарх Варфоломей I отслужил перед гробницами российских императоров заупокойную литию.

По возвращении в Москву Патриарх Варфоломей I посетил Московский Кремль. В день празднования перенесения мощей Святого Филиппа, Митрополита Московского, 16 июля, Патриархи Константинопольский Варфоломей I и Мос-

ковский Алексий II совершили Божественную литургию в Успенском соборе Московского Кремля. 17 июля в Патриаршей резиденции в Даниловом монастыре состоялась встреча Патриарха Варфоломея I и входящих в свиту иерархов с Патриархом Алексием II и членами Священного Синода. На встрече были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес для двух Церквей.

18 июля, в воскресенье, в день празднования обретения честных мощей Преподобного Сергия, игумена Радонежского, Предстоятели Константинопольской и Русской Православной Церквей в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры совершили Божественную литургию и праздничный молебен на соборной площади. После богослужения Патриарх Алексий II дал в своей лаврской резиденции обед в честь Патриарха Варфоломея I и его свиты. В Тронном зале Патриарших покоев Патриарх Алексий II возложил на Патриарха Варфоломея I высшую награду Русской Православной Церкви – орден святого Андрея Первозванного, а членам свиты вручил другие церковные награды. Во время посещения Московской Духовной Академии Патриарх Варфоломей I был удостоен звания почетного доктора богословия.

На состоявшейся встрече Патриархов Константинопольского и Московского, делегации Константинопольской Церкви и членов Священного Синода Русской Православной Церкви 17 июля, на других встречах, во время бесед и в речах двух Патриархов, исполненных духа искренности и сердечности, получил отражение взаимный интерес к жизни и деятельности Константинопольской и Русской Православной Церквей. Подчеркивалась настоятельная необходимость дальнейшего развития и укрепления братских отношений между ними и между всеми Поместными Православными Церквами.

Предстоятели двух Поместных Церквей подтвердили свое стремление к углублению межконфессионального диалога, усилению православного вклада в деятельность Всемирного Совета Церквей, и в частности через подготовку новых кадров, способных работать в этой сфере. В ходе встречи высказывалась озабоченность по поводу сохранения межконфессионального напряжения в тех регионах Русской Православной Церкви, в которых сторонниками унии активно осуществляется борьба с Православной Церковью и в которых проводится прозелитическая деятельность со стороны протестантских фундаменталистских сект и псевдорелигиозных групп.

Константинопольский и Московский Патриархи решительно осудили церковный раскол на Украине и заявили о своей солидарности и поддержке страждущих чад Украинской Православной Церкви. Патриарх Варфоломей I официально провозгласил, что Вселенский Патриархат признает только одного канонического митрополита Киевского – Его Высокопреосвященство Владимира (Сабодана), Митрополита Киевского и всея Украины.

Обсудив ситуацию в Молдавии, где Румынский Патриархат пытается основать свои приходы, оба Патриарха выразили уверенность, что подобного рода проблемы должны решаться в строгом соответствии с канонами Православной Церкви через братский диалог.

Патриархи Константинопольский и Московский осудили деятельность Русской Зарубежной Церкви, направленную на создание на территории Московского Патриархата неканонических параллельных епархий и приходов, что разделяет церковное тело и ослабляет свидетельство Православия в современном российском обществе.

Оба Патриарха, которые были призваны к многоответственному Патриаршему служению в это сложное для Вселенского Православия время, придают особое значение солидарности и единодушию.

Необходимо довести до сведения широких кругов общественности, что во время имевшего место в ходе визита совместного изучения ряда нестроений в

современной церковной жизни, оба Патриарха вновь подтвердили с чувством глубочайшей перед Богом ответственности, что критерием, применимым ко всякому относительному нестроению, может быть не постоянно изменяющаяся и текущая общественно-политическая ситуация, а неизменная основа священных канонов неразделенного Православия, освященная авторитетом святых Вселенских Соборов Церкви.

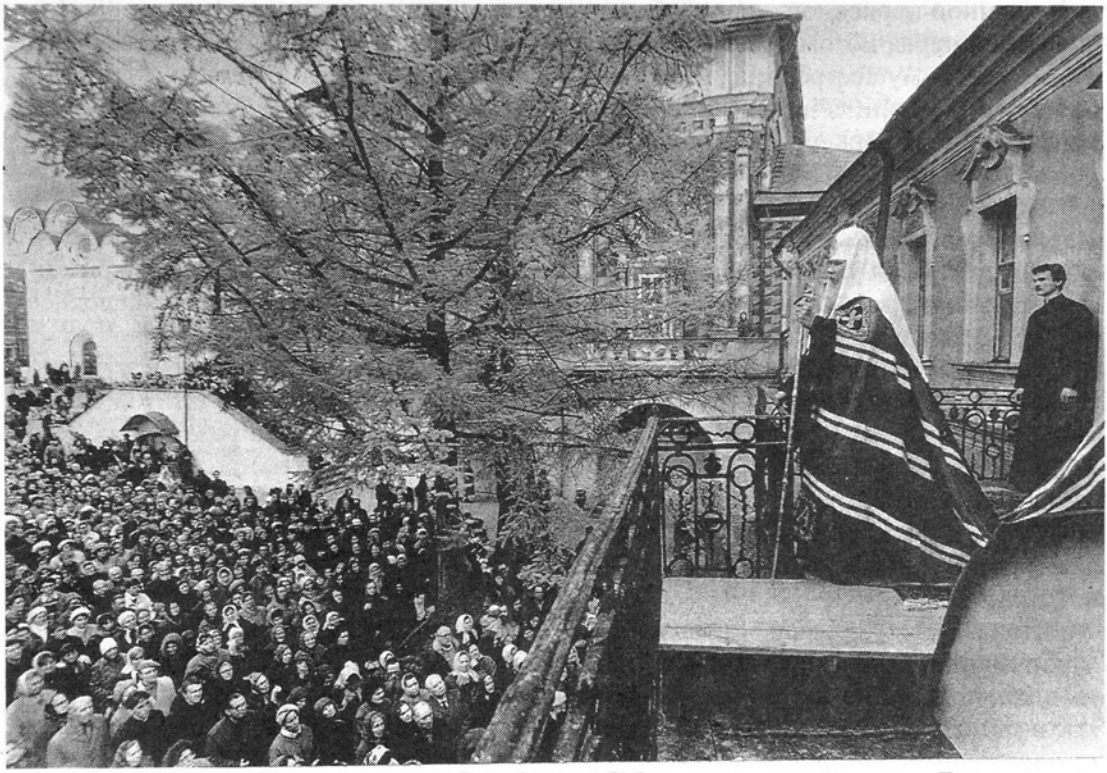
Оба Патриарха заявили о необходимости для всех Поместных Православных Церквей деятельно участвовать в укреплении всеправославного единства перед фактом растущей угрозы расширения деятельности всевозможных псевдохристианских и антигуманных сект и новых религий, активно действующих в последнее время в пределах Русской и других Поместных Православных Церквей.

Представители всех традиционных для нашей Родины религий имеют большой опыт сосуществования и сотрудничества, уходящий корнями в глубь веков. Но Православная Церковь не может мириться с деятельностью различных проповедников, хлынувших на нашу землю, как будто бы здесь никогда не просвещали людей светом Христовой истины, никогда не было Церкви. Церковь не может мириться с появлением многочисленных сект, многие из которых запрещены в демократических странах, а у нас процветают при молчаливом попустительстве властей.

Показателен пример "Богородичного центра" и "Белого братства", бесславно закончивших свое существование в ноябре прошедшего года, когда объявленный ими конец света не состоялся. Православная Церковь не раз поднимала свой голос в защиту людей, обманутых их лжеучением. 16 марта в МГУ прошел семинар, организованный Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, по проблемам секты. Итоговый документ семинара определил, что учение "Богородичного центра" не является христианским, а юридически этот центр не является религиозной организацией, будучи зарегистрирован как "профсоюз"; что практика и теория секты являются антигуманными и человеконенавистническими (имеется в виду разжигание ими ненависти на религиозной почве, причинение вреда психическому и физическому здоровью людей, пропаганда ненависти к семье, дискриминация по половому признаку, проявляющаяся в форме патологического женоненавистничества). В итоговом документе содержался призыв к органам власти создать экспертную комиссию, которая могла бы выяснить, насколько деятельность секты юридически правомочна. Болью за искалеченные души и судьбы людей было проникнуто и Воззвание Патриарха Московского Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви о распространяющихся на нашей земле лжеучениях.

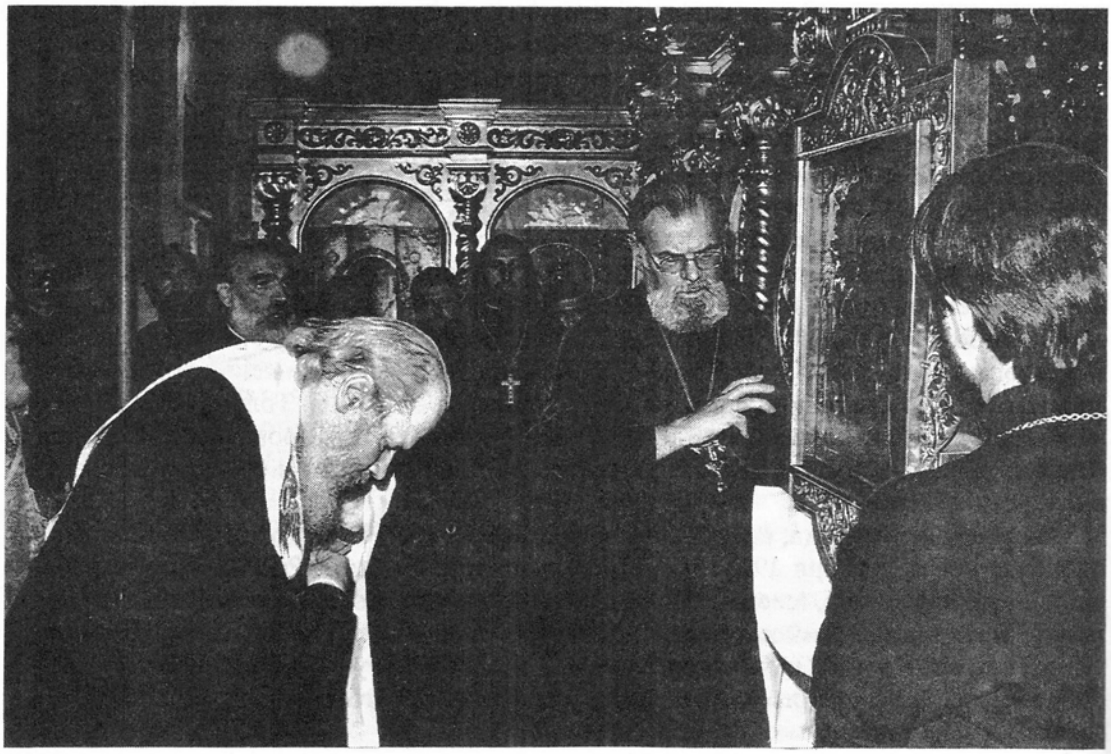
Одной из причин распространения в нашей стране лжеучений является отсутствие в течение многих десятилетий церковного образования и воспитания. Были разрешены только немногочисленные духовные семинарии и академии, но общеобразовательные, не узкобогословские предметы оттуда изгонялись столь же последовательно, как из светской школы – предметы духовные. Это привело к действительному разрыву светского и духовного образования. Только в последние несколько лет (фактически с 1990–1991 годов) начала формироваться церковная система образования: церковные детские сады, школы, высшие учебные заведения.

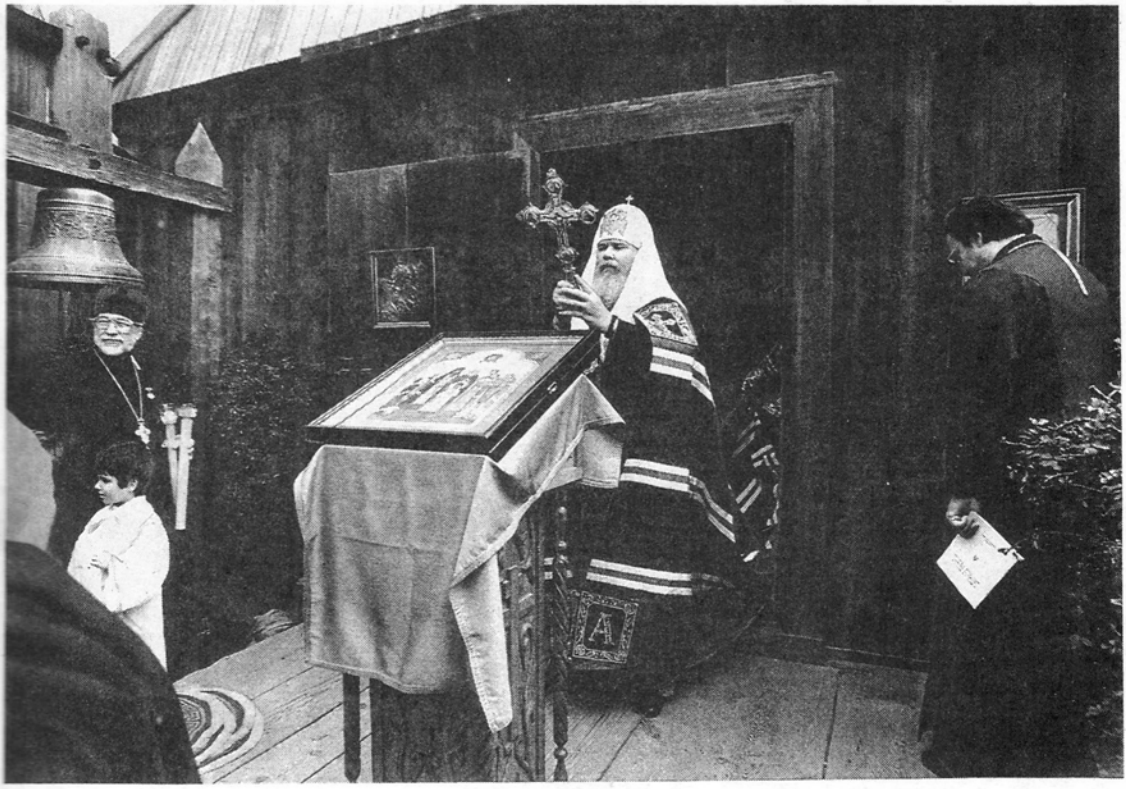
24 февраля 1993 года, вслед за презентацией Свято-Тихоновского богословского института (8 декабря 1992 года), состоялась презентация Российского православного университета, имеющего три факультета: философско-богословский, библейско-патрологический и историко-филологический). Ректор богословского института игумен Иоанн (Экономцев) отметил, что задачей учебного заведения является соединение светского и духовного образования, подготовка богословски образованных мирян.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословляет паломников в Троице-Сергиевой Лавре 8 октября 1993 года – день памяти Преподобного Сергия, игумена Радонежского

Пресвятая Богородица, спаси нас! **У Абалацкой иконы Божией Матери в Крестовоздвиженском кафедральном соборе г. Омска, 12 сентября 1993 года**

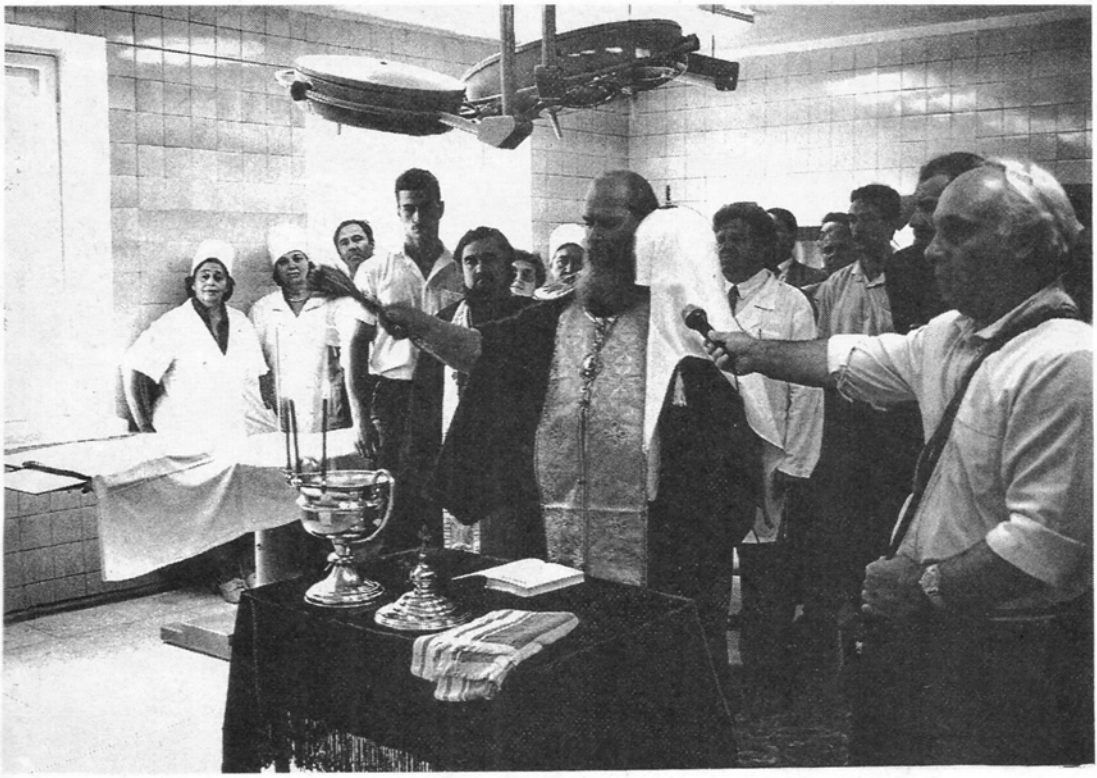
После молебна у Троицкой часовни в Форте Россе (Калифорния) – крайней южной точки, которой достигли русские миссионеры и промышленники при освоении Русской Америки

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II на подворье Ново-Голутвинского женского монастыря. Коломна, 7 июня 1993 года

Крестный ход из Успенского патриаршего собора Московского Кремля на Славянскую площадь в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия совершают Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки Парфений III, 24 мая 1993 года

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освящает операционную во Второй городской больнице г. Тамбова, 11 августа 1993 года

Святейший Патриарх Алексий II в музее Второй городской больницы г. Тамбова, 11 августа 1993 года. В этой больнице работал в годы войны архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Лысая гора в Волгограде, место ожесточенных боев с фашистскими захватчиками. Святейший Патриарх Алексий II после освящения закладки Георгиевского казачьего собора, 20 июня 1993 года

Святейший Патриарх Алексий II беседует с настоятелем и прихожанами Петропавловского храма г. Смоленска, 2 мая 1993 года

На детской рождественской елке Московской Патриархии в Колонном зале, 10 января 1994 года

Проблемы кадрового и программного обеспечения церковной системы образования, освоения многовекового опыта Церкви в этом направлении и обмен современными достижениями призваны решить Рождественские чтения – ежегодная конференция, впервые организованная в прошедшем году Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата, Православным педагогическим обществом и Министерством образования России. Работу этой конференции освещали церковные периодические издания, в том числе и журнал "Православное образование", созданный при Отделе религиозного образования и катихизации.

Регулярной стала работа международного "Круглого стола" по религиозному образованию, созданного в 1992 году при ОВЦС совместно Русской Православной Церковью и Всемирным Советом Церквей. Ставя своей задачей развитие и поддержку местных и общецерковных инициатив в области религиозного образования и социального служения Церкви, он в настоящее время при поддержке зарубежных агентств межцерковной помощи осуществляет ряд проектов православных приходов, сестричеств, духовных школ, религиозных организаций и т. д.

16 марта 1993 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II был избран академиком Российской академии образования, что свидетельствовало о признании образовательной деятельности Церкви. А две недели спустя Святейший Патриарх Алексий выступил на международной конференции в Гуманитарной академии Вооруженных Сил России с докладом, посвященным проблемам духовно-нравственного воспитания военнослужащих.

Факты признания просветительской миссии Церкви говорят о растущем понимании нашим обществом той истины, что свет христианского просвещения должен быть доступен каждому, каким бы родом деятельности он ни занимался, чтобы в душе каждого россиянина засиял этот свет, принесенный тысячу лет назад на Русскую землю и давший нашей земле православную веру, письменность и культуру. Не случайно общенародным в наши дни стало празднование Дней славянской письменности и культуры.

С 1863 года в России память святых просветителей славян Кирилла и Мефодия празднуется 24 мая (по новому стилю). В современной России традиция общенационального празднования памяти святых Кирилла и Мефодия и Дней славянской письменности и культуры возродилась в 1985 году, а в 1991 году день памяти святых – 24 мая – был объявлен в России государственным праздником. В прошедшем году в Москве и других городах России Дни славянской письменности и культуры прошли с 22 мая по 1 июня. В организации всенародного праздника объединили усилия светские и церковные власти, Министерство культуры России, Славянский фонд России, лига "Российское Отечество", Институт славяноведения и балканистики, другие организации. Программа праздника включала торжественные богослужения, научные чтения, выставки, концерты, театрализованные представления.

24 мая в Успенском патриаршем соборе Кремля состоялась Божественная литургия, которую возглавили Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всей Африки Парфений III, находившийся в нашей стране с официальным визитом, и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. По окончании литургии из Кремля крестный ход проследовал на Славянскую площадь к памятнику Кириллу и Мефодию, где был совершен праздничный молебен. Святейший Патриарх Алексий возжег свечу от лампады, установленной у основания монумента, и передал благодатный огонь представителям Детской православной паломнической миссии, отправляющейся в поездку по российским монастырям. Вечером этого дня в Большом театре состоялся праздничный концерт. Дни славянской письменности и культуры отмечались также во многих городах России, Украины, Беларуси.

Из Слова Святейшего Патриарха Алексия II перед молебном на Славянской площади Москвы; 24 мая:

Мы, православные христиане, знаем, что подлинное благоденствие наших народов возможно, лишь когда они просвещены светом Христовым, светом Евангелия. Об этом говорит наша славная история. Об этом, но уже иным образом говорят печальный опыт недавнего прошлого и многие отрицательные стороны нашего настоящего: забыв Господа, удалившись от Него, мы погрузились во тьму духовного неведения, поработились грехам вражды, распрей, гордыни и разделений. Наши славянские народы снова нуждаются в научении начаткам веры. Они – среди оглашенных и кающихся.

Нам, славянам, надо духовно преобразиться. Надо осознать нашу общность как людей, слушающих и исполняющих слово Божие. Ибо мы – собрание чад Церкви, царственное священство, в котором главное – не кровь и плоть, не национальность, язык или образ мышления, а верность Господу и послушание Его Святой воле. Пусть путеводителями нашими в этом деле станут равноапостольные славянские учители и святые, в земле нашей просиявшие. Помолимся же Господу, Пречистой Его Матери, святым равноапостольным Мефодию и Кириллу о том, чтобы Господь сотворил в славянском мире новую Пятидесятницу, обновив нас Духом Своим Святым.

Во время визита в Смоленскую епархию в мае прошедшего года Святейший Патриарх Алексий много внимания уделил знакомству с богатым опытом этой епархии по развитию системы церковного образования. Известно постоянное внимание Святейшего Патриарха к вопросам образования, практически в каждой своей поездке он посещает церковные учебные заведения. Но пока только в Смоленской епархии Патриарху удалось познакомиться со всеми реально действующими звеньями системы образования: Святейший Патриарх посетил православный детский сад, православную гимназию и межъепархиальное Духовное училище. Следует особо отметить, что все эти учреждения находятся в собственности Церкви, полностью финансируются и управляются Смоленской епархией.

На торжественном акте в Смоленском Духовном училище отмечалось, что только тогда, когда это и другие подобные учебные заведения подготовят достаточное количество преподавателей Закона Божия и других предметов для церковноприходских школ, воспитателей для православных дошкольных заведений, – только тогда можно будет рассчитывать, что подрастающее поколение будет воспитано в православном духе и не будет потеряно для Церкви.

Слово Святейшего Патриарха Алексия II в Российской академии образования; 20 марта:

Образование – это главная задача Церкви. Ведь само это слово происходит от слова "образ". Образовать человека означает не просто передать ему некую сумму знаний, но и выявить в нем определенный образ. Христианский взгляд на человека видит в нем образ Божий. Во многих он замутнен и затемнен грехами, но до конца не уничтожим, поэтому задача духовного преображения человека, которой служит Церковь, сродни задаче реставраторов икон: темный лик надо очистить от наслоений и явить миру изначальную красоту и сияние красок и линий, гармонию лика.

Свою восстановительную работу в душах людей Церковь совершает проповедью и Божией благодатью, вероучительными беседами, явлением добрых дел и воспоминанием о светлых жизненных примерах подвижников.

Сегодня в России благообразный лик человека помрачен не только личными грехами каждого из нас: 70 лет сам общественный климат слишком сурово, неотвяз-

но искажал человеческие помыслы и идеалы, и сегодня люди судорожно пытаются дышать в той атмосфере духовного вакуума, в которой мы в конце концов оказались. Тем дороже нам каждое чистое слово – слово, приподнимающее человека над повседневностью, устремляющее его ввысь, не дающее окончательно пасть. И в этой связи факт моего приглашения в вашу Академию является еще одним признанием особой значимости того слова о Боге, которое несет людям Православная Церковь.

Духовная и светская культура, по моему убеждению, больше не должны жить во вражде или порознь. При сохранении независимости, своеобразия каждой из них необходимо более искать повод к сотрудничеству, нежели к конфронтации. Можно по-разному думать о Боге, но мы все согласны в одном: человек достоин заботы. В этой заботе о созидании человека, о защите подлинно человеческого в человеке да будем мы все едины.

Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на международной научно-практической конференции "Проблемы и пути духовно-нравственного воспитания военнослужащих армий России и США" в Гуманитарной академии Вооруженных Сил России; 1 апреля:

Армия, как и все наше общество, находится на духовном перепутье. Велико разочарование в идеалах прошлого, приведших страну к катастрофе. Но велика и духовная жажда. Сегодня о многих из нас можно сказать словами псалмопевца: Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля (Пс. 23, 6). *Мы стремимся вновь напоить наши сердца живой водой духовной жизни и через это надеемся вдохнуть новую жизнь в каждое дело, в том числе в труды ратные.*

Церковь желает, чтобы человек, носящий военную форму, был просвещен светом Истины Христовой, чтобы Сам Господь направлял этого человека и в мирное и в военное время. Церковь верует, что если воин отдаст сердце свое Христу и будет руководим Господом, то он не собьется с пути, но будет искренне и жертвенно защищать своих ближних, с честью выполнять свои воинские обязанности. Вот почему верующие воины всегда были одновременно и частью Церкви, и частью армии. Немало воинов и полководцев среди святых, имена которых нам хорошо знакомы: Георгий Победоносец, Иоанн Воин, благоверные князья Андрей Боголюбский, Александр Невский, Димитрий Донской.

Воинский подвиг, совершенный христианином по воле Божией, всегда считался подвигом религиозным, подвигом веры и любви. Каждому из вас, думаю, известны слова Евангелия: Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих (Ин. 15, 13). *Церковь с особым почтением относится к памяти воинов, на поле брани убиенных, положивших свою жизнь за веру и Отечество, молится об упокоении их душ.*

Стремимся мы и к тому, чтобы возродить духовно-просветительную и духовно-воспитательную работу Церкви в армии. Конечно, нам хотелось бы видеть институт военного и морского духовенства восстановленным в ближайшее время и в полном объеме, соотносимом с дореволюционным временем. Я, однако, прекрасно отдаю себе отчет в том, что мы не сможем в одночасье к этому прийти. Духовенства не хватает даже на приходах. В армии же особенно нужны священники грамотные и самоотверженные, способные переносить тяготы армейской жизни, знающие армейскую и флотскую среду. И я молюсь Господу, чтобы Он призвал на ниву Свою таких священников, верю, что Господь приведет к пастырству новых людей, возможно из среды самих военнослужащих.

Однако сложность создания института военного духовенства не может препятствовать уже складывающимся формам общения с военнослужащими приходских священнослужителей. Многие духовные пастыри приходят в воинские части,

военно-учебные заведения, чтобы обратиться к воинам со словом назидания, совершать таинства и требы. Необходимо закрепить это благое начинание соответствующим соглашением между Церковью и армией. Недавно я благословил создание рабочей группы, занятой подготовкой предложения по выработке предварительной, до создания института военного духовенства, программы пастырской и миссионерской работы Православной Церкви в армии. В состав ее входят два православных священнослужителя и сотрудники Министерства обороны, руководящие работой по связям с религиозными организациями.

Религиозный выбор солдат и офицеров должен быть добровольным. Приглашать в часть пастыря или миссионера следует только тогда, когда этого желают сами военнослужащие. Приказы здесь неуместны и недопустимы. И если в части есть католики или протестанты, или мусульмане, было бы вполне логично предоставить им возможность встретиться отдельно со своим духовным руководителем, а не настаивать на их общении с православным священником. Точно так же не надо настаивать на встрече солдат и офицеров с проповедником иной конфессии, особенно такой, какая никогда не была распространена в России и явно не имеет последователей в войсках. Пастырская деятельность в войсках должна учитывать Богом данную человеку свободу выбора. Навязывание веры никогда не приносило добрых плодов. Пастырь не должен действовать методами "молниеносной войны", заставляя людей принимать крещение, когда они ничего не знают об этом Таинстве. Нужно уважать достоинство человека и, самое главное, достоинство нашей веры.

Искренне убежден, что наши пастыри могут стать достойными духовными руководителями людей в военной форме. И я верю, что только тогда, когда солдаты и офицеры начнут обретать смысл своей жизни во Христе, наша армия будет играть в обществе роль гаранта мира, стабильности и свободы. Именно эта роль армии сегодня исключительно важна.

Визит в Смоленскую епархию открыл ряд первосвятительских визитов прошлого года (кроме Смоленской, Святейший Патриарх посетил Костромскую, Ярославскую, Таллиннскую, Волгоградскую, Саратовскую, Ивановскую, Тамбовскую, Санкт-Петербургскую, Омскую, Кемеровскую, Якутскую, Петропавловск-Камчатскую и Магаданскую епархии).

7–10 мая Святейшего Патриарха с архипастырским визитом встречала Костромская епархия, а 10–13 мая – Ярославская. На встрече с депутатским корпусом облсовета и областной администрацией в первый день пребывания Святейшего Патриарха в Костроме один из депутатов задал Предстоятелю Церкви вопрос: когда возродятся те сотни сельских храмов, которые сегодня стоят полуразрушенными в близких и дальних селах по всей Костромской области? Вопрос действительно актуальный, и не только для Костромской земли: почти по всей России, но особенно по всему Русскому Северу стоят в вымерших или вымирающих деревнях чудом уцелевшие в годину гонений на веру храмы, превращенные где в склады, где в клубы, но в основном просто брошенные. Ответ Святейшего Патриарха был прост: сельские храмы возродятся тогда, когда возродится само русское село. Даже если найти средства и провести реставрацию, через какое-то время храм все равно обветшает, если не будет у него хозяина – церковной общины – и не будет в нем жизни – богослужения.

Сегодня же возрождение храмов и веры начинается там, где сама жизнь более устроена, – в городах. В Костроме Святейший Патриарх посетил восемь храмов, пять из которых возвращены Церкви недавно. Это Богоявленско-Анастасьинский кафедральный собор, где находится чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, Смоленскую церковь (храм Костромского Духовного училища), Ильинский храм, Троицкий собор Ипатьевского монастыря (здесь Патриарх совершил

8 мая молебен и в тот же день подписал с местной администрацией и Министерством культуры соглашение о совместном использовании этого архитектурного памятника), а также молельный дом в честь Святителя Тихона, Патриарха Всероссийского. Рядом с ним, в центре нового жилого района Костромы – Давыдовском, где живет более 70 тысяч человек, Святейший Патриарх совершил 9 мая закладку нового храма – также в честь Святителя Тихона. В будущий храм Патриарх пожертвовал икону святого Тихона с частицей его мощей.

В первый же день визита Патриарх Алексий посетил типографию Костромской епархии, расположенную в подклете кафедрального собора и издающую духовно-просветительную литературу и епархиальный журнал. В отличие от большинства епархий Русской Православной Церкви Костромская имеет не только собственное редакционно-издательское подразделение но и полиграфические машины.

Визит Святейшего Патриарха в Кострому совпал с Днем победы. 9 мая перед началом Божественной литургии Святейший Патриарх возложил венок к памятнику погибшим в годы Великой Отечественной войны. После заупокойной литии, совершенной здесь же, Святейший Патриарх поздравил костромичей с праздником Победы. А накануне Предстоятель Церкви посетил на вертолете село Деревеньки Сусанинского района, место гибели Ивана Сусанина. В своем слове он отметил, что подвиг русского народа в Великой Отечественной войне уходит своими корнями в российскую патриотическую традицию, ярким выразителем которой стал Иван Сусанин. У часовни, построенной в 1915 году на месте, где стоял дом Сусаниных, Святейший Патриарх отслужил при большом стечении молящихся заупокойную литию.

Кострома тесно связана с развитием российской государственности через династию Романовых: находясь на богомолье в Ипатьевском монастыре, близ Костромы, Михаил Федорович Романов получил извещение о своем избрании на царский престол. В 1913 году, к 300-летию дома Романовых, в обители был воздвигнут памятный обелиск, у которого 8 мая Святейший Патриарх совершил заупокойную литию о "Святейшем Патриархе Филарете, царе Михаиле, инокине Марфе, убиенном императоре Николае, Александре, отроке Алексие и иже с ними убиенных" и о всех почивших членах рода Романовых.

В своих выступлениях во время визитов Святейший Патриарх неоднократно говорил, что примирение и объединение – одна из целей всех его поездок по стране; "из периферийных городов, – подчеркивал он, – должны идти импульсы согласия и в центры, ведь в нашей столице, в крупных городах нам так часто приходится сталкиваться с противостоянием и нетерпимостью, которых, слава Богу, мы пока не видим в русской глубинке".

Многие вопросы, требующие совместных действий Церкви и различных ветвей власти, решались в дни визита Предстоятеля Церкви прямо на месте: так, на встрече Патриарха с администрацией и депутатами Ярославля были решены вопросы и помощи в реставрации конкретных храмов, и глобальная программа помощи областной администрации Ярославской епархии: из местного бюджета было решено перечислить 75 миллионов рублей на восстановление разрушенных храмов и монастырей.

Программа пребывания Патриарха в Ярославской области была очень насыщенной: ежедневные богослужения, поездка в Толгский женский монастырь, освящение на центральной площади Ярославля закладки памятника Ярославу Мудрому, посещение православной гимназии, дома престарелых, встречи с администрацией и общественностью города.

18–23 июня Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посетил Волгоградскую и Саратовскую епархии. Волгоград, носивший одно время зловещее имя Сталина, был одним их тех городов, где места религии почти не было:

в послевоенное время в огромном, растянувшемся на 60 километров Волгограде действовало лишь два храма: Казанский собор и Никитский храм. После всенощной в Казанском храме, беседуя с прихожанами, Святейший Патриарх вспомнил, как, будучи управляющим делами Московской Патриархии десять лет назад, служил в этом же храме и как его тогда удивило полное отсутствие за богослужением молодежи и детей. (В других городах тогда уже давало о себе знать религиозное возрождение.) Сегодня ситуация изменилась: в храме было много молодежи, детей, среди которых были воспитанники церковноприходских школ города. Церковная жизнь города заметно оживилась: сегодня при епархии зарегистрированы Духовное училище и Православный университет имени Преподобного Сергия Радонежского, который будет готовить столь необходимые кадры преподавателей церковноприходских школ.

За неполные трое суток пребывания в Волгограде Святейший Патриарх Алексий посетил два возрождающихся храма (Никольский и Параскевинский) и заложил три: Владимирский храм-памятник воинской славы на Мамаевом кургане, Сергиевский храм и Георгиевский казачий храм на Лысой горе, а также освятил строящуюся Спасскую часовню – рядом с ней вскоре начнется возведение и одноименного кафедрального собора.

Во второй день своего пребывания в городе Святейший Патриарх посетил мемориал на Мамаевом кургане и совершил панихиду по воинам, "жизнь свою за Отечество положившим". Отдавая долг памяти павшим, Предстоятель Церкви особо отметил, что посещает Волгоград в год пятидесятилетия разгрома немецко-фашистских войск у берегов Волги.

День памяти Всех святых, в земле Российской просиявших, был отмечен литургией под открытым небом на берегу Волги – реки-символа России. Богослужение совершил Святейший Патриарх Алексий в сослужении архиепископа Волгоградского и Камышинского Германа, епископов Истринского Арсения, Астраханского и Енотаевского Ионы.

В Саратове в программу пребывания Святейшего Патриарха вошли встречи, пожалуй, со всеми слоями общества: и с прихожанами, духовенством всех семи саратовских православных храмов, и с рабочими промышленных предприятий, и с местной администрацией, и с журналистами, и со студентами Саратовской Духовной Семинарии, и с городской интеллигенцией. Прибыв в Саратов утром 21 июня, Святейший Патриарх Алексий сразу посетил Саратовский авиационный завод, где трудится более 16 тысяч человек. Коллектив завода активно помогает сегодня возрождению саратовских храмов.

Одним из самых запоминающихся пунктов программы визита Святейшего Патриарха в Саратов стало посещение исправительно-трудового лагеря № 33, в котором в прошлом году построен храм в честь блаженной Ксении Петербургской. Храм, красоте и благолепию которого позавидуют иные приходы, служит сегодня местом духовного обновления сотен и сотен заключенных, многие из которых не встали бы на путь преступления, если бы в их городе или селе был хотя бы какой-нибудь православный храм. Беседуя с заключенными, Святейший Патриарх пожелал им, чтобы время, назначенное им для исправления, прошло не зря, чтобы ни один из них не вернулся на путь греха.

Поездка в Коломну, состоявшаяся на Духов день, 7 июня, отличалась особенной напряженностью: за 14 часов пребывания в Коломне Святейший Патриарх совершил Божественную литургию в Успенском соборе, посетил 7 храмов, 3 монастыря, имел двухчасовую встречу с общественностью города. На встрече с общественностью Коломны Святейший Патриарх так объяснил задачи своих первосвятительских визитов по епархиям: "Как Патриарх Московский и всея Руси, я обязан посещать различные епархии, чтобы видеть жизнь людей, быть в курсе развития церковной жизни. Как правило, все мои поездки имеют насыщенные

программы, но совершаемые богослужения, общение с людьми дают мне силы нести патриаршее служение. За годы этого служения я в полной мере осознал, насколько оно трудно, насколько велика ответственность за Церковь и за ее будущее".

1 августа исполнилось два года со времени перенесения мощей преподобного Серафима Саровского в Дивеевский монастырь и 90 лет со дня его прославления. 30 июля в Дивеево прибыл Святейший Патриарх Алексий. Сразу же по прибытии он отслужил молебен перед мощами преподобного Серафима, а потом посетил восстановленный Рождественский храм у врат обители и пропел вместе со спутниками *вечную память* у могил первой настоятельницы монастыря схиигумении Александры и Н. И. Мотовилова. Патриарх осмотрел монастырь, в котором многое изменилось за прошедший год: начата активная реставрация собора в честь иконы Божией Матери "Умиление", возвращена Церкви и отремонтирована часть помещений келейного корпуса. Патриарх побеседовал с паломниками, прибывшими из всех уголков России и многих стран ближнего зарубежья, – многие разбивали палатки и устраивались под открытым небом.

1 августа в Троицком соборе в течение ночи было совершено три Божественные литургии, вереницы паломников подходили за причастием к святой чаше в день памяти одного из самых почитаемых русских святых. Позднюю литургию совершил Святейший Патриарх Алексий в сослужении архипастырей и сонма духовенства.

Благотворные перемены затронули и закрытый Саров. Сегодня в 80-тысячном городе есть уже не только приходская община, но и свой священник, совершающий службу в возвращенном Всехсвятском храме. Глава администрации города Г. З. Каратаев и председатель горсовета В. Н. Такоев присутствовали на богослужении и сопровождали Патриарха во время его пребывания в Сарове.

Епархия, учрежденная в прошедшем году в Республике Марий-Эл, стала сотой епархией Русской Православной Церкви (православные приходы республики ранее управлялись казанским архипастырем). С рукоположением архимандрита Иоанна во епископа Йошкар-Олинского и Марийского продолжился процесс открытия епископских кафедр в российских национальных автономиях: за три года патриаршества Святейшего Патриарха Алексия своих архипастырей получили также Карелия, Мордовия и Якутия, относившиеся ранее соответственно к Санкт-Петербургской, Пензенской и Иркутской епархиям. Назначение епископа в Йошкар-Олу произошло в связи с бурным развитием церковной жизни в Республике Марий-Эл за последние годы (число приходов возросло с 9 до 28), а также в связи с просьбой Президента республики В. М. Зотина, по приглашению которого и прибыл 24 июля в Йошкар-Олу Святейший Патриарх Алексий II. В этот же день было совершено наречение, а на следующий – хиротония епископа Йошкар-Олинского и Марийского Иоанна.

Во время пребывания Патриарха Алексия в Йошкар-Оле состоялись обстоятельные беседы Патриарха с Президентом республики В. М. Зотиным и другими официальными лицами. 26 июля состоялась расширенная встреча Святейшего Патриарха Алексия с общественностью, интеллигенцией, представителями местных деловых кругов, а также с журналистами. На этих встречах Патриарху были заданы вопросы о сохранении государственного и церковного единства, экономическом положении Церкви, экспансии инославных проповедников. Последний вопрос приобрел особое звучание в связи с принятием за несколько дней до визита Верховным Советом России поправок к Закону о свободе совести, вносящих порядок в деятельность иностранных миссионеров в России. Патриарх Алексий рассказал, какое массированное давление оказывается со стороны некоторых западных кругов на Президента России с целью заставить его наложить вето на эти поправки. По мнению Священноначалия Русской Православной Церкви, это

лишний раз свидетельствует о том, что религиозная экспансия с Запада – спланированная акция, направленная не на просвещение, а на разделение народов России.

7–11 августа Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II посетил Тамбов, где возглавил торжества перенесения мощей святителя Питирима, епископа Тамбовского, из Иоанно-Предтеченского храма в возвращенный Церкви Преображенский собор.

В программу визита Патриарха Алексия в Иваново (18-21 августа) входили праздничное богослужение в день Преображения Господня (всенощная – во Введенском соборе одноименного женского монастыря Иванова, литургия – в Преображенском кафедральном Ивановском соборе, посещение храмов Иванова Казанского и Владимирского, недавно возвращенных Церкви, и единоверческого, встречи с городской и областной администрацией и общественностью, поездка в Шую и Палех с посещением их храмов и двух близлежащих монастырей: Успенского женского монастыря в селе Дунилове и мужского Николо-Шартомского в селе Введенье. В Палехе Патриарх посетил музей палехской миниатюры, встретился с художниками. В Иванове Патриарх посетил также перинатальный центр, дом престарелых, освятил часовню в женском исправительно-трудовом учреждении.

Из выступлений Святейшего Патриарха Алексия II во время поездки в Ивановскую епархию:

Не только руководители страны ответственны за наш завтрашний день, от каждого гражданина России зависит ее будущее. Каждый должен вносить свой вклад в умиротворение нашей жизни и преодоление противостояния и нетерпимости, способствовать своим трудом возрождению России. Посетив десятки епархий Русской Православной Церкви, я сделал вывод, что в русской глубинке люди сохранили доброту и согласие, может быть, потому, что они уходят корнями в эту землю, в свою малую родину, и для них не безразлично будущее своих соседей, соотечественников, своей земли. Я желаю вам и в дальнейшем сохранять это добро. Пусть русская глубинка покажет пример мегаполисам, как нужно жить в согласии и мире.

Прошедший год был годом 200-летия Православия в Америке. На юбилейные торжества, которые прошли в Америке в сентябре, был приглашен Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Алексий II. 12 сентября Святейший Патриарх в сопровождении митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, епископа Тернопольского и Кременецкого Сергия и группы клириков, монашествующих и мирян отбыл из Москвы в Америку, следуя через Сибирь, путем первых русских миссионеров XVIII века, принесших Православие на Американский континент.

На своем пути Святейший Патриарх посетил Омскую епархию, где освятил закладной камень воссоздаваемого Ильинского собора и встретился с преподавателями и студентами Омского университета; Кемеровскую епархию, где встретился с городской администрацией, депутатским корпусом и общественностью; Якутскую епархию, где указом Президента Республики Саха Святейший Патриарх был удостоен государственной премии Республики Саха – премии им. Е. Кулаковского – за подвижнические труды в деле духовного объединения соотечественников и за труды по возрождению Якутской епископской кафедры (денежную часть премии Святейший Патриарх передал на возрождение церковной жизни в Якутии); Петропавловск-Камчатскую епархию, где Патриарх Алексий встретился с экипажем пограничного сторожевого корабля "Воровский" и вручил пограничникам памятную медаль в честь 200-летия Православия в Америке и икону Свя-

тителя Николая – покровителя моряков, отметив, что воины сегодня защищают не только рубежи, но и экономические интересы России; Магаданскую епархию, где совершил молебен у Свято-Духова храма Спасителю, Божией Матери и новомученикам Российским, кровью которых обильно полита Магаданская земля.

16 сентября Святейшего Патриарха Алексия и сопровождавших его лиц встречал в аэропорту Анкориджа Архиепископ Вашингтонский, Митрополит всей Америки и Канады Феодосий с сонмом архипастырей, духовенства и мирян. Святейший Патриарх посетил Никольский храм села Елкутна, построенный выходцами из России в прошлом веке; Анкоридж, где дал пресс-конференцию для журналистов; Кадьяк – место подвигов преподобного Германа Аляскинского; остров Еловый – место кончины преподобного Германа; Ситку – бывшую столицу Русской Америки; Сан-Франциско и Форт-Росс – крайнюю точку западного побережья Америки, которой достигли русские миссионеры и промышленники; Чикаго и Нью-Йорк.

28 сентября Святейший Патриарх вернулся в Москву. Визит, планировавшийся до начала октября, был прерван в связи с обострением политической ситуации в России, грозившим вылиться в гражданскую войну. Предстоятель Церкви счел необходимым в эти тяжелейшие для Москвы и всей России дни находиться на Родине, чтобы всеми силами способствовать предотвращению конфликта.

Октябрьские события показали, насколько вырос авторитет Церкви в решении конфликтных ситуаций. Посредническая работа Церкви по умиротворению сторон была воспринята как путь спасения страны от гражданской войны. 26 сентября в слове, произнесенном перед молебном "Об умиротворении" в Успенском храме Новодевичьего монастыря, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий сказал: "Вновь в стране нашей политические смуты и нестроения. Долг Церкви – не входя в политические страсти, горячо молиться Богу, чтобы Он избавил нас от всяких бед. 29 сентября Патриарх Алексий обратился с воззванием: "Россия – на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично то, что сегодня может распасться Российская держава. Если это произойдет, будущие поколения проклянут нас... Я слезно умоляю стороны конфликта: не допустите кровопролития! Не совершайте никаких действий, могущих разрушить донельзя хрупкий мир! Не пытайтесь решить политические проблемы силой!" Тот же призыв звучал в заявлении Священного Синода Русской Православной Церкви, который принял решение ежедневно в каждом храме совершать сугубую молитву о мире в Отечестве.

3 октября в Богоявленском соборе православные верующие впервые после семи десятилетий молились перед святыней Русской земли – чудотворным образом Владимирской иконы Богоматери и просили Ее заступничества в эти тяжелые дни. Впервые Россия смотрела на Церковь как на единственную силу, способную предотвратить беду. И все же кровь пролилась. Совершившаяся трагедия дала повод для размышления о дальнейшей судьбе Отечества всем – и политикам, и простым гражданам, и Церкви.

Из обращения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Священного Синода Русской Православной Церкви и иерархов, прибывших в день памяти Преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву Лавру:

С горечью и скорбью ныне говорим: велики грехи народа нашего! Он не услышал призыв Церкви. Брат поднял руку на брата, пролив кровь ближнего своего. Нет нам сегодня оправдания. Мы наказаны по грехам нашим, ибо отвергли пути мира и направили стопы свои на путь вражды.

В день памяти Преподобного Сергия Радонежского члены Священного Синода и Преосвященные архипастыри, прибывшие в обитель Живоначальной Троицы в Сер-

гиевом Посаде, как это неоднократно бывало от дней древних, совершили заупокойное поминовение всех братьев и сестер наших, погибших во время страшного междоусобия в Москве. Мы оплакиваем убиенных сынов и дочерей России и горячо молимся об их близких, разделяя их скорбь и страдание.

Несмотря на то что посредническая миссия Церкви была принята сторонами противостояния, люди попрали нравственные принципы и пролили невинную кровь. Эта кровь вопиет к Небу и, как предупреждала Святая Церковь, останется несмываемой каиновой печатью на совести тех, кто вдохновил и осуществил богопротивное убийство невинных ближних своих. Бог воздаст им и в этой жизни, и на Страшном суде Своем.

Нам, людям, ограниченным пространством и временем, трудно сразу постичь действия Божии. Но их смысл открывается впоследствии. И с высоты прожитых лет становится понятным благое и спасительное промышление Божие о нас. Пройдет время, и мы увидим, что Матерь Божия ответила на наши молитвы.

Господь Вседержитель и Пречистая Дева будут действовать в мире сем через нас, немощных и недостойных. Что будет дальше с Россией – зависит от нас. Если пойдем мы по пути мести, насилия, хаоса – страна окончательно сорвется в пропасть. Если правители страны предадутся искушению гонений на тех, кто слабее их – погубят и себя, и народ наш.

Все мы сегодня под духовными руинами. И надо помочь друг другу выбраться из-под этих руин, расчистить их и в мире и согласии снова воздвигать дом наш. Все, что произошло с нами в минувшие трагические дни, есть свидетельство нашего духовно-нравственного падения. Без борьбы с грехами, без духовного обновления человека не исцелить нам болезней нашего общества. Нам не помогут никакие реформы и никакие, даже самые совершенные, законы, если души людей по-прежнему будут опустошены.

Епархиальное собрание Московской епархии, собравшееся 20 декабря в Даниловом монастыре под председательством Святейшего Патриарха Алексия, подвело итоги за прошедший год, отметило успехи и просчеты в церковной жизни. Святейший Патриарх Алексий и другие выступавшие отмечали, что для Московской епархии, как и для всех других, главным и трудноразрешимым вопросом по-прежнему является вопрос кадров. Пятьдесят храмов Москвы на сегодняшний день не имеют настоятелей, столько же требуется диаконов и раза в два больше приходских священников. Шел откровенный разговор о качестве подготовки кадров священнослужителей, экономических трудностях в возрождении приходской жизни, работе приходских советов и общин.

Было отмечено, что на сегодня в Москве 194 прихода и 267 действующих храмов, кроме них 7 кремлевских соборов, 21 монастырский храм, 7 – при учреждениях Московской Патриархии, 6 крестильных храмов, 16 – при государственных и других учреждениях. На приходах Москвы служат 367 священников и 110 диаконов. Намечено строительство храмов в новых жилых районах. В Москве 70 воскресных школ, 17 православных лицеев и гимназий, 3 православных детских сада.

В выступлении на собрании Святейший Патриарх Алексий поблагодарил всех тружеников церковных, совершающих свое служение в столь нелегкое время.

На одной из своих встреч во время первосвятительских визитов по епархиям Святейший Патриарх сказал: "Посещая различные епархии, вижу и могу свидетельствовать, что повсеместно происходит процесс духовного возрождения. Люди осознают, что без духовных основ нельзя, нельзя строить будущее Отечества. Также и решение многих государственных проблем тесно связано с возрождением нравственных начал жизни". "Если мы думаем о будущем России, то должны вернуться к своим корням, к Святому Православию, с которым наш народ прошел свою тысячелетнюю историю".

По материалам заседаний Священного Синода Русской Православной Церкви

22–23 февраля 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Образовать Курганскую епархию Московского Патриархата в пределах Курганской области; епископом Курганским и Шадринским быть игумену Михаилу (Расковалову), клирику Екатеринбургской епархии; Преосвященному архиепископу Екатеринбургскому Мелхиседеку впредь носить титул "Екатеринбургский и Верхотурский".

2. Вторым викарием Сурожской епархии с титулом "Сергиевский" по пострижении в монашество и возведении в сан архимандрита быть протоиерею Василию Осборн, настоятелю православного Благовещенского прихода в Оксфорде, члену епархиального совета Сурожской епархии.

3. Образовать епархию Московского Патриархата в Республике Саха (Якутия); епископом Якутским и Вилюйским быть архимандриту Герману (Моналину), клирику Владимирской епархии и благочинному Юрьево-Кольчугинского округа.

4. Епископом Белгородским, викарием Курской епархии, быть архимандриту Иоанну (Попову), ректору Курской Духовной Семинарии. Наречение и хиротонию во епископский сан совершить в Москве; Преосвященному архиепископу Курскому впредь носить титул "Курский и Рыльский".

5. Выразить Преосвященному архиепископу Вологодскому и Великоустюжскому Михаилу глубокую благодарность за понесенные им архипастырские труды; освободить Преосвященного архиепископа Михаила от управления Вологодской епархией с увольнением на покой и просить его продолжить его научно-богословскую и педагогическую деятельность в Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии. Епископом Вологодским и Великоустюжским быть насельнику Троице-Сергиевой Лавры игумену Максимиану (Лазаренко).

6. Игумену Пантелеимону (Кутовому), настоятелю кафедрального собора в Калининграде, быть епископом Балтийским, викарием Смоленской епархии.

7. Митрополитом Ростовским и Новочеркасским назначить Преосвященного Митрополита Псковского и Великолукского Владимира.

8. Архиепископом Псковским и Великолукским назначить Преосвященного епископа Самарского и Сызранского Евсевия.

9. Епископом Самарским и Сызранским назначить Преосвященного епископа Азовского Сергия, викария Ростовской епархии.

10. Образовать епархию Московского Патриархата на Сахалине; епископом Южно-Сахалинским и Курильским назначить Преосвященного епископа Магаданского и Камчатского Аркадия, с поручение ему временного управления Магаданской епархией.

11. Образовать епархию Московского Патриархата на Камчатке; епископом Петропавловским и Камчатским быть насельнику Троице-Сергиевой Лавры иеромонаху Диомиду (Дзюбан).

12. Благословить возобновление монашеской жизни в Борисоглебском монастыре Дмитрова Московской области; открытие в г. Печоры, Республика Коми, Богородицкого Скоропослушнического женского монастыря; открытие в Кирове Троицкого женского монастыря; открытие в г. Чебоксары Троицкого мужского монастыря; открытие Ильинского мужского монастыря в с. Никорены Дрокиевского района Рес-

публики Молдова; быть Никольскому Черноостровскому монастырю женским.

Священный Синод поблагодарил Верховный Совет Российской Федерации за финансовую помощь, оказанную Русской Православной Церкви в 1992 году, для реставрации восстанавливаемых храмов и монастырей – памятников архитектуры и принял решение просить Верховный Совет о выделении средств на эти цели в 1993 году.

В Комиссию по канонизации святых поступило письмо епископа Владимирского и Суздальского Евлогия с вопросами, связанными с почитанием местночтимых святых. При обсуждении поднятых Преосвященным Евлогием вопросов на очередном заседании Комиссии по канонизации святых, которое состоялось 21-22 января 1993 года, были выработаны следующие ответы:

1. В том случае, если имеются тропарь и кондак местночтимому святому, а службы не имеется, то совершать этому святому службы по Общей Минее можно.

2. В том случае, если нет местночтимому святому тропаря и кондака, то общими тропарями, кондаками и службами пользоваться можно по роду его подвижничества. Что же касается составления новых тропарей, кондаков и служб данному подвижнику, то эта инициатива может исходить от правящего архиерея, который должен обратиться к Святейшему Патриарху с проектом соответствующих служб или с просьбой о составлении таковых в богослужебную Комиссию.

3. Если имеются тропарь и кондак местночтимому подвижнику, составленные в прошлом, то нужно провести исследование, являются ли эти тропарь и кондак следом установленного в прошлом местного его почитания как святого. Если же в этом убедиться невозможно, то ему следует совершать панихиды без употребления имеющихся тропаря и кондака.

Священный Синод постановил одобрить представленную Комиссией по канонизации святых позицию по богослужебной практике, связанной с почитанием местночтимых святых.

25 марта 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Благословить открытие в селе Тетеринском Нерехтского района Костромской области женской обители для возрождения монашеской жизни в епархии; открытие в г. Пензе Троицкого женского монастыря для возрождения монашеской жизни; открытие в городе Перми Успенского женского монастыря для возрождения в нем монашеской жизни.

На имя председателя Комиссии по канонизации святых 22 февраля 1993 года поступил рапорт Преосвященного Архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского Алексия, в котором он просил дать разъяснение по порядку канонического оформления почитания подвижников благочестия на местном, епархиальном уровне.

На очередном, двенадцатом заседании Комиссии по канонизации святых, состоявшемся 18–19 марта 1993 года, по имевшемся обсуждении была выработана следующая позиция: "В практике Русской Православной Церкви право канонизации местнохрамовых и местноепархиальных святых принадлежало правящему архиерею с ведома и благословения Предстоятеля Церкви – Митрополита, позднее – Патриарха всея Руси.

Свидетельством святости являются в Церкви проповедь слова Божия, мученичество и исповедничество за Христа, святительское служение, высокая праведная жизнь, Православие безукоризненное.

В подходе к канонизации местночтимых святых использовались те же критерии, что и при общецерковном прославлении: святость того или иного подвижника веры удостоверяется его народным почитанием, даром чудотворения святого при его жизни или после смерти и нередко – наличием нетленных мощей.

Церковному прославлению святого предшествовала работа епархиальной

власти по удостоверению подлинности чудес, связанных с его именем, освидетельствования мощей.

Затем составлялись богослужебные тексты в честь данного святого, писались икона и житие с описанием деяний и чудес данного подвижника веры.

Такая практика канонизации святых на епархиальном уровне, сложившаяся в Русской Православной Церкви, должна быть восстановлена и усвоена в работе епархиальных комиссий по канонизации святых для сбора и изучения материалов о канонизации подвижников веры и благочестия, решение о создании которых было принято на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 31 марта – 4 апреля 1992 года".

Священный Синод одобрил представленный Комиссией по канонизации святых текст о порядке канонизации местночтимых святых и рекомендовал его для общецерковного употребления.

26 апреля 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Благословить открытие Троицкого женского монастыря в поселке Белопесоцком Ступинского района Московской области и Преображенского мужского монастыря в с. Верхний Волочек Молчановского района Томской области для возрождения в них монашеской жизни.

2. Благословить открытие в Риге Духовной Семинарии для подготовки священнослужителей.

11 июня 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Образовать епархию Московского Патриархата в Республике Марий-Эл, выделив ее из состава Казанской епархии; епархиальным архиереям в Республике Марий-Эл носить титул "Йошкар-Олинский и Марийский"; епископом Йошкар-Олинским быть игумену Иоанну (Тимофееву), клирику Казанской епархии; Преосвященным архипастырям Казанским впредь носить титул "Казанский и Татарстанский".

2. Архимандриту Никону (Миронову) быть епископом Задонским, викарием Воронежской епархии.

3. Образовать епархию Московского Патриархата в Кемеровской области, выделив ее из состава Красноярской епархии; епархиальным архиереям Кемеровской епархии носить титул "Кемеровский и Новокузнецкий"; временное управление Кемеровской епархией поручить Преосвященному Софронию, епископу Томскому, викарию Новосибирской епархии.

4. Благословить преобразование Троицкого прихода г. Усть-Каменогорска Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан в мужской Троицкий Усть-Каменогорский монастырь; открытие в г. Владимире Успенского Княгинина женского монастыря; открытие Казанского женского монастыря в г. Троицке; открытие в местечке Сэн-Марс де Локне Корсунской епархии мужского монастыря в честь преподобного Силуана Афонского.

5. Принять православный приход в г. Грац (Штирия, Австрия) в лоно Русской Православной Церкви и включить его в состав Венско-Австрийской епархии.

Священный Синод имел суждение об обращении к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II и Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви бывшего епископа Житомирского и Овручского Иоанна (Боднарчука), за учинение церковного раскола во Львовской епархии постановлением Священного Синода от 13 ноября 1989 года лишенного священного сана и монашества, с покаянием в совершенном им грехе и просьбой о принятии в лоно Русской Православной Церкви и возвращении в епископское достоинство. Исходя из того, что бывший епископ Иоанн (Боднарчук) действительно явился основоположником нового церковного раскола на Украине и что решение по его делу было принято Архиерейским Собором, Священный Синод счел необходимым передать окончательное решение вопроса о судьбе Василия Николаевича Бод-

нарчука на рассмотрение Высшего судебного органа Русской Православной Церкви – Поместного Собора, который единственно имеет право и полномочия рассматривать и пересматривать вопросы, решения по которым были ранее вынесены Архиерейским Собором.

16 июля 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. В связи с возвращением г. Целинограду названия Акмола Преосвященному Чимкентскому и Целиноградскому впредь именоваться "Чимкентский и Акмолинский".

2. Назначить епископом Тихвинским, викарием Санкт-Петербургской епархии, архимандрита Симона (Гетя), клирика Санкт-Петербургской епархии.

3. Профессора протоиерея Василия Стойкова, и.о. ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии и Семинарии, утвердить в должности ректора.

4. Благословить открытие в с. Малиновка Колыванского района Новосибирской области Крестовоздвиженского мужского монастыря; открытие при храме преподобного Трифона Вятского, близ с. Каменное Задолье Балезинского района Удмуртской Республики, Покровского женского монастыря; открытие в г. Макарьеве Костромской области Макариево-Унженского женского монастыря; создание при Воскресенском соборе г. Костромы Знаменского женского монастыря; образование в Москве Богородице-Рождественского женского монастыря.

В связи с совершаемым в 1993 году воспоминанием 75-летия убиения Императора Николая II и его семьи, содеянного в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, Священный Синод постановил: памятуя о необходимости всенародного покаяния в совершенном три четверти века назад грехе цареубийства, а также принимая во внимание важность извлечения нравственного урока из трагических событий прошлого, обратиться к Полноте Русской Православной Церкви с Патриаршим и Синодальным Посланием к 75-летию беззаконного убиения Императора Николая II и его семьи.

Епископ Уфимский и Стерлитамакский Никон сообщил о начавшемся в середине июня 1992 года мироточении нескольких икон, находящихся в Рождество-Богородицком храме г. Уфы ("Иверской" иконы Божией Матери, иконы Господа Вседержителя, иконы Божией Матери "Взыскание погибших", иконы преподобного Серафима Саровского, "Табынского" образа Божией Матери и Усекновения главы Иоанна Предтечи), а епископ Рижский и всей Латвии Александр – о начавшемся в конце мая сего года мироточении икон в Троицком соборе Троице-Сергиева женского монастыря в г. Риге (иконы Божией Матери "Смоленская", Преподобного Сергия Радонежского и других). Священный Синод постановил признать в мироточении святых икон зримый знак особой милости Господа Иисуса Христа, свидетельство Покрова над нами Пресвятой Богородицы, заступничества святых угодников Божиих в это трудное для народа нашего переходное время; благословить местное почитание мироточащих икон как чудотворных; день обнаружения чудесного мироточения иконы объявить днем местночтимого церковного праздника.

1 и 2 октября 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

Благословить открытие Рождество-Богородицкого женского монастыря в г. Уссурийске; открытие Задонского Свято-Тихоновского Преображенского женского монастыря Воронежской епархии; открытие Николо-Вяжищского женского монастыря, Иверского Валдайского мужского монастыря, Новгородского Юрьева мужского монастыря в Перынском ските, Варлаамо-Хутынского Преображенского монастыря в Новгородской епархии; открытие Рождества Богородицы Снетогорского женского монастыря в г. Пскове; открытие Свято-Духовского мужского монастыря в г. Екабпилсе, Латвия; открытие Борисо-Глебского мужского монастыря в г. Торжке; открытие женс-

кого монастыря при Кресто-Воздвиженском храме г. Уфы.

8 октября 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

Принимая во внимание, что работа в некоторых органах представительной власти, в первую очередь на федеральном уровне, будет осуществляться на постоянной основе или требовать полной отдачи времени, что исключает возможность исполнения священнослужителем, в случае его избрания, Богом наложенных на него пастырских обязанностей, и памятуя о том, что такая работа священнослужителей в высших органах государственной власти уже вызвала смущения и разделения среди верующих, предписать священнослужителям воздержаться от участия в выборах в качестве кандидатов в депутаты в органы представительной власти, действующие на постоянной основе, и в первую очередь на федеральном уровне.

В случае выдвижения священнослужителей для избрания в органы власти, не предполагающие профессиональной работы или полной отдачи времени, руководствоваться ранее принятыми Определениями Архиерейского Собора и Священного Синода Русской Православной Церкви.

Священнослужителей, не подчинившихся данному Определению, как ослушавшихся церковного Священноначалия, в соответствии с каноническим правом Православной Церкви подвергнуть лишению священного сана.

1–2 ноября 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Епископом Магаданским и Чукотским быть иеромонаху Ростиславу (Девятову), насельнику Троице-Сергиевой Лавры; епископа Южно-Сахалинского и Курильского Аркадия освободить от порученного ему временного управления Магаданской епархией.

2. Епископом Кемеровским и Новокузнецким назначить епископа Томского Софрония, временно управляющего Кемеровской епархией, с освобождением его от обязанностей викария Новосибирской епархии.

3. Епископом Каширским, викарием Московской епархии, назначить епископа Аргентинского и Южно-Американского Марка с поручением ему управлять Патриаршими приходами в Канаде; епископа Зарайского Павла, управляющего Патриаршими приходами в США и Канаде, освободить от управления приходами в Канаде.

4. Архиепископом Аргентинским и Южноамериканским назначить архиепископа Ярославского и Ростовского Платона.

5. Благословить Смоленскому межъепархиальному Духовному училищу осуществлять учебный процесс по программе Духовных Семинарий.

6. Принимая во внимание преклонный возраст и состояние здоровья архиепископа Цюрихского Серафима, викария Корсунской епархии, освободить его от занимаемой должности, почислив за штат; выразить архиепископу Серафиму благодарность за долголетнее служение на благо Матери-Церкви в российском зарубежье.

8. Епископом Ярославским и Ростовским быть клирику Ярославской епархии архимандриту Михею (Хархарову).

9. Благословить открытие Оранского в честь Владимирской иконы Божией Матери мужского монастыря в с. Оранки Богородского района Нижегородской области; открытие в Калужской епархии монастыря Калужская Свято-Тихонова пустынь.

27–28 декабря 1993 года Священный Синод под председательством Патриарха постановил:

1. Восстановить Благовещенскую епархию. Епархиальным архиереям Благовещенской епархии носить титул "Благовещенский и Тынденский"; епископам Хабаровским носить титул "Хабаровский и Приамурский"; временное управление Благовещенской епархией поручить епископу Хабаровскому и Приамурскому Иннокентию.

2. Отменить постановление Свя-

щенного Синода от 23 февраля 1993 года о назначении епископом Петропавловским и Камчатским игумена Диомида (Дзюбана); епископом Петропавловским и Камчатским быть клирику Краснодарской епархии протоиерею Николаю Сапсаю.

3. Благословить открытие в Санкт-Петербургской епархии Введенско-Оятского женского монастыря; открытие Свято-Покровского женского монастыря в с. Самохвалове; открытие Казанской Ключевской мужской пустыни, близ поселка Тургенево Ардатовского района Мордовии; открытие в г. Переславле-Залесском Никитского и Троице-Данилова мужских монастырей и Никольского женского монастыря.

Священный Синод принял решение о строительстве в г. Екатеринбурге, на месте убиения Императора Николая II и его семьи, храма-памятника на крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. В этих целях решено создать церковно-общественную Комиссию по его строительству во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, учредить Общественный фонд строительства в Екатеринбурге храма-памятника и призвать чад Русской Православной Церкви к посильным на это пожертвованиям. К участию в работе церковно-общественной Комиссии приглашены представители Русской Православной Зарубежной Церкви.

Алексий II,

Патриарх Московский и всея Руси

Жизнеописание

Его Святейшество Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй (в миру Алексей Михайлович Ридигер) родился 23 февраля 1929 года в городе Таллинне в глубоко верующей семье. Отец Патриарха Алексия, Михаил Александрович Ридигер († 1962), уроженец Санкт-Петербурга, учился в училище Правоведения, гимназию кончал в эмиграции в Эстонии, в 1940 году окончил Богословские трехгодичные курсы в Таллинне и был посвящен во диакона, а затем во иерея; в течение 16 лет был настоятелем таллиннской Рождества Богородицы Казанской церкви, состоял членом, а позже и председателем епархиального совета. Мать Святейшего Патриарха – Елена Иосифовна Писарева († 1959), уроженка г. Ревеля (Таллинна).

Ежегодно совершая паломничества в Свято-Успенский Пюхтицкий и Псково-Печерский Свято-Успенский монастыри, родители брали с собой сына. В конце 30-х годов родители вместе с сыном совершили две паломнические поездки в Валаамский монастырь на Ладожском озере, что во многом определило духовный жизненный путь будущего Патриарха.

С юного возраста Алексей Ридигер прислуживал в церкви под руководством своего духовного отца протоиерея Иоанна Богоявленского, впоследствии епископа Таллиннского и Эстонского Исидора, с 1944 по 1947 год был старшим иподиаконом у архиепископа Таллиннского и Эстонского Павла (Дмитровского; † 1946), а затем и у епископа Исидора († 1949). Обучался в таллиннской русской средней школе.

В 1945 году иподиакону Алексию было поручено подготовить к открытию Александро-Невский собор г. Таллинна для возобновления в нем богослужений

(собор в оккупационное время был закрыт). С мая 1945 по октябрь 1946 года был алтарником и ризничим собора. С 1946 года служил псаломщиком в Симеоновской, а с 1947 – в Казанской церкви г. Таллинна. В 1947 году поступил в Ленинградскую Духовную Семинарию, которую окончил по первому разряду в 1949 году. Будучи на первом курсе Ленинградской Духовной Академии, Алексей Ридигер 15 апреля 1950 года был рукоположен в сан диакона, а 17 апреля того же года – в сан священника и назначен настоятелем Богоявленской церкви г. Йыхви Таллиннской епархии. В 1953 году отец Алексий окончил Духовную Академию по первому разряду и был удостоен степени кандидата богословия.

15 июля 1957 года отец Алексий назначен настоятелем Успенского собора в г. Тарту и благочинным Тартуского округа. 17 августа 1958 года возведен в сан протоиерея. 30 марта 1959 назначен благочинным объединенного Тарту-Вильяндиского благочиния Таллиннской епархии. 3 марта 1961 года в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры пострижен в монашество.

14 августа 1961 года постановлением Святейшего Патриарха Алексия I и Священного Синода иеромонаху Алексию определено быть епископом Таллиннским и Эстонским с поручением ему временного управления Рижской епархией. 21 августа 1961 года иеромонах Алексий возведен в сан архимандрита. 3 сентября 1961 года в таллиннском Александро-Невском кафедральном соборе совершена хиротония архимандрита Алексия во епископа Таллиннского и Эстонского.

14 ноября 1961 года епископ Алексий назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

23 июня 1964 года указом Святейшего Патриарха Алексия I епископ Алексий удостоен возведения в сан архиепископа.

С 22 декабря 1964 года архиепископ Алексий назначается управляющим делами Московской Патриархии. На этом посту он пробыл до 20 июля 1986 года.

7 мая 1965 года архиепископ Алексий назначается председателем Учебного комитета. Освобожден от этой должности, согласно личной просьбе, 16 октября 1986 года.

С 17 октября 1963 по 1979 год архиепископ Алексий – член Комиссии Священного Синода по христианскому единству и межцерковным сношениям.

Указом Святейшего Патриарха Алексия I от 25 февраля 1968 года архиепископ Алексий возведен в сан митрополита.

С 10 марта 1970 года по 1 сентября 1986 года возглавлял общее руководство Пенсионным комитетом, осуществляющим пенсионное обеспечение духовенства, вдов и сирот священнослужителей и лиц, работавших в церковных организациях.

18 июня 1971 года во внимание к усердным трудам по проведению Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года митрополиту Алексию предоставлено право ношения второй панагии.

Митрополит Алексий активно участвовал в жизни Русской Православной Церкви и выполнял ответственные поручения в качестве члена Комиссии по подготовке и проведению празднования 50-летия (1968) и 60-летия (1978) восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви; члена Комиссии Священного Синода по подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года, а также председателя процедурно-организационной группы, председателя секретариата Поместного Собора; с 23 декабря 1980 года он – заместитель председателя Комиссии по подготовке и проведению празднования 1000-летия Крещения Руси и председатель организационной группы этой комиссии, а с сентября 1986 года – богословской группы.

Указом Святейшего Патриарха Пимена от 25 мая 1983 года назначен председателем Ответственной комиссии для разработки мероприятий по приему зданий ансамбля Данилова монастыря, организации и проведению всех реставрационных и строительных работ по созданию на его территории Духовно-администра-

тивного центра Русской Православной Церкви. Освобожден от этой должности, согласно прошению, определением Священного Синода от 16 сентября 1986 года в связи с назначением на Ленинградскую кафедру.

Определением Священного Синода от 29 июня 1986 года назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским с поручением управлять Таллиннской епархией. По должности митрополита Ленинградского и Новгородского стал председателем Ленинградского филиала Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Деятельность митрополита Алексия на международном поприще: в составе делегации Русской Православной Церкви участвовал в работе III Ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Нью-Дели (1961); избирался членом Центрального комитета Всемирного Совета Церквей (1961–1968); был президентом Всемирной конференции "Церковь и общество" (Женева, Швейцария, 1966); членом комиссии "Вера и устройство" ВСЦ (1964–1968).

В качестве главы делегации Русской Православной Церкви участвовал в богословских собеседованиях с делегацией Евангелическо-Лютеранской Церкви Германии "Арнольдсхайн-II" (ФРГ, 1962), в богословских собеседованиях с делегацией Союза Евангелических Церквей в ГДР – "Загорск-V" (Троице-Сергиева Лавра, 1984), в богословских собеседованиях с Евангелическоютеранской Церковью Финляндии в Ленинграде и Пюхтицком монастыре (1989).

Более четверти века митрополит Алексий посвящает свои труды деятельности Конференции Европейских Церквей.

С 1964 года митрополит Алексий – президент Конференции Европейских Церквей, на последующих генеральных ассамблеях переизбирался президентом.

С 1971 года митрополит Алексий – вице-председатель Президиума и Совещательного комитета Конференции Европейских Церквей. 26 марта 1987 года избран председателем Президиума и Совещательного комитета КЕЦ.

На VII Генеральной ассамблее на Крите в 1979 году митрополит Алексий был основным докладчиком на тему "В силе Святого Духу – служить миру".

С 1972 года митрополит Алексий – член Совместного комитета Конференции Европейских Церквей и Совета Епископских Конференций Европы Римско-Католической Церкви.

15–21 мая 1989 года в Базеле (Швейцария) митрополит Алексий был сопредседателем Европейской Экуменической ассамблеи "Мир и справедливость".

В сентябре 1992 года, на 10-й Генеральной ассамблее КЕЦ, истек срок полномочий Патриарха Алексия Второго в качестве Председателя Конференции Европейских Церквей.

Митрополит Алексий – инициатор и председатель четырех семинаров Церквей Советского Союза – членов КЕЦ и Церквей, поддерживающих с этой региональной христианской организацией братское сотрудничество, проходивших в Пюхтицком Успенском женском монастыре в 1982, 1984, 1986 и 1989 годах.

Митрополит Алексий принимал активное участие в работе международных и отечественных миротворческих общественных организаций.

С 1963 года – член правления Советского Фонда мира, участник учредительного собрания общества "Родина", на котором избран членом совета Общества с 15 декабря 1975 года; переизбирался 27 мая 1981 и 10 декабря 1987 года.

24 октября 1980 года на V Всесоюзной конференции Общества советско-индийской дружбы избран вице-президентом этого Общества.

11 марта 1989 года избран членом совета Фонда славянской письменности и славянских культур.

Делегат Всемирной Христианской Конференции "Жизнь и мир" (20–24 апреля 1983 года, Упсала, Швеция). Избран на этой конференции одним из ее президентов.

С 24 января 1990 года – член правления Советского Фонда милосердия и здоровья; с 8 февраля 1990 – член президиума Ленинградского фонда культуры.

От Фонда милосердия и здоровья в 1989 году избран народным депутатом СССР.

За годы своего епископского служения митрополит Алексий посетил многие страны мира и был участником различных церковных событий.

Находясь на должности управляющего делами Московской Патриархии и председателя Учебного комитета, митрополит Алексий посетил многие епархии Русской Православной Церкви.

7 июня 1990 года на Поместном Соборе Русской Православной Церкви избран на Московский Патриарший престол. Интронизация состоялась 10 июня 1990 года.

Святейший Патриарх Алексий опубликовал в церковной и светской печати нашей страны и за рубежом более 250 работ на богословские, церковно-исторические, миротворческие, экуменические и другие темы.

Святейший Патриарх Алексий – почетный член Ленинградской и Московской Духовных Академий, Критской Православной Академии (Греция); Советом Ленинградской Духовной Академии удостоен ученой степени доктора богословия за представленный труд "Очерки по истории Православия в Эстонии", доктор богословия honoris causa Богословской Академии в Дебрецене, Реформатской Церкви Венгрии и Богословского факультета Яна Коменского в Праге.

Доктор honoris causa Генеральной семинарии Епископальной Церкви в США – 1991 год.

Доктор honoris causa Свято-Владимирской Духовной Семинарии в США – 1991 год.

Доктор honoris causa Свято-Тихоновской Духовной Семинарии США – 1991 год.

В 1992 году избран действительным членом Академии образования Российской Федерации.

Доктор honoris causa Университета г. Анкориджа, Аляска, США, – 1993 год.

1993 год – лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) имени А. Е. Кулаковского "За выдающуюся подвижническую деятельность по консолидации народов Российской Федерации".

1993 год – присвоено звание почетного профессора Омского государственного университета за выдающиеся заслуги в области культуры и образования.

1993 год – присвоено звание почетного профессора Московского государственного университета за выдающиеся заслуги в деле духовного возрождения России.

Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй награжден многими орденами Поместных Православных Церквей и государственными орденами Греции, Ливана, СССР.

В качестве Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарх Алексий Второй нанес ряд визитов Предстоятелям Православных Церквей-Сестер. Как Патриарх Всероссийский, он за время своего служения уже посетил много епархий с пастырскими визитами.

В период общественно-политического кризиса в сентябре-октябре 1993 года, чреватого угрозой гражданской войны, Патриарх Алексий Второй выступил с инициативой умиротворения политических страстей и от имени Церкви выполнил посредническую миссию, председательствуя на переговорах между находящимися в конфликте сторонами 30 сентября – 3 октября.

Слово Патриарха можно услышать не только в храме во время богослужения. Средства массовой информации охотно предоставляют ему возможность высказаться перед народом.

СЛОВО
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
на новогоднем молебне
в Богоявленском кафедральном соборе
31 декабря 1993 года

Еще один год, прожитый нами, ушел в вечность. К чему призывает нас Святая Церковь на пороге нового года? Она призывает нас возблагодарить Господа за все милости, которые Он ниспосылал нам в минувшем году. Мы должны обратиться ко Господу и молиться, чтобы Господь простил нам все согрешения, в мимошедшем лете нами содеянные. Мы будем просить, чтобы Господь благословил наступающее лето Своея благости, благословил люди Своя миром, дал бы всем нам, каждому из нас все потребное для жизни, для душевного спасения, для возрастания о Господе и духовного совершенства.

Непростым был уходящий год для нашего многострадального Отечества. Мы стали свидетелями противостояния, нетерпимости, озлобленности в обществе, приведших в октябре к трагическим событиям – кровопролитию в Москве.

Непростым был уходящий год и для нашей Святой Русской Православной Церкви. Все мы стремились к тому, чтобы сохранить единство Святого Православия в нашем Отечестве, чтобы распри, привносимые в церковную жизнь извне, не поколебали бы единства Святой Православной Церкви.

Непростым минувший год был и для каждого из нас. Многие испытывали экономические трудности, труднее стало жить, но, вступая в новый год, в котором будут свои испытания, мы должны сохранить душевный мир, согласие друг с другом. Совсем недавно мы были свидетелями обретения и перенесения святых мощей преподобного Серафима Саровского из Санкт-Петербурга через наш град в Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. И мы по-новому почувствовали силу слов преподобного Серафима Саровского: "Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя".

Каждый из нас имел возможность убедиться в своей жизни, что если у нас в душе мир и спокойствие, это спокойствие и этот мир распространяются и на окружающих нас. И наоборот: нет согласия в душе – и разлад будет окружать нас. Поэтому каждый должен быть созидателем душевного мира и распространять его на тех, с кем мы вместе идем одной дорогой жизни.

Мы должны в это непростое время умножать добро, стараясь помочь тем, кому тяжело, кто нуждается в нашей поддержке. Всем нам следует помнить слова Апостола: *Вера без дел мертва* (Иак. 2, 20).

Каждый из нас должен благодарить Господа за те милости, которые Господь даровал нам в минувшем году. Мы сподобились принимать Животворящее Тело и Честную Кровь Господню, причащаясь Святых Христовых Таин. Мы имели радость совместно молиться и поклоняться нашим общим церковным святыням. Как епископ Москвы, я во многих храмах нашего города совершил богослужения, имел радость молитвенного общения с пастырями и благочестивыми верующими нашего города. Я посетил в минувшем году 18 епархий Русской Православной

Церкви в разных регионах, поклоняясь святыням, совершая богослужения, общаясь с архипастырями, клиром, монашествующими и верующими.

Господь сподобил меня пройти тем путем, по которому прошли 200 лет тому назад восемь монахов Спасо-Преображенского Валаамского монастыря и Коневского Богородице-Рождественского монастыря, – чтобы принести свет Святого Православия на Американский континент.

По дороге на Аляску я встречался с архипастырями, священниками и верующими Омской, Кемеровской, Якутской, Камчатской и Магаданской епархий и всюду видел возрождение церковной жизни, хотя в минувшие десятилетия вихрь атеизма смел все духовное, разрушил храмы, обители, души людей – особенно на Дальнем Востоке.

Мы совершили богослужения в Анкоридже, на Кадьяке, Ситке и на Еловом острове. Семена веры Христовой, которые были посеяны монахами-подвижниками, в течение 200 лет дают обильные плоды. Местное население – эскимосы, якуты, колоши, сохраняя свой язык, свои традиции, исповедует Православие. И то молебное пение, которое было совершено нами перед мощами преподобного Германа Аляскинского, с пением на разных языках, я сохраню в своей памяти.

Думаю, для всех нас стало большим событием в минувшем году освящение на Красной площади восстановленного Казанского собора, который некогда был построен в память о прекращении смуты в XVII веке. И мы молимся Заступнице Усердной всего рода христианского, чтобы смуты прекратились в нашем Отечестве и в наши дни.

Мы в прошедшем году освятили закладку храма на Поклонной горе, который будет освящен к 50-летию победы в Великой Отечественной войне, – храм в память великомученика Георгия Победоносца – Небесного покровителя Москвы.

Господь давал нам всем, Святой Своей Церкви, и мне, как ее Предстоятелю, многие духовные радости, которые мы пережили в уходящем году. И стоя на пороге нового года, мы благодарим за все то, что было пережито нами, – за радости и скорби, которыми посещал нас Господь. Мы говорим словами великого святителя Церкви Христовой, Иоанна Златоуста, который, как бы подводя итог своей многострадальной, трудной жизни, умирая, говорил: "Слава Богу за все", и так должен сказать каждый из нас, когда переворачивается лист календаря, когда мы вступаем в новый год и когда мы просим благословения Божия на наступающее новое лето благости Господней.

Вознесем же наши молитвы ко Господу, да благословит Он всех нас в грядущее лето Своим милосердием, Своей благостью и Своей любовью. Да поможет Он всем нам с честью и достоинством проходить земной путь нашего бытия. Да благословит люди Своя миром, да сопутствует нам в наступающем новом году предстательство и покров Пречистой Богоматери, молитвы Святителя Алексия, Митрополита Московского, перед святыми и цельбоносными мощами которого мы совершили акафистное пение.

Да сопутствуют нам молитвы всех святых, в земле Российской просиявших, разными подвигами благочестия достигших жизни Вечной и Царствия Небесного.

Да укрепляют нас молитвы новомучеников российских, которые в минувшие лихолетья кровью своей засвидетельствовали верность Святой Церкви Христовой, пронесли веру Христову и являют нам пример исповедничества, мученичества, твердости в вере и верности Святому Православию.

Да благословит Господь всех нас вступить в новый, 1994 год и да поможет Он нам с честью и достоинством прожить этот год, чтобы мы могли сказать, что мы соблюли веру и добрым подвигом подвизались.

С Новым годом, с пожеланием здоровья, мира душевного, радости о Господе, благополучия вам, семьям и ближним вашим.

ОБРАЩЕНИЕ
Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
в связи с 50-летием полного освобождения Ленинграда от блокады

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

27 января является особым днем в календаре граждан суверенных государств, еще недавно составлявших в совокупности Советский Союз. В этот день 1944 года под непреклонным натиском Красной Армии и Флота рухнула блокада Ленинграда, 900 дней и ночей терзавшая великий город и его героических защитников. Немецко-фашистские армии понесли жестокое поражение.

Несокрушимая стойкость ленинградцев укрепляла силу и мужество наших воинов на других фронтах, наших партизан на оккупированных территориях, тружеников тыла, вселяла надежду народам многих порабощенных нацистами стран на освобождение и веру в победу в государствах антигитлеровской коалиции.

Стойкость ленинградцев! Она слагалась из усилий всего населения блокадного города, людей всех возрастов и положений, тех, кто мог держать в руках оружие, кто выполнял на производстве оборонные заказы, кто трудился в госпиталях, кто тушил зажигательные бомбы на крышах домов и пожары, кто исполнял свой гражданский долг на одном из множества других жизненно необходимых для города участков. Эта стойкость укрепляла и повседневный жертвенный подвиг воинов сухопутных войск и флота.

Стойкость ленинградцев! Это прежде всего стойкость их духа, преодолевавшая террор каждодневных педантичных артиллерийских обстрелов врагами жилых кварталов, поддерживавшая в них веру в победу и необходимость борьбы за нее до конца в условиях голодного пайка, неотапливаемых и неосвящаемых жилищ, паралича городского транспорта.

Стойкость духа ленинградцев поддерживала их и перед лицом смерти, унесшей в блокадные 900 дней неисчислимое число своих жертв.

Вечная память воинам, оборонявшим Ленинград, и его жителям, почившим во время блокады. Господь да упокоит их в Своих Небесных селениях и да простит им вольные и невольные прегрешения. Память их в род и род.

В сей торжественный день мы от всего сердца поздравляем ныне здравствующих ветеранов ленинградской блокады со знаменательной датой 50-летия полного освобождения города.

Мы считаем, что, сколь экономически сложной ни была бы совре-

менная жизнь в Российской Федерации и в других суверенных государствах, составлявших прежде Советский Союз, их государственные и общественные круги нравственно обязаны повседневно заботиться о благосостоянии и устроении живущих в них ветеранов блокадного Ленинграда.

Мы молимся, да укрепит Всемилостивый Господь духовные и телесные силы наших братьев и сестер, участников ленинградской блокады, избавит их от всякия скорби, беды, гнева и нужды, дарует им здравие и долгоденствие.

Возлюбленные, отмечая полувековую годовщину выдающегося исторического события, приблизившего крах фашистской Германии и ее союзников, отдадим должное и вспомним о служении Ленинградской митрополии и приходов города в период блокады.

Духовным руководителем и организатором этого служения был Высокопреосвященный Алексий, митрополит Ленинградский и Новгородский, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси. Святитель неукоснительно ежедневно совершал богослужения в кафедральном Никольском соборе и других храмах города, отпевал погибших от бомбежек и голодного истощения. В любое время дня он встречался с шедшими к нему во множестве людьми, укреплял в них веру в победу, христианскую радость и молитвенное утешение в скорби. Он ободрял малодушных и подкреплял слабых. Делился своей скудной пищей. В многочисленных посланиях и обращениях к духовенству и пасомым призывал к защите Ленинграда, к труду и терпению во имя победы. Призывал к пожертвованиям на помощь Красной Армии и предварял это щедрым личным даром. С 22 июня 1941 года храмы Ленинграда и Митрополия собрали с этой целью денег, ценностей и вещей на сумму 13 миллионов 650 тысяч рублей.

Самоотверженное служение своего архипастыря в полной мере разделяли клирики всех храмов города. Назовем нескольких: протоиерей Павел Тарасьев, настоятель Преображенского собора, протоиерей Владимир Румянцев, настоятель кафедрального Никольского собора, протоиерей Николай Ломакин, клирик Никольского собора, протоиерей Михаил Славнитский, настоятель Никольской церкви Большеохтинского кладбища.

Сохраним же в наших сердцах благодарную память и о ревностных тружениках на ниве Божией, чьи пастырские труды в блокадном Ленинграде укрепляли стойкость духа его жителей, их веру в победу правого дела.

Возлюбленные братья и сестры, будем достойны памяти жертв блокады, не посрамим плоды Великой победы 1945 года, какую приблизил подвиг защитников Ленинграда, и с помощью Божией во взаимном согласии и добром сотрудничестве сделаем все возможное для скорейшего созидания мирной и благоденственной жизни наших братских народов и государств.

25 января 1994 года, г. Москва

СЛОВО
архимандрита Алексия (Редигера) при наречении во епископа
Таллиннский Александро-Невский собор, 2 сентября 1961 года

"Ваши Преосвященства, богомудрые архипастыри и отцы! С великим смущением и трепетом узнал я об определении Его Святейшества, Святейшего Патриарха, и Священного при нем Синода, призывающем меня, недостойного, к великому апостольскому служению в Святой Церкви в сане епископа.

Сознаю высоту этого служения, ту ответственность перед Богом, какую возлагает на человека немощного и слабого сей сан. Сознаю трудности предстоящего мне служения в пределах Эстонской епархии, условия которой знаю по моему малому опыту пастырской работы в этой епархии.

Высоты пастырского, а тем более архипастырского, служения страшились и уклонялись от него вселенские великие святители и учители Церкви, при высоте своего богословствующего ума, чистоте сердца и жизни.

Сознаю свою немощь, неопытность, молодость и в эти великие, святые минуты своей жизни всецело возлагаю все свое упование на Господа, от Которого *исправляются стопы человеку* (Пс. 36, 23). Верю, что по воле Божией совершается и ныне наречение моего недостоинства, ибо Сам Господь, по слову Апостола, дает Церкви Своей пастырей и учителей (Еф. 4, 11) и Духом Святым поставляет их *пасти Церковь Господа и Бога, которую он приобрел Себе Кровию Своею* (Деян. 20, 28).

С юных лет в моем сердце была любовь к храму Божиему и в глубине своей души я слышал голос, зовущий: *Следуй за Мною* (Лк. 5, 27). В юные годы я любил прислуживать при богослужениях, а затем, по получении богословского образования и принятии благодати священства, в течение одиннадцати лет проходил пастырское служение, черпая силы для его прохождения в молитве и укрепляющей силе Божественной благодати, которая *немощная врачует и оскудевающая восполняет*. Теперь мне предстоит еще более трудный подвиг в сане епископа. Перед моим духовным взором в качестве идеала истинного пастыря рисуется образ Божественного Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Вспоминаются Его заветы святым апостолам и другим последующим пастырям Святой Церкви Христовой, которым заповедано быть добрыми пастырями, полагающими душу свою за овцы (Ин. 10, 11), являться для верных образцом *в слове, в житии, в любовании, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12), преуспевать *в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, подвизаться добрым подвигом веры* (1 Тим. 6, 11–12). Вот те основные требования, которые предъявляет Господь в Священном Писании к каждому истинному пастырю, а к епископу в особенности. А чтобы исполнить в жизни эти великие требования, одних слабых человеческих сил недостаточно, нужна особая, укрепляющая, благодатная помощь. Я любил повторять слова великого Апостола языков Павла: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). Верю и надеюсь, что благодать архиерейской хиротонии укрепит мою немощь, восполнит мои силы и на новом пути архипастырского служения будет для меня поддержкой и опорой.

Вас, святители Божии, молю, вознесите свои святительские молитвы о мне, да сподобит меня Господь через таинственную хиротонию принять Божественную

благодать и Божественную силу, которая в немощи человеческой совершается (2 Кор. 12, 9). Приводя на память великие и богатые милости, которые я видел от Господа в течение моей жизни, я дерзаю верить, что Господь, призвавший меня к новому, высокому и ответственному служению, в ответ на молитву вашу, святители Божии, укрепит меня и сподобит меня как *делателя непостыдна, право правяща слово истины* (2 Тим. 2, 15) дать добрый ответ на суде Господнем за души вверяемой моему водительству паствы.

* * *

Архимандрит Алексий был хиротонисан во епископа Таллиннского и Эстонского в воскресенье 3 сентября 1961 года за Божественной литургией в таллиннском Александро-Невском кафедральном соборе.

Чин хиротонии совершали архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, архиепископ Горьковский и Арзамасский Иоанн и епископ Костромской и Галичский Никодим.

За богослужением присутствовали в качестве гостей: архиепископ Евангелическо-Лютеранской Церкви в Эстонской ССР Ян Кийвит с группой пасторов и архиепископ Евангелическо-Лютеранской Церкви в Латвийской ССР Густав Турс с благочинным г. Риги пастором Клепериссом.

При вручении новопоставленному епископу Алексию архиерейского жезла архиепископ Никодим произнес следующую речь:

"Преосвященный епископ Алексий, возлюбленный во Христе брат! Благодатию, и действием, и наитием Святаго Духа, чрез молитву и возложение рук соепископов ты поставлен ныне на высоком свещнике церковном и облечен благодатию и властию апостольскою. Ты принял благодатный дар Святаго Духа и поставлен в Церкви Христовой для совершения божественного священнодействования, церковного правления и евангельского учительства паствы твоей. Отныне надлежит тебе усердно поучать церковные чада твоей епархии, но сейчас ты предстоишь сему освященному собору, чтобы услышать напутственные слова и братские пожелания в предлежащем тебе пути архипастырского служения.

Прежде всего на память приходят слова великого Апостола Павла, сказанные поставленному в апостольское достоинство Тимофею: "*...воспоминаю тебе возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением тебе руки моей*" (2 Тим. 1, 6).Возгревай этот дар благодати и ты, "потому что, – как говорит святой Златоуст, – от нас зависит и погащать, и воспламенять этот дар. От внимания и усердия он воспламеняется... он есть в тебе, но ты доставляй ему больше силы, то есть исполняй его крепости, радости, веселия; стой мужественно" (Иоанн Златоуст, т. XI, с. 759–760).

Возгревай этот дар сердечной молитвой как в Церкви, так и в келлии твоей, возгревай его приношением Бескровной и Божественной Евхаристии и совершением других таинств церковных. Через священные тайнодействия ты и сам укрепишься и освящать будешь чада церковные, которые с большой любовью и усердием притекают ко храму Божию, получая в нем и благодатное освящение, и духовное утешение, назидаясь и утверждаясь в Святом Православии.

Тебе, епископу Церкви Христовой, подобает усердно нести труд и заботу об устроении жизни церковной, помня, что великая ответственность за это лежит на нас, епископах, и перед Пастыреначальником Господом, и перед Церковью Православной. Ты исповедал сегодня и обещался, что эта сторона твоей деятельности будет проходить только по канонам святых апостолов и отцов и согласно установлениям церковным. Особенно осторожен будь, преподавая благодать в таинственном рукоположении хотящим быть в клире церковном. *Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже приобщайся чужым грехом* (1 Тим. 5, 22). Только когда убедишь-

ся, что истинное призвание, а не честь священства, не низменные желания, но осознаваемое служение Святой Церкви устремляет христианина к алтарю Господню, только тогда давай благодать священства через возложение рук твоих просящим этой благодати.

Уместно здесь вспомнить пример святого Льва Великого, которому после усердной молитвы об отпущении грехов его предстал святой апостол Петр и возвестил, что все грехи прощены ему милосердным Господом, кроме греха рукоположения недостойных, за который на страшном судище Христовом воздаст он ответ.

Храня в чистоте святыню Господню, в то же время не будь жестокосердным блюстителем буквы закона. Помня, что Господь милости хочет, а не жертвы, совершай служение твое, устрояя разумное церковное домостроительство для славы Божией.

Всем нам, служителям Христовым, надлежит продолжать благовестие апостольского учения: *Проповедуй слово,* – обращается и к тебе святой Павел, – *настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением* (2 Тим. 4, 2). Но, назидая словом других, постоянно и неленостно *вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно, ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя* (1 Тим. 4, 16).

Проповедание слова Божия – необходимая составная часть нашего служения, но это сеяние евангельского семени тогда только будет плодоносным, когда мы сами дадим добрый пример жизни во Христе. Если твой свет, возлюбленный брат, "просветится пред человеки", если пастыри твоего стада будут подобны горящим светильникам, то, несомненно, будут зримы и плоды трудов твоих, а люди будут познавать и славить Отца нашего Небесного.

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий (1 Кор. 13, 1) – это наставление и предостережение апостольское мы должны всегда помнить, благовествуя миру о Божественной Любви, воплотившейся и восшедшей на крест нашего ради спасения.

Любовь – основа христианской жизни. Любовь никогда не перестает, долготерпит, милосердствует, не превозносится, не гордится, никогда не ищет своего и всегда сорадуется только истине. Такую любовь мы, христиане, не можем не иметь ко всем людям, а наипаче ко всем носящим имя Христово, иначе мы будем недостойными учениками нашего Божественного Учителя Любви. Он завещал нам: *да вси едино будут* (Ин. 17, 21), и мы сейчас можем наблюдать в мире, как знамение времени, стремление всех христиан к взаимообщению на пути к единству. Как весенние холода не могут остановить таяния снегов под лучами живительного солнца, так и человеческая воля, имеющая склонность к греху, не может поставить в этом преграды Божественному Промышлению, которое всякому добру вспомоществует и все устрояет во благое.

Этому благому желанию всех христиан и народов знать лучше друг друга, чтобы приблизить вожделенное время будущего единения во Христе, чтобы способствовать лучшему устроению и упрочению мира на земле, мы должны послужить и внести в это святое дело и свою посильную лепту. А к христианскому братскому общению много сейчас имеется возможностей как здесь у тебя в епархии, так и в общем церковном делании.

Итак, возлюбленный брат, с радостью и упованием на силу Божию приступай к вверенному тебе служению и неси это легкое и благое евангельское иго до последнего твоего издыхания. Мы верим, что благодать Божия, яже в тебе, не тщна будет, но принесет благие плоды во времена своя.

А теперь прими сей жезл святителей Церкви Таллиннской, взыди на это высокое место и первым твоим архиерейским благословением благослови люди паствы твоей, ныне усердно молившейся о твоем благодатном освящении.

СЛОВО
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II
в день интронизации
в Богоявленском патриаршем соборе 10 июня 1990 года

Ваше Святейшество, Преосвященные архипастыри, представители Поместных Православных Церквей, члены Освященного Собора, всечестные отцы, братья и сестры, уважаемые гости и вся возлюбленная наша паства!

С чувством любви о Христе благодарю всех за участие в нашем церковном торжестве и за братское приветствие Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всей Грузии Илии.

Сердечно благодарю моих собратьев и соработников, членов Священного Синода, за глубоко тронувшие меня слова поздравлений.

Принимая от вас знаки патриаршего достоинства, я с особым благоговением опираюсь на священный жезл Предстоятеля Церкви Русской святителя Петра, Московского и всея России чудотворца.

Я благодарю за приветствия представителей при Московском Патриаршем престоле – Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской и Болгарской Святых Апостольских Поместных Православных Церквей.

Мы рады видеть среди нас Глав и представителей христианских Церквей нашей страны, воспринимая их соучастие как знак нашего общего стремления к единству во Христе и как свидетельство братства, объединяющего нас.

В сей день, сознавая всю ответственность пред Богом и Его Церковью, со страхом и трепетом вступаю на Московский Первосвятительский престол, ибо сознаю, что не по делам и заслугам моим выпал мне сей жребий, но по воле промышляющего о нас Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Исповедуя свою немощь, возлагаю всю мою надежду на врачующую благодать Божию, даруемую нам в Духе Святом. Усердно молюсь и взываю ко Господу об укреплении духовных и телесных сил. Уповаю на покров и предстательство Пречистой Богоматери.

Молитвенно обращаюсь также ко всем святым, нашим ходатаям перед Престолом славы Божией, а наипаче к святым первопрестольным предшественникам моим, осеняющим Церковь нашу своими богоугодными молитвами.

Обращаюсь к вам, возлюбленные во Христе архипастыри, всечестные отцы, братья и сестры, ко всей богодарованной мне всероссийской пастве со смиренной просьбой о вашей духовной помощи и молитвенном содействии в моем служении Святой Православной Церкви.

Вступая на предстоящее мне поприще во время, исполненное особых знамений, сознаю, что оно налагает на всех нас большую ответственность. Недавно мы вспоминали великие для нашей Церкви события: 1000-летие Крещения Руси и 400-летие установления Патриаршества в Русской Церкви. Теперь мы стоим на пороге третьего тысячелетия пришествия в мир Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. В вихре совершающихся в мире перемен особенно важным представляется нам опора на вечное и незыблемое. Свое служение мы будем осуществлять, основываясь на Священном Предании, сохраняя верность догматам веры и церковным канонам, руководствуясь соборным разумом Церкви.

Свою первоочередную задачу мы видим прежде всего в укреплении внутренней, духоносной жизни Церкви.

Многообразны средства для возрождения должного духовного состояния нашего христианского общества, опирающегося на древние традиции нашей Церкви. Мы уповаем на то, что боголюбивая паства будет исполнена стремления содействовать этому возрождению во славу Христа Спасителя и Его Святой Церкви. Достижению поставленных целей будет способствовать также управление церковной жизнью согласно нашему новому Уставу, уделяющему большое внимание развитию соборности.

Перед нами стоит великая задача широкого возрождения монашества, во все времена оказывающего столь благотворное влияние на духовное и нравственное состояние всего общества. Немало усилий потребует восстановление великих и малых монашеских обителей нашей страны. Во множестве восстанавливаются храмы, возвращаемые Церкви, и строятся новые. Этот радостный для нас процесс еще только развивается и потребует от всех нас многих трудов и материальных затрат.

Памятуя о своей обязанности научать истине Христовой и крестить во имя Его, мы видим перед собой необозримое поле катихизаторской деятельности, включающей создание широкой сети воскресных школ для детей и для взрослых, обеспечение паствы и всего общества литературой, необходимой для христианского научения и духовного возрастания. С благодарением Богу мы отмечаем, что перед нами открываются новые пути и средства для развития свободного духовного просвещения в самых различных кругах нашего общества.

Мы сознаем, что движение к этим целям потребует от нас увеличения числа Духовных школ, углубления духовного образования будущих пастырей, развития столь славной в прошлом отечественной богословской науки.

Церковь наша – и это мы явственно видим – вступает на путь широкого общественного служения. На нее как на хранительницу непреходящих духовных и нравственных ценностей, исторической памяти и культурного наследия с надеждой взирает все наше общество. Ответить на это – наша историческая задача.

Во время трудных, судьбоносных преобразований в стране Церковь не остается безучастной свидетельницей происходящих событий: она поддерживает благие и гуманные устремления нашего общества в решении нелегких задач построения жизни на началах законности и справедливости. В последние десятилетия наша Церковь предпринимала много усилий во внешнем миротворческом служении. Продолжая его, мы видим ныне наш долг и в развитии внутреннего миротворчества и общественного служения в свойственных Церкви формах, среди которых следует особое внимание уделить возобновлению служения милосердия и широкой благотворительности.

Все эти стороны церковного служения нами непосредственно связываются с принятием нового, более справедливого законодательства в отношении ко всем Церквам и религиям нашей страны.

Немало предстоит сделать в утверждении справедливости в межнациональных отношениях. Будучи многонациональной, Русская Православная Церковь вместе с другими христианскими Церквами и религиозными объединениями нашей страны призвана врачевать раны, наносимые национальной рознью.

С горечью свидетельствуем о все возрастающем беззаконии, чинимом на Западной Украине католиками восточного обряда. Положение там усугубляется расколом, возникшим в результате незаконного объявления так называемой Украинской автокефальной православной Церкви. Мы прилагаем всемерные усилия для устранения этих мучительных для Тела Христова недугов.

Как и прежде, мы будем развивать наши братские отношения с Поместными Православными Церквами и тем самым укреплять всеправославное единство.

Мы видим наш христианский долг в свидетельстве Православия, в развитии диалога и сотрудничества с инославными исповеданиями.

Для исполнения этих предначертаний нашей Церкви я нуждаюсь в братском сотрудничестве членов Священного Синода, всего епископата, клира, монашествующих и мирян.

Да пребывает над всеми нами благословение Господне. И да прославится через нас Святое имя Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава, честь и поклонение ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Слово в день празднования 600-летия явления Тихвинской иконы Божией Матери

Сегодня Святая Церковь совершает празднование в честь Тихвинской иконы Божией Матери. В текущем году наше торжество особое, потому что ныне исполняется 600 лет со дня явления этой чтимой чудотворной иконы в пределах Российских.

По преданию, икона была написана святым апостолом и евангелистом Лукой и послана им в Антиохию. Из Антиохии она была перенесена в Иерусалим, а затем, в V веке, – в Константинополь, где ее поместили во Влахернском храме, специально построенном для нее.

В 1383 году, при благоверном великом князе Димитрии Донском, эта святая икона посетила нашу Русскую землю, явившись чудесным образом в пределах Новгородских, лучезарно сияя над водами Ладожского озера. Она была обретена около города Тихвина, где были построены в честь Пречистой Богоматери сначала храм, а затем мужской монастырь.

Много милостей и щедрот, утешений и заступлений явлено народу нашей великой Отчизны, когда он с верой и упованием прибегал к помощи и предстательству Пресвятой Богородицы, взирая на ныне прославляемую святую и намоленную Тихвинскую икону Божией Матери. Особенно памятным и знаменательным было чудо, явленное от этой святой иконы в 1613 году, когда в ответ на молитву пред ней Пречистая Богоматерь сохранила Тихвинскую обитель от разорения шведскими захватчиками. В память этого чудодейственного заступления Святая Церковь установила торжественно отмечаемый сегодня праздник в честь Тихвинской иконы Божией Матери.

Близость Пречистой Богородицы к роду человеческому имеет непоколебимое основание в священной истории и в верующем сердце православного христианина.

После грехопадения человек потерял возможность постоянно пребывать в вечной радости и в блаженстве рая: грех стал причиной тяжких страданий, скорбных мук, многих забот и горьких слез человеческих. Как часто мы нуждаемся в деятельном и сердечном соучастии в наших повседневных скорбях, невзгодах и испытаниях. Каждый из нас на своем жизненном пути получает благодатное утешение от Той, Которая была Соучастницей Голгофских Страданий Ее Божественного Сына, Господа нашего Иисуса Христа. Трудно представить себе всю силу страданий и тяжесть горя, которые терзали любвеобильное сердце Пресвятой Богородицы, когда Она стояла у Креста Своего возлюбленного Сына. В эти минуты исполнялись пророческие слова правед-

Произнесено 9 июля 1983 года в Тихвинском храме в с. Алексеевском в Москве.

ного Симеона Богоприимца, который предрек Матери Господней: *Тебе Самой душу пройдет оружие* (Лк. 2, 35). Со Креста Она слышит глас Своего Божественного Сына, обращенный к Ней и указывающий на ближайшего ученика Господня – Иоанна Богослова: *Жено! Се, сын Твой* (Ин. 19, 26). Этими словами Господь в священные минуты Своего искупительного подвига усыновляет Пречистой Богоматери весь род человеческий, к которому мы с вами имеем счастье принадлежать.

Только Деве Марии, Ее кроткому сердцу, уязвленному Крестной смертью Ее безгрешного Сына и покорно принявшему Свой тяжкий материнский крест, мог доверить Сын Божий быть Предстательницей и Матерью всех людей. Поэтому Царица Небесная так близка ко всем скорбящим и обремененным, ко всем, кто с верою, молитвой и упованием прибегает к Ней. Для каждого верующего сердца Она – Заступница Усердная, Споручница грешных, Нечаянная Радость, Отрада и Утешение, Радость всех скорбящих и Молитвенница пред Престолом Божиим. Будучи Ее чадами, мы с вами обращаемся к Ней за Ее благодатной помощью и утешением, и если наше стремление избавиться от греховной скверны искренне и чистосердечно, если наши усилия вести добродетельную жизнь во Христе постоянны и нелицемерны, то каждый из нас найдет в Преблагословенной Деве Марии теплое материнское предстательство и благодатную помощь.

Пресвятая Дева не оставила род человеческий и после Своего всеславного Успения. Когда Апостолы на третий день после погребения Богоматери пришли поклониться Ее пречистому телу, они не нашли Ее во гробе. Исполнилось желание Царицы Небесной: Она была взята на Небо, чтобы никогда не разлучаться со Своим возлюбленным Сыном, Господом и Спасителем нашим, Иисусом Христом. Вместе с тем Она явилась Апостолам в сопровождении лика Ангелов, прославлявших Ее, и сказала: "Я с вами во все дни". Поэтому в тропаре праздника Успения Божией Матери мы исповедуем, что Пречистая *в рождестве девство сохранила, во успении мира не оставила.*

Сколько святых намоленных икон Богородицы явлено на нашей Русской земле! Многие из них получили наименование городов, где они прославились чудотворениями и милостями: Владимирская, Казанская, Тихвинская, Курская, Смоленская... Мы можем с уверенностью сказать, что Царица Небесная с особой любовью и милосердием простирала Покров Свой над нашей Церковью и нашим Отечеством.

Будем усердно просить Богоматерь, чтобы Она Своим милосердным предстательством не оставила всех нас и впредь, сохранила наше Отечество и все человечество от угрозы ядерной войны, опасность которой столь реально угрожает ныне народам мира.

Будем еще усерднее молиться и прибегать к помощи и предстательству Пречистой Богоматери, чтобы Она наставила всех нас *на спасения стези,* чтобы все мы в отведенное нам для земного странствия время украшались добрыми делами христианской любви, милосердия и сострадания к ближним.

Сегодня мы молимся в храме, который освящен в честь Тихвинской иконы Богоматери. Перед святой намоленной иконой благоговейно преклонялись в течение минувших столетий многие поколения верующих, возлагая свои упования, надежды и веру на всесильную помощь Пречистой. Молитвенно взирая на Преблагословенный образ Богоматери, будем просить, чтобы живоносная благодать Ее Божественного Сына, по предстательству Пречистой, всегда согревала наши души.

Благословение Господне, по ходатайству Его Пресвятой Матери, пусть пребывает со всеми нами. Аминь.

АЛЕКСИЙ, митрополит Таллиннский и Эстонский (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси)

СЛОВО
Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II
в День города Москвы

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, уважаемые руководители нашего Города, уважаемые народные депутаты, всечестные отцы, дорогие братья и сестры!

Семьдесят два года прошли с момента последней Божественной Литургии, совершенной Святителем Патриархом Тихоном в Успенском соборе Московского Кремля. С тех пор Церкви пришлось пережить тягчайшие испытания, трудности и гонения. Только через 70 лет, в начале 1988 года, началась перестройка отношений государства и Церкви. Эта перестройка не могла не произойти. Даже утратив Бога, русский народ не перестал быть Богоискателем. Не мог и Бог оставить страну, столь искренне возлюбившую Его в своей прежней истории. И 1000 лет христианского воспитания народа не могли исчезнуть бесследно. Даже светская культура прошлого, основанная на христианских ценностях, была залогом будущего духовного возрождения. Когда в начале 30-х годов в официальную советскую культуру вернулся Пушкин, один проницательный мыслитель (Георгий Федотов) заметил, что с Пушкиным вернется в Советский Союз гуманизм, вместе с общечеловеческими ценностями – его христианские основы и, наконец, сама вера Христова.

Да, тысячи наших соотечественников могут сегодня засвидетельствовать, что их путь к Церкви начался с познания христианского духа русской классики.

Как знак связи Церкви и русской культуры сегодня прошел крестный ход, соединивший древний кремлевский Успенский собор и храм Большого Вознесения, который связан в памяти народа с именем Пушкина.

Сегодня, после 70-летнего перерыва, мы вновь не отстраненно созерцали народную святыню – Кремль, а молились в его главном храме. День Москвы начался в молитве о Москве в сердце Москвы.

Надежда на возрождение Москвы и страны нашей – это как бы слова Апостола Павла, что она *сверх надежды надежда* (Рим. 4, 18). Прийти к своему воплощению она может лишь через духовное обновление нашей жизни. И начаться обновление должно с каждого человека. Каждый сам в своем сердце должен принять решение и в своем же сердце начать путь воссоздания и обновления. Возрождает храмы не внешняя реставрация их, а молитва, в них совершаемая. Без нее 72 года в мертвой побелке стоят ухоженные кремлевские соборы, но, я надеюсь, вы согласитесь со мной, что сегодняшнее богослужение в Успенском соборе для его духовного возрождения значило больше, чем десятилетия реставрации.

Мы благодарны руководству и Совету Москвы за передачу храма Большого Вознесения, где будет возрождена молитва и служение Богу, ради чего и созданы нашими предками эти величественные памятники – святыни нашего народа и нашей Церкви.

Сегодня два храма – Успенский собор Кремля и церковь Большого Вознесения – отметили первое биение сердца возвращающейся духовной жизни.

Поддержать эту жизнь зависит от нас, от нашей верности Христу. К Нему, Спасителю нашему, укрепленные молитвой всех святых земли Русской, мучеников и исповедников веры Христовой и нашей с вами общей молитвой, мы обращаемся: да осенит Господь Своим благословением наши благие дела, наше духовное искание и возрождение!

Произнесено 23 сентября 1990 года у храма Большого Вознесения

Слово в Неделю Православия

Дорогие мои!

Первое воскресенье Великого поста Церковь празднует как день Торжества Православия. Исторически этот праздник связан с окончательной победой над ересью иконоборчества, что в течение нескольких веков терзала православный мир.

Современному человеку иногда кажется, что иконопочитание – это некая частность в мире православного богословия. И он недоумевает, почему Торжеством Православия именуется победа именно над иконоборческой ересью, а не над какой-нибудь другой.

Иконоборцы утверждали, что Бога изобразить нельзя. Православные же отцы, защищая предание Церкви, ставили почитание икон в теснейшую связь с самыми основами христианства. Да, действительно, Бог непознаваем, невыразим и неизобразим. Но Тот, Кто выше всякого человеческого слова, благоволил родиться как человек, Тот, Кто невидим, стал видимым через принятие человеческой природы, и потому *о том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась... мы... возвещаем вам* (1 Ин. 1, 1). *Слово стало плотию* (Ин. 1, 14), и Боговоплощение сделало возможной икону. И потому можно быть православным, не имея икон, – в недавние годы мы вновь пережили время торжества иконоборцев, и многим приходилось молиться без икон. Но нельзя быть православным, отвергая иконы. Тот, кто не признает возможность иконы, отрицает самые основы христианского свидетельства о Боге, ставшем человеком.

Так, мы видим, что в живом организме нашей Православной Церкви все удивительно едино и соразмерно. Все взаимосвязано в живом росте Церкви как Тела Христова. И нельзя по своему частному разумению отсекать любую ветвь Православного Предания, не рискуя при этом задеть самые основы нашей духовной жизни.

И потому не случайно день Торжества иконопочитания – это день всего Православия.

Не случайно и то, что днем Православия названо первое воскресенье Великого поста. Этот день венчает собою неделю особых молитвенных трудов. Греческое слово "ортодоксиа" означает и "правильное величание", и "правильное учение", то есть его можно перевести на русский язык не только как "Православие", но и как "Правоверие". И замечательно, что в славянские языки вошло именно первое значение этого слова: "право-славие". Славословие, по учению святых отцов, есть высшая ступень молитвы, ибо являет чистую и бескорыстную радость души о своем Господе. Весь смысл духовной жизни заключается в том, чтобы научить человека не просто правильно богословствовать, но и правильно молиться. Вспомним, как в великом каноне, который мы слушали на этой неделе, пелось о том, что Божию Матерь мы "православно величаем".

При таком литургическом понимании Православия, как умение правильно славить Господа, правильно строить свою духовную жизнь, становится понятно, почему день Торжества Православия приходится именно на сегодняшнее воскресенье. Ибо когда же человек более способен к славословию, если не в этот воскресный день: всю неделю мы провели в покаянии, в исповедании перед Богом своих немощей и вот, оплакав свои согрешения, тем не менее приступаем к Чаше, ибо Господь

Произнесено 24 февраля 1991 года в Богоявленском патриаршем соборе

пришел призвать не праведников, но грешников (Мф. 9, 13). И как же не возблагодарить Господа за Его милосердие к нам, как не воспеть нам песнь Господню!

Но Православие невозможно и без правоверия. История Церкви показывает, что там, где нарушалась правая вера, начинает разрушаться и духовная жизнь. Ведь в зависимости от того, как люди мыслят о Боге, они создают свои представления о спасении, об отношениях Бога и человека. И если учение о спасении, о конечном предназначении человека окажется ошибочным или неполным, то и духовная жизнь человека окажется урезанной, неполноценной.

Потому в догматических спорах речь идет не о формулировках и не о теоретической правоте, а о понимании самой сути отношений Бога и человека и в конечном счете о понимании самого человека, и потому нельзя нам забывать слова Апостола: *Я знаю, в Кого уверовал* (2 Тим. 1, 12).

Сегодня нам чрезвычайно важно знать нашу веру, ибо вновь приходит время борьбы за Православие. Многими "учителями" и многими изданиями сейчас предлагается Церкви так переосмыслить свою веру, что живая душа Православия исчезнет.

Одни уверяют себя и нас, что Православие – это некая национальная идеология. Мы же должны знать, что Православие – это поиск жизни в Боге и что всякое государственное и национальное устроение жизни для нас вторично.

Другие говорят, что Православие – это культура, некое "культурное наследие". Мы же должны знать, что Православие – это не создание культурных форм, а сокровенное стяжание Духа Святого.

Третьи утверждают, что Православие лишь одна из исторически сложившихся форм христианства и что она должна быть превзойдена в слиянии всех христианских конфессий. Мы же желаем соединения христиан не на минимальной основе нашей общей веры, а на той предельной Полноте Боголанного Откровения, что было дано святым отцам. Ведь никогда в духовной жизни нельзя равняться на слабейших, но, напротив, все время должно искать более опытных и духовно богатых наставников.

Приходят еще некие и говорят, что Христос – это один из "учителей человечества", такой же, как Будда, Конфуций или Кришна. Но мы знаем, что Христос не просто учитель или пророк. Он – Сам Господь, ставший человеком, чтобы спасти людей. И спасает Он нас не только Своим словом и Своей проповедью, но прежде всего Своим Распятием и Воскресением и ниспосланием нам Святого Духа. И потому мы уверены, что всякий, кто учит о спасении помимо Креста и Воскресения, не от Бога послан.

Еще другие стараются убедить людей, что Христос – это не то экстрасенс, не то инопланетянин. Мы же должны противостоять этой безумной проповеди твердым свидетельствованием о том, что Христос – Бог, Творец Вселенной, явившийся во плоти *нас ради человек и нашего ради спасения*.

Дорогие мои! Не нужно думать, что время борьбы со лжеучениями прошло и осталось в далекой от нас эпохе Вселенских Соборов. И сегодня Господь зовет нас отстаивать истину Православия от умножившихся проповедников тьмы. И призывает Он всех нас – не только иерархов и священников, но и мирян, всех верующих, – чтобы мы по мере наших сил у себя ли дома, в кругу ли наших друзей или на работе отстаивали Православие. И если нет у кого-то из нас сил и знаний, чтобы доказательно обосновать невозможность совмещения Православия с возрождающимся ныне язычеством и иными псевдорелигиозными учениями, то каждый из нас все же может просто предупреждать своих ближних: "Люди, такой-то лжеучитель далек от Православия, и он лжесвидетельствует, утверждая, что он един с Церковью и действует чуть ли не с ее согласия".

Но, конечно, главное наше духовное оружие в защите Истины – это на-

ша молитва. Если мы по нашему духу, а не только по имени будем подлинно православными, Господь Сам Своею благодатью будет споспешествовать нам.

Будем же молиться за нашу Церковь, которой угрожают сегодня и лжеучения, и расколы. Будем молиться за наше Отечество, чтобы оно вновь вернулось ко Христу и чтобы невзгоды, которые мы переживаем ныне, способствовали нé помутнению разума людей, а, напротив, просветлению их совестного чувства. Будем молиться и за нас самих, чтобы в оставшиеся дни Великого поста преуспеть в духовном исцелении. Будем молиться о том, чтобы Господь даровал нам дух истинной и православящей молитвы и ввел нас в радость Своего Воскресения! Аминь.

СЛОВО
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II
при вручении жезла епископу Якутскому и Вилюйскому Герману в Богоявленском кафедральном соборе 28 марта 1993 года

Преосвященный епископ Герман, возлюбленный о Господе собрат! Промыслом Божиим, благодатию Пресвятаго и Животворящаго Духа, через возложение рук и молитвы архиереев, ты хиротонисан во епископа града Якутска.

Приветствую тебя и поздравляю с этим великим жребием нового твоего служения.

Согласно установившейся традиции, считаю своим долгом сказать тебе наставление, напутствуя тебя в предлежащее тебе служение.

Путь, на который благоволением Божиим ты вступаешь, – это продолжение пути апостольского служения, по образу Господа нашего Иисуса Христа, пришедшего на землю не для того, *чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих* (Мф. 20, 28).

Труден подвиг архиерейского служения. Не полагайся на свои силы и дарования, на поддержку со стороны мира и сынов человеческих. Все упование возлагай на силу сошедшего на тебя Духа Святаго (см.: Деян. 1, 8), на благодать Божию, врачующую наши немощи и восполняющую наши недостатки (см.: 2 Кор. 12, 9). Утешительным ободрением тебе, законному преемнику Апостолов, пусть будет твое избрание и духоносное освящение: *Я вас избрал,* – говорит Господь, – *и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал* (Ин. 15, 16).

Епископское служение – это малая доля в чаше испытаний и искушений Пастыреначальника Христа (см.: Мк. 10, 38–39).

В скорбях, неизбежных на пути твоего служения, будет очищаться дух твой и будут предощущаться те светлые радости, которые Господь обещал любящим Его: *Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем. Если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 11–12).

В молитве при твоем рукоположении мы просили Господа: "Сотвори сего подражателя Тебе, истинного Пастыря, положившего душу Твою за овцы Твоя... да совершив души, вверен-

ныя ему в настоящей жизни, предстанет престолу Твоему непостыдно и великую мзду приимет, юже уготовал еси пострадавшим за проповедь Евангелия Твоего".

Живи не своей жизнью, но жизнью паствы твоей. Радости и печали их воспринимай как свои собственные. Являй им образ истинного пастыря – строгого, умеренного, воздержанного. *Облекитесь*, – призывает тебя Апостол, – *как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу... Более же всего облекитесь в любовь... И да владычествует в сердцах ваших мир Божий... будьте дружелюбны...И все, что вы делаете словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа* (Кол. 3, 12–17).

Тебе надлежит зорко хранить чистоту святыни Господней, разумно устрояя церковное домостроительство своей епархии для славы Божией.

Поделюсь с тобой словами иерарха нашей Церкви, сказанными мне более 30 лет назад, когда я, как ныне ты, готовился принять из его рук святительский жезл: "Тебе, епископу Церкви Христовой, подобает усердно нести труд и заботу об устроении жизни церковной, помня, что великая ответственность за это лежит на нас, епископах, и перед Пастыреначальником Господом, и перед Церковью Православной. Ты исповедал сегодня и обещался, что эта сторона твоей деятельности будет проходить только по канонам святых апостолов и отцов и согласно установлениям церковным.

Особенно осторожен будь, преподавая благодать в таинственном рукоположении хотящим быть в клире церковном. *Руки скоро не возлагай ни на когоже ниже приобщайся чужым грехом* (1 Тим. 5, 22). Только когда убедишься, что истинное призвание, а не честь священства, не низменные желания, но осознаваемое служение Святой Церкви устремляет христианина к алтарю Господню, только тогда давай благодать священства через возложение рук твоих просящим этой благодати.

Уместно здесь вспомнить пример святого Льва Великого, которому после усердной молитвы об отпущении грехов его предстал святой апостол Петр и возвестил, что все грехи прощены ему милосердным Господом, кроме греха рукоположения недостойных, за которых на Страшном судище Христовом воздаст он ответ".

Самая насущная и основная твоя обязанность в современных условиях – это возрождать церковную жизнь епархии во всех ее формах, многие из которых утеряны за минувшие тяжелые десятилетия. Разрушены храмы, утрачено присущее Церкви в прошлом социальное служение, забота о больных, одиноких, престарелых. Необходимо возрождать приходы, воскресные приходские школы, катихизаторскую деятельность, дела милосердия и благотворительности, попечение и просвещение тех, кто находится в местах заключения. Ураган атеизма, пронесшийся над Якутией, разрушил то, что насаждалось нашими православными миссионерами и было создано Церковью.

В наши дни особенно ясно исполняются слова Нового Завета: *Они заменили истину Божию ложью, и поклонялись, и служили твари вместо Творца* (Рим. 1, 25).

Люди, которые не приняли истины, *будут верить лжи* (2 Фес. 2, 10–11). *Будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням* (2 Тим. 4, 3). Мужественно противостой одурманивающему наш благочестивый народ потоку учений всяких восточных мудрецов и прорицателей, отечественных колдунов и целителей.

Проповедуй, зови, стучись в сердца паствы твоей, ищи в них своих соработников, помощников, готовых вместе с тобой понести крест твоего служения.

Поревнуй достойно чтить память святого просветителя Якутии митрополита Иннокентия (Вениаминова). Тво-

ими защитниками у престола Вседержителя да будут святители Иннокентий и Софроний, епископы Иркутские, святитель Иоанн, митрополит Тобольский, все святые, в земле Сибирской просиявшие, весь сонм новомучеников, в земле Якутской за веру и правду жизнь свою положивших.

Твердо храни и исповедуй святую православную веру, насажденную в ваших пределах неутомимыми и мужественными трудами русских миссионеров, среди которых хотелось бы выделить имя первого епископа Якутского Дионисия (Хитрова). Сорок лет нес он церковное послушание в Якутии. Вместе с учителем своим, Владыкой Иннокентием (Вениаминовым), он с походной церковью прошел всю Якутию, просвещая местных жителей, изучая их быт, нравы, обычаи, наречия. Владыка Дионисий написал азбуку и грамматику якутского языка, перевел много священных и богослужебных книг. Его пример достоин подражания!

Добрым воспоминанием для тебя будет твое посвящение в Богоявленском кафедральном соборе у мощей святителя и чудотворца Алексия. Мы веруем, что его богоугодные молитвы соединились с нашими смиренными молитвами о тебе и вознесли их к Престолу Божию.

С нашими благословениями и пожеланиями в мире иди в предлежащий тебе путь, совершая свое служение Господу во славу Святой Церкви и во спасение свое и паствы, врученной Богом твоему духовному попечению.

Как символ величайшей в Церкви духовной власти, прими сей жезл и *старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины* (2 Тим. 2, 15).

Взойди на это возвышенное место и от данной тебе благодати Святого Духа преподай верующему народу благословение Божие.

Тропарь
Святителю Алексию, митрополиту, всея России чудотворцу
(память 12/25 февраля)

Апостольских догмат опасна хранителя, Церкве российския пастыря и учителя, преблаженнаго Алексия святителя память празднующе, славословим Христа Бога нашего песньми достодолжными, даровавшаго нам угодника Своего, яко обильный источник, точащ врачевания, граду же Москве похвалу и утверждение.

Литургика

К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык

В последнее время всеобщее внимание привлекает вопрос о возможности перевода богослужения на русский язык. В печати появляются статьи на эту тему, причем авторы одних говорят о необходимости русского перевода, а другие доказывают его недопустимость. Наши реформаторы и охранители (оговорюсь, что для меня эти слова не несут никакой оценочной характеристики, а являются лишь синонимами к словам "сторонники" и "противники" перевода) чувствуют себя первопроходцами в этом деле и из-за прерванности культурной традиции часто не подозревают о том, что споры о возможности и нужности перевода богослужебных текстов на русский язык не умолкают уже более ста лет.

Начало дискуссии относится к середине XIX века и связано с появлением переводов Священного Писания на русском языке (сейчас даже трудно представить, что было время, когда для многих русская Библия была делом немыслимым и невозможным). В последней четверти XIX века появляются параллельные русско-церковнославянские издания богослужебных текстов, адресованные мирянам. Эти издания носили справочный, вспомогательный характер, их целью было облегчить понимание богослужения. В начале XX века при подготовке к Поместному Собору тема русских переводов начинает широко обсуждаться в печати. На самом Соборе Отделом по богослужению был подготовлен доклад (то есть проект соборного деяния), допускающий перевод богослужения на русский язык. Этот доклад был утвержден Совещанием епископов под председательством Патриарха Тихона, но соборно не рассматривался[1].

Дальнейшая история обсуждения этих вопросов связана с обновленческой смутой. Это инспирированное властями движение активно использовало в своей пропаганде ряд идей, выработанных церковным сознанием начала века. Однако политическая позиция лидеров обновленчества привела к тому, что идеи, на которых они спекулировали, были скомпрометированы. Неудивительно, что в статьях сторонников славянского богослужения вся история вопроса начинается именно с обновленчества, ибо охранителям удобно связывать любые реформы с обновленчеством, а не с деятельностью Поместного Собора Православной Церкви. Сторонники же перевода умалчивают о русском богослужении обновленцев, ибо им не выгодна такая ассоциация.

Далее мы попытаемся проанализировать основные положения и сторонников, и противников славянского богослужения, которые были высказаны как в последние годы, так и раньше (собственно говоря, аргументация у тех и других за прошедшие сто лет не изменилась). Оговорюсь, что автор этой статьи – филолог-русист, занимающийся некоторыми аспектами церковнославянского языка и в течение последних четырех лет его преподававший. Можно сказать, что в дискуссии о языке богослужения эта статья является репликой филолога.

Наиболее существенным в этой дискуссии является вопрос понимания текста. Сторонники русского языка го-

ворят о том, что славянский текст непонятен, и видят в переводе возможность сделать богослужение более понятным. Противники переводов говорят, что человеку, для которого русский язык родной, славянский текст становится понятным по мере воцерковления. С одной стороны, мы действительно видим, что люди, регулярно ходящие в церковь, читающие молитвенное правило, акафисты и каноны, а также обращающиеся к толкованиям и справочной литературе, понимают или почти понимают церковнославянские тексты (воцерковление оказывается реальным шагом в преодолении языкового барьера). С другой стороны, как преподаватель, могу сказать, что учить церковнославянский язык приходят не только вновь обращенные, но и те, кто уже давно живет церковной жизнью, читает или поет на клиросе. Зная и понимая основные тексты церковного обихода, им хочется большего – понимать и переживать богослужение во всей его полноте. Конечно, изучение церковнославянского языка не решает здесь всех проблем. Наряду с правилами грамматики необходимы знания по литургике, истории гимнографии и другим специальным дисциплинам.

Простейшие сведения по орфографии, грамматике и лексике необходимы практически всем. Ведь более 80 процентов прихожан православных храмов диаконский возглас: *Миром Господу помолимся* – понимают неверно: "все вместе, всем миром Господу помолимся" (такой перевод был бы правильным, если бы слово "мир" писалось через и-десятеричное – "мiр"). Правописание "мир" через и-восьмеричное однозначно указывает на иное значение этого слова: "в мире, в состоянии покоя, умиротворения Господу помолимся". Или же другой пример. Стих псалма: *оболгаху мя, зане гонях благостыню* (Пс. 37, 21) – часто неправильно переводят как "оболгали меня, будто я изгонял благое". Но, заглянув в словарь, мы увидим, что глагол "гнати" переводится не только как "изгонять, преследовать", но имеет и другое значение: "следовать, соблюдать", и соответственно правильный перевод стиха будет такой: "возвели на меня ложь, хотя я следовал благому". Можно привести и другие примеры, когда незнание элементарных вещей ведет к ошибочному пониманию. Такого рода ошибки и непонимания устраняются довольно легко. Помогает здесь и изучение основ церковнославянского языка, и обращение к параллельным славянско-русским текстам.

Однако при чтении возникают сложности и иного рода, связанные с поэтическими особенностями текстов. Рассмотрим в качестве примера следующий богородичен (то есть краткое песнопение в честь Божией Матери), звучащий 17 (30) декабря в день памяти пророка Даниила: *Камень Тя, без руки отсечен, Слове, от горы зрит, Девы Богородицы, Даниил пророк, взывая и воспевая Твое Божество.* Для того чтобы понять этот текст, надо заметить, что здесь содержится отсылка к Библии, к Книге пророка Даниила. Во второй главе этой Книги рассказывается о том, как вавилонский царь Навуходоносор видел во сне огромного идола. Царь рассматривал этого идола до той поры, пока камень, оторвавшийся от горы сам по себе, то есть без помощи рук, не разбил идола. Объясняя значение этого сна, пророк Даниил говорит, что *Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится <...> оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно* (Дан. 2, 44). Христианская традиция видит в рождении Иисуса Христа исполнение пророчества Даниила: Камень (Иисус Христос), отделившийся от Горы (Богородицы) сокрушил языческий мир и положил начало новому царству. Именно утверждению Рождества Христова как исполнения пророчества Даниила посвящен этот богородичен, который переводится так: "Пророк Даниил, взывая и воспевая Твое Божество, видит Камень, который отделился от Горы, то есть Девы Богородицы, без помощи рук – Тебя, Слово". Для текстов такого рода перевод на русский язык отнюдь

не решение проблемы, ибо не видя библейских аллюзий или ссылок на житие святого, о котором говорится в стихире или тропаре, правильно понять текст нельзя. Поэтому, на наш взгляд, русифицированное богослужение не является абсолютно понятным и прозрачным.

Рассмотрим теперь основные положения противников русского богослужения и его сторонников, особо останавливаясь на слабых и спорных моментах аргументации обеих сторон. Приверженцы церковнославянского, говоря о достоинстве этого языка, напоминают, что его создателями были святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Благодатность дела святых братьев несомненна. "Где гарантии, что вновь переведенные тексты будут столь же благодатны?" – спрашивают защитники церковнославянского языка. Действительно, первые опыты перевода богослужения с греческого на славянский связаны с именами святых братьев. Однако в современном богослужении осталось не так много текстов, которые восходят непосредственно к Кириллу и Мефодию. Большая часть молитвословий была переведена в Болгарии в эпоху царя Симеона; многие из этих текстов были пересмотрены и сокращены в XVII веке группой книжников во главе с Епифанием Славенецким. Конечно, Епифаний и его помощники были высокообразованными книжниками, но к лику святых они не причислены. Читаемые за богослужением тексты Священного Писания также не принадлежат непосредственно Кириллу и Мефодию. В 1860 году указом Синода из обращения была изъята паремийная (наиболее древняя) версия библейских текстов. С этого времени Священное Писание за богослужением звучит в версии Елизаветинской Библии, которая была пересмотрена и исправлена в XVIII веке.

Противники перевода богослужебных текстов на русский язык говорят о том, что такой перевод может привести к очередному расколу. На наш взгляд, это очень серьезный и веский аргумент. Сказать, что никакого раскола не будет, никак нельзя. Однако следует помнить, что, во-первых, в Болгарии и Сербии существует параллельное богослужение на церковнославянском и национальных языках, и это не приводит к расколу Болгарской и Сербской Церквей; во-вторых, известно, что непринятие старообрядцами никоновского исправления богослужебных книг было связано скорее с агрессивной формой проведения реформы, чем с содержанием исправлений. По словам Г. Флоровского, "...главная острота Никоновой "реформы" была в резком и огульном отрицании всего старорусского чина и обряда. Не только его заменяли новым, но еще и объявляли ложным, еретическим, почти нечестивым. Именно это смутило и поранило народную совесть"[2]. И в-третьих (это, пожалуй, самый важный момент), богословских причин для раскола нет. Проведенный Ю. М. Эдельштейном анализ высказываний крупнейших экзегетов Востока и Запада показал, что против перевода богослужения на национальные языки выдвигались аргументы скорее эстетического характера. Ю. М. Эдельштейн, отмечает, что отцы Церкви, как правило, рассматривают национальные языки как варианты единого человеческого языка. "Ты глуп, – писал Тертуллиан, – если станешь приписывать это только одному латинскому или греческому языкам, которые считаются родственными между собой, отрицая всеобщность натуры. Душа снизошла с неба не для латинян только и греков. Все народы – один человек, различно имя; одна душа – различны слова; один дух – различны звуки; у каждого народа есть свой язык, но сущность языка всеобща"[3]. Климент Александрийский, разделяя человечество на эллинов и варваров, полагает, что молитвы на языке варварском более действенны, чем на других языках[4].

В полемике со сторонниками перевода часто говорится, что проблемы с пониманием богослужения существуют лишь у неофитов и эти проблемы ре-

шаются сами собой при регулярном участии в богослужении. Это совершенно справедливо. Как мы уже сказали, воцерковление в значительной степени снимает языковой барьер. Более уместным кажется восхождение тех, кто только что пришел в Церковь, к постижению изысканной и сложной литургической поэзии, чем снижение этой поэзии до их уровня. Хотя, с другой стороны, следует помнить, что в миссионерских целях переводы на национальные языки делались всегда. Никому же не придет в голову упрекать святителя Стефана Пермского за его переводы на коми-пермяцкий язык или миссионеров XIX века, переводивших фрагменты богослужения на языки северных народов. Однако мы понимаем, что ссылка на опыт православных миссионеров среди языческих народов не совсем уместна, ибо, как мы увидим дальше, перевод с церковнославянского на русский (и даже с греческого на русский) – задача на порядок более сложная. К тому же, по нашим наблюдениям, активное охранительство среди неофитов – явление более распространенное, чем активное реформаторство.

Анализируя аргументы противников русских переводов, мы являлись скорее их защитниками в теоретическом плане. Посмотрим же теперь, почему эти переводы оказываются делом практически невозможным. Итак, сторонники переводов справедливо полагают, что средствами современного русского языка (как и любого другого) возможно передать догматическую, учительную и эстетическую стороны богослужебных текстов. Однако, приступая к переводу, мы сталкиваемся с рядом труднопреодолимых препятствий. Остановимся на некоторых из них.

Одно из таких препятствий связано с вопросом текстологии. Людям, далеким от текстологических проблем, трудно представить себе, насколько мало изучены богослужебные тексты и как часто оказывается, что дать грамотный, научно обоснованный перевод фактически невозможно. Как известно, большая часть этих текстов была переведена на славянский язык с греческого. В течение столетий богослужебные книги переписывались и исправлялись. Свой современный вид эти книги приобрели в XVII веке после их исправления при Патриархе Никоне и его преемниках. Когда мы при переводе на русский имеем дело с сомнительными случаями, нам необходимо обратиться к греческим текстам. Однако греческие тексты тоже неоднократно исправлялись и редактировались. Взяв современные греческие богослужебные книги, мы увидим, что их редакция отлична от той, с которой были переведены книги на славянский[5]. Критических (то есть содержащих основные редакции) изданий греческих богослужебных текстов нет. Поэтому переводчику в некоторых случаях необходимо самому проделать работу по восстановлению первоначального облика славянского, а зачастую и греческого текста. Эта работа выполнима, но требует высокой квалификации (умения работать со славянскими и греческими рукописями, а также литературного таланта) и времени.

Русскому переводу Священного Писания, на который любят ссылаться сторонники переводов, предшествовала многовековая работа по исследованию библейского текста. В 1518 году знаменитый венецианский издатель Альд Мануций издает греческий текст Писания с критическим аппаратом. В 1522 году в Алькале (Испания) выходит Комплютенская полиглотта. В ней параллельно были напечатаны четыре текста: латинский, греческий, древнееврейский и арамейский. Эти издания библейских текстов регулярно переиздаются, дополняются и комментируются. Позже стараниями библейских обществ вырабатываются приемы перевода Писания на национальные языки. Таким образом, у переводчиков Библии на русский язык имелись достаточно надежные справочные издания, и своей деятельностью они продолжали традицию, а не создавали ее.

Проблема, о которой мы сейчас упоминали, является общей проблемой перевода богослужебных текстов на национальные языки. Теперь рассмотрим то, почему переводить православное богослужение на русский язык намного сложнее, чем на английский или немецкий. Исторически сложилось так, что русский язык вобрал в себя значительный пласт церковнославянской лексики. Современный литературный язык формировался в XVIII веке, и церковнославянизмы, вошедшие в него, употреблялись в таких литературных жанрах, как ода, похвальное слово, то есть в произведениях, написанных высоким стилем. В текстах же комедий, литературных пародий, балаганных пьес славянизмы почти не встречались. В результате русификация текста (замена славянизмов русскими синонимами) становится чертой литературной пародии. Так, например, лексика пословицы: "Устами младенца глаголет истина" – полностью церковнославянская по происхождению. Русский перевод: "Ртом ребенка говорит правда" – вызывает лишь улыбку[6]. Это не случайность, а закон стилистики русского языка, в котором славянизмы не являются инородным телом, а составляют основу лексики так называемого высокого стиля. Что же касается самого славянского языка, то он стилистически однороден, в нем невозможно выделить слова, относящиеся, скажем, к высокому или низкому стилю. Но при переводе с языка, не имеющего стилистической дифференциации, на язык, ее имеющий, проблема выбора слова встает чрезвычайно остро. Так, например, церковнославянское "пастырь" (как и греческое π ο ι μ ε ν) соответствует двум русским словам: "пастух" и "пастырь". *И пастырие беху в тойже стране, бдяще, и стрегуще стражу нощную о стаде своем* (Лк. 2, 8) переводится на русский как "и были в этой стране пастухи...", в то время как в примерах типа *Аз есмь пастырь добрый* (Ин. 10, 11) слово *пастырь* не переводится. Между тем для евангельского текста (в частности, Ин. 10, 7–16) и ряда богослужебных, метафорическая структура которых построена на взаимоотношении пастуха и овец, отказ от слова "пастух" является некоторым затемнением смысла.

Другая проблема связана с переводом терминов и догматических определений. Поскольку церковнославянский язык создавался именно для перевода церковной книжности, его богословская терминологическая система точно соответствует греческой. Большая часть этих терминов перешла в русский. Сложность понимания слов типа "единосущный", "преложение" и подобных связана не с языковым барьером, а с недостаточной богословской подготовкой, и в этих случаях перевод не может способствовать прояснению текста.

Как мы уже говорили выше, значительный пласт церковнославянской лексики входит в литературный язык. При этом славянизмы составляют довольно большую часть пассивного словаря нашего современника – носителя русского языка. Так, пушкинское "Восстань, пророк, и виждь и внемли" понятно без перевода, хотя в обыденной речи такие слова и грамматические формы не употребляются. По-русски мы бы сказали: "Вставай, пророк, смотри и слушай". Тому, что пушкинский текст пока в переводе не нуждается, мы обязаны "поддержке" литургического языка. Перевод богослужения на русский язык приведет к тому, что нашим правнукам придется читать литературу XIX века в переводе или адаптированном варианте. Конечно, с церковных позиций проблема понятности русской классической литературы менее важна, чем проблема понимания богослужения и осмысленного участия в нем. Никто не призывает к сохранению национальной культуры ценой отказа от сознательного переживания церковных молитвословий. Однако, возвращаясь к вышесказанному, повторим, что перевод на русский язык не решает всех проблем, которые встают перед приходящими в церковь, а является скорее полумерой. При обсуждении же вопроса о приемлемости такой полумеры

эстетический критерий вполне уместен.

Добавим еще, что не выдерживает критики и тот аргумент, согласно которому Кирилл и Мефодий переводили богослужебные книги на живой язык одного из славянских народов. Речь здесь идет о том, что современное богослужение фиксирует живую речь славян (чаще пишут, что болгар) X–XI веков, в то время как современный язык в результате своего развития находится совершенно в ином состоянии. В этой связи перевод на современный русский язык рассматривается как продолжение дела Кирилла и Мефодия по переводу богослужения на живые языки. Это утверждение основывается на превратном представлении об истории церковнославянского языка. Письменность Кирилла и Мефодия не механическая фиксация живой речи того или иного славянского народа, а созданный на основе разных славянских диалектов литературный язык, специально предназначенный для переводов греческой церковной книжности. Грамматика и лексика церковнославянского в ряде моментов отражают строй греческого языка, поэтому вряд ли можно говорить о том, что в X веке славянское богослужение было более понятным, чем сейчас.

Подводя итоги, напомним, что и сторонники и противники перевода сходятся во мнении, что сознательное участие в богослужении необходимо, спор идет лишь о способах решения этого вопроса. Сейчас трудно сказать, какой подход восторжествует. Возможно, переводы на русский язык всего богослужения или его частей станут делом повсеместным. Может быть, новый пересмотр богослужебных книг, четкое чтение и пение сделают такой перевод излишним. А может, наилучшим решением проблемы окажется подготовка комментированных изданий богослужебных последований для мирян, изучение основ церковнославянского языка или практика перевода и толкования текстов перед началом богослужения[7].

Хочется надеяться, что выполнение этого общецерковного дела обойдется без серьезных ссор и раздоров и наши современники смогут сохранить тот уровень и тон дискуссии о языке, которые были заданы Поместным Собором 1917–1918 годов.

Примечания

[1]Ряд документов о языке богослужения, в том числе доклад, подготовленный к Собору, опубликованы в журнале "Славяноведение" (1993, № 5).

[2]Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983, с. 64.

[3]PL, I 618 A–B.–Цит. по: Эдельштейн Ю. М. Проблемы языка в памятниках патристики. – В кн.: История лингвистических учений: Средневековая Европа. М., 1985, с. 178–179.

[4]См.: Там же, с. 179.

[5]С этой проблемой в свое время пришлось столкнуться никоновским справщикам, которые исправляли славянские богослужебные тексты, опираясь на современные издания. Эти издания содержали не ту редакцию греческого текста, которой пользовались славянские первоучители. Особенности славянского текста, которые никоновские справщики считали "ошибками невежественных писцов", оказываются чертами более архаической редакции греческих богослужебных книг.

[6]Перевод этой пословицы принадлежит академику Н. И. Толстому.

[7]См.: Чаплин В., диакон. Катихизация через богослужение: неиспользованные возможности. – Церковь и время, 1991, № 1.

А. А. ПЛЕТНЕВА

Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия

В центре настоящей публикации – обсуждение проблем богослужебного языка на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 годов и последующие дискуссии по этому вопросу, связанные с обновленческой смутой. Отчеты о работе Соборной комиссии, занимавшейся проблемами литургического языка, никогда не публиковались, соответствующие обновленческие тексты также малоизвестны, поэтому пересказу мы предпочтем цитирование или полное воспроизведение никогда не публиковавшихся документов.

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР
15 (1) августа 1917 – 20 (7) сентября 1918 года

Литература по постановке на Соборе проблем богослужебного языка невелика: укажем здесь материалы предшествующей Собору дискуссии[1], неоконченную статью священника П. Ильинского[2], мемуары митрополита Евлогия (Георгиевского)[3] и статью Б. Сове[4]. В изданных "Деяниях" Собора[5] данная проблематика не отражена. В дальнейшем изложении мы будем опираться на неопубликованные материалы Собора, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации[6].

Из интересующих нас проблем на Соборе рассматривались следующие: 1) о литургическом языке; 2) об изменениях в молитвословиях, связанных с политическими событиями; 3) об упорядочении богослужения; 4) о проблемах библейской текстологии, принципах издания и толкования Священного Писания. Первые три темы рассматривались на заседаниях отдела "О богослужении, проповедничестве и храме", председателем которого был архиепископ Евлогий (Георгиевский), четвертый – Библейским отделом (председатель – епископ Калужский Феофан). Рассмотрим каждую из этих тем отдельно.

1. Проблема литургического языка

Вопрос о литургическом языке и тексте богослужебных книг возник на начальном этапе подготовки к Собору. В 1905 году Святейший Синод обратился к епархиальным архиереям с вопросами, касающимися предстоящей церковной реформы. В предложенном Синодом вопроснике проблема литургических реформ не ставилась, однако двадцать архиереев в той или иной форме высказались о языке богослужения; эти отзывы были опубликованы[7].

В марте 1906 года начинает работу Предсоборное присутствие, однако его отделы занимались главным образом вопросами реформы высшего и епархиального управления, прихода, церковного суда и др. Созданный для обсуждения проблем внутренней миссии VI отдел Присутствия затронул и вопросы богослужения, однако не счел целесообразным приступить к их детальному обсуждению, указав, что "ввиду важности и сложности вопросов <...> их касаться не следует, отложив разрешение их до завершения переустройства церковного управления"[8].

В 1917 году Предсоборным советом был поставлен вопрос о богослужебном языке. На заседании Совета 10 июля 1917 года профессор Киевской Духовной Ака-

демии П. П. Кудрявцев сделал доклад о возможности допущения русского и других языков в богослужение. П. П. Кудрявцев допускал богослужение на национальных языках, однако понимал, с какими трудностями предстоит столкнуться переводчикам литургических текстов, и считал, что эти работы будут продолжаться многие десятилетия. По докладу П. П. Кудрявцева выступили 12 человек: епископ Андроник (Никольский), архиепископ Евлогий (Георгиевский), архиепископы Сергий (Страгородский), Андрей (Ухтомский), протоиереи Ф. Д. Филоненко, А. П. Рождественский, С. И. Шмелев, миряне Д. И. Боголюбов, Н. М. Гринякин, профессор И. М. Громогласов. Решительным противником работ в этом направлении оказался только епископ Пермский Андроник (Никольский)[9]. VI отделом были приняты следующие тезисы:

1. Введение в богослужение русского или украинского языка допустимо.

2. Немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и неосуществима и нежелательна.

3. Частичное применение русского и особенно украинского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные молитвы и песнопения, тем более замена или пояснение отдельных речений русскими или украинским речениями, введение новых молитвословий на русском языке в случае их одобрения Церковью) допустимо и в известных условиях желательно.

4. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на русском или украинском языке в меру возможности подлежит удовлетворению.

5. Творчество в богослужении допустимо и возможно.

6. Дальнейшие работы Особой комиссии по переводу, исправлению и упрощению славянского языка в церковных книгах желательны[10].

7. Работы Комиссии Высокопреосвященного Сергия, архиепископа Финляндского и Выборгского, по сему предмету желательны"[11].

На Священном Соборе 1917–1918 годов был образован отдел "О богослужении, проповедничестве и церковном искусстве" под председательством архиепископа Евлогия (Георгиевского). Один из подотделов этого отдела обсуждал проблемы, связанные с богослужебным текстом и языком. Подотдел работал с 9 по 26 сентября 1917 года. Председательствовал на нем епископ Оренбургский Мефодий. Всего состоялось пять заседаний[12]. Пересказ выступлений, прозвучавших в ходе дискуссии, невозможен из-за недостатка места. Тех, кого интересует аргументация сторонников и противников перевода богослужебных текстов на русский язык (эта аргументация остается более или менее неизменной уже более столетия), мы можем отослать к обзору А.А.Плетневой[13].

Из выступавших на заседаниях подотдела последовательными противниками перевода были епископ Андроник (Никольский), епископ Сильвестр, епископ Мефодий[14], архиепископ Агифодор, священник Пономарев, Н. И. Панин, Н. И. Троицкий, И. В. Курбатов, В. К. Лебедев, Ф. Г. Зибаров[15], профессор В. Д. Прилуцкий[16], генерал Л. К. Артамонов. Допустимость перевода отстаивали, с теми или иными оговорками, архиепископ Евлогий (Георгиевский), священники П. М. Ильинский, М. Ф. Марин, М. С. Елабужский, П. Ратьковский, миряне П. В. Попович, В. К. Недельский, И. В. Фигуровский, Н. И. Знамировский, А. Ф. Гораин, М. Н. Котельников, профессора Б. А. Тураев и П. П. Кудрявцев, протоиереи Т. П. Теодорович и А. А. Хотовицкий.

На четвертом заседании, которое состоялось 21 сентября 1917 года, архиепископ Евлогий поставил на голосование девять тезисов, которые в основном совпадают с девятью первыми пунктами окончательного варианта документа. Тезисы были приняты. На заседании 26 сентября были добавлены пункты 10 (предложение Н. И. Знамеровского принято единогласно) и 11: "Издать русский перевод Библии богомудрых LXX толковников. Перевод должен быть снабжен указанием

разночтений, темных и переносных мест по русской Библии с еврейского языка". Протоколы заседаний подотдела и отдела[17] сообщают о том, что этот пункт был принят, однако в окончательный вариант документа он не вошел. Вероятно, это связано с тем, что Собором был создан Библейский отдел, в компетенцию которого входил этот вопрос.

Доклад "О церковно-богослужебном языке" должен был рассматриваться на 40-м заседании отдела, которое состоялось 12 (25) июля 1917 года. Однако слушание было отложено из-за отсутствия епископа Оренбургского Мефодия. Состоялось лишь небольшое обсуждение, во время которого, как сказано в протоколе заседания, "И. А. Карабинов указал на основанную при бывшем Святейшем Синоде комиссию для исправления и предлагал ждать дальнейших трудов ее; князь Е. Н. Трубецкой, указав (вместе с епископом Зиновием) на опасность потери векового наследия красот богослужебного языка, питающего душу верующего, настаивал на необходимости установления принципов для обсуждения и в этих целях обстоятельного доклада обо всем сделанном по вопросу[18]". Подготовить доклад, систематизирующий все сделанное подотделом, было поручено А. И. Новосельскому. Этот доклад был прочитан 23 июля (5 августа) 1917 года. В докладе содержится достаточно подробное изложение обсуждения проблемы литургического языка епархиальными архиереями в 1905 году, Предсоборным советом в 1917 году и подкомиссией. В результате был принят следующий документ[19]:

СВЯЩЕННОМУ СОБОРУ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

О церковно-богослужебном языке

Доклад отдела "О богослужении, проповедничестве и храме".

1. Славянский язык в богослужении есть великое священное достояние нашей родной церковной старины, и потому он должен сохраняться и поддерживаться как основной язык нашего богослужения.

2. В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются права общерусского и малороссийского языков для богослужебного употребления.

3. Немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка в богослужении общерусским или малороссийским нежелательна и неосуществима.

4. Частичное применение общерусского или малороссийского языка в богослужении (чтение Слова Божия, отдельные песнопения, молитвы, замена отдельных слов и речений и т.п.) для достижения более вразумительного понимания богослужения при одобрении сего церковной властью желательно и в настоящее время.

5. Заявление какого-либо прихода о желании слушать богослужение на общерусском или малороссийском языке в меру возможности подлежит удовлетворению по одобрении перевода церковной властью.

6. Святое Евангелие в таких случаях читается на двух языках: славянском и русском или малороссийском.

7. Необходимо немедленно образовать при Высшем Церковном Управлении особую комиссию как для упрощения и исправления церковнославянского текста богослужебных книг, так и для перевода богослужений на общерусский или малороссийский и на иные употребляемые в Русской Церкви языки, причем комиссия должна принимать на рассмотрение как уже существующие опыты подобных переводов, так и вновь появляющиеся.

8. Высшее Церковное Управление неотлагательно должно озаботиться изданием богослужебных книг на параллельных славянском, общерусском или малорос-

сийском, употребляемых в Православной Русской Церкви, языках, а также изданием таковых же отдельных книжек с избранными церковнославянскими богослужебными молитвословиями и песнопениями.

9. Необходимо принять меры к широкому ознакомлению с церковнославянским языком богослужения как через изучение его в школах, так и путем разучивания церковных песнопений прихожанами для общецерковного пения.

10. Употребление церковно-народных стихов, гимнов на русском и иных языках на внебогослужебных собеседованиях по одобренным церковною властью сборникам признается полезным и желательным.

Замещающий Председателя епископ Симон
Докладчик Андрей Новосельский
Делопроизводитель Николай Кедров

Доклад подотдела[20] был заслушан Соборным советом 29 августа (11 сентября) 1918 года и передан на рассмотрение Совещания епископов[21]. Проходившее 19 (22) сентября в келиях Петровского монастыря Совещание епископов, на котором председательствовал Святейший Патриарх Тихон, рассмотрело доклад[22]. Стенограммы обсуждения в архиве нет, поэтому приведем текст справки – последнего по времени документа, касающегося этого доклада[23]: "Священным Собором Православной Российской Церкви 30 августа (12 сентября) сего года было утверждено постановление Соборного совета о передаче на разрешение Совещания епископов представленного отделом "О богослужении, проповедничестве и храме" доклада "О церковно-богослужебном языке".

Совещание епископов, заслушав в заседании 19 (22) сентября сего года означенный доклад, постановило: доклад этот передать Высшему Церковному Управлению.

Согласно сему постановлению Совета епископов и во исполнение по сему предмету Предсоборного совета, представляю означенный доклад о церковно-богослужебном языке на разрешение Высшего Церковного Управления".

Передача доклада Высшему Церковному Управлению означала, что он может быть проведен в жизнь без обсуждения на общем заседании[24]. Характерно, что, когда над Собором нависает угроза насильственного закрытия, принимается постановление: "В случае создавшейся для Собора необходимости приостановить свои занятия ранее выполнения всех намеченных задач предоставить Высшему Церковному Управлению вводить выработанные Собором предначертания в жизнь по мере надобности полностью или в частях, повсеместно или в некоторых епархиях, с тем чтобы с возобновлением занятий Собора таковыя предначертания были представлены на рассмотрение Собора"[25].

На основании этого 23 мая (5 июня) 1918 года Соборным советом было постановлено "не рассмотренные Собором доклады отделов препроводить на благоусмотрение Высшего Церковного Управления"[26]. В число этих документов постановление "О церковно-богослужебном языке" не вошло. Постановление было принято, и Высшее Церковное Управление имело полное право осуществлять его[27].

Изложенное выше находится в некотором противоречии с воспоминаниями митрополита Евлогия, председателя отдела: "Жаркие и интересные дебаты возникли в моем отделе по поводу перевода богослужения.

Мой товарищ, профессор Кудрявцев, высказал мысли, которые разделяли многие: "Я ничего не имею против перевода, – сказал он, – но кто будет переводить? Богослужение – священная поэзия. Если Шекспира переводить трудно, потому что надо, чтобы переводчик был на высоте поэзии, которую он переводит, то для богослужения нужен не только поэт, но и святой поэт. Мы имеем переводы

некоторых отрывков из св. Иоанна Дамаскина, сделанные Алексеем Толстым, но и это лишь приближение к настоящему ..."

Вопрос о переводе богослужения был отвергнут. Украинцы негодовали. Они стояли за перевод независимо от соображений эстетики. Их не коробил возглас "Грегочи, Дивка Непросватанная" вместо церковного "Радуйся, Невеста Неневестная".

Было ясно, что с докладом о переводе нечего нам было и соваться в общее собрание. Самый факт обсуждения перевода вызвал нарекания. Один из епископов упрекнул меня за обедом в общежитии в том, что я, якобы в угоду украинцам, допустил обсуждение, которое он считал недопустимым"[28].

Противоречия между воспоминаниями митрополита Евлогия и документами Собора объясняются, во-первых, тем, что воспоминания диктовались через 30 лет после описываемых событий, когда идея русского перевода и литургических реформ была скомпрометирована спекуляциями обновленцев, а во-вторых, в августе–сентябре, когда доклад рассматривался Соборным советом и Совещанием епископов, митрополит в работах Собора не участвовал[29] и мог не знать о судьбе доклада "О церковно-богослужебном языке".

2. Изменения в молитвословиях, связанные с политическими событиями

Изменение формы государственного и церковного управления, естественно, влекло за собой изменение текстов молитв о России, властях и воинстве. Впервые эта проблема встает сразу после отречения Николая II. Работа была поручена возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским) Комиссии по исправлению богослужебных книг, на основании выводов которой уже 7-8 марта 1917 года Синод принимает постановление за № 1223 "Об изменении богослужебных чинов и молитвословий" и № 1226 "Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствующего дома"[30], согласно которому "во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление: "О богохранимей Державе Россистей и благоверном Временном правительстве ея". Необходимые изменения печатались на отдельных листах, которые вклеивались в старые богослужебные книги.

Механическая замена молитв о царствующем доме молениями о Временном правительстве не могла не вызвать протеста. Уместное по отношению к царю моление "О благочестивейшем самодержавнейшем великом Государе нашем" не может быть перенесено на власть, не обладающую особой харизмой[31].

Новые молитвословия вызвали протест, отголоски которого обнаруживаются в письмах Собору. Так, авторы одного из писем обвиняют иерархов в том, что они "ввели в обиход церковной службы просительную ектению, от которой душу выворачивает наизнанку, – "о благонамеренном временном правительстве", не останавливаясь ни на секунду, чтобы размыслить: из каких лиц состоит это "правительство"? Кто его выбирал? Кто его назначал? Каким путем дошли эти лица до правительственного аппарата? Не в крови ли руки этих лиц? Не будет ли смущена вера православного русского народа при воспоминании архиереями и священниками атеистов, цареубийц и просто убийц при выходе со Св. Дарами на Херувимской?"[32].

На заседании Собора 28 марта (10 апреля) 1918 года было оглашено "Заявление за подписью 34 членов Собора о поручении отделу "О богослужении..." принять меры к введению единообразия в Церкви при возглашении молений о державе Российской, о воинах и проч."[33].

6 апреля 1918 года на заседании отдела сообщается текст, предложенный Комиссией, в которую входили епископ Пахомий, профессор Б. А. Тураев, профессор И. А. Карабинов, иеромонах Афанасий (Сахаров):

"а) на великой ектении: "о страждущей Державе Российской и о спасении ея Господу помолимся";

б) на сугубой ектении и на литии: "Еще молимся о страждущей Державе Российской и о спасении ея". Поминовения же воинства должны быть опущены".

В том же заседании отдел имел суждение об изменениях в тропаре Святому Кресту "Спаси Господи..." и в других местах богослужебных книг, где прежде было поминовение царствующего императора, и постановил: признать желательным исправление Тропаря Святому Кресту в следующих выражениях: "Победы благоверным людям Твоим над сопротивныя даруй". Эту же поправку следует возносить везде, где прежде возносилось имя императора, о чем также представить через Соборный совет на благоусмотрение и надлежащее распоряжение Священного Синода[34].

Собор не успел рассмотреть этот доклад, и в числе других дел, решения по которым не были приняты, он был передан Высшему Церковному Управлению. В списке не рассмотренных Собором докладов доклад "О возношении молений о Державе Российской и воинстве" значится под номером 27. Нам неизвестно, были ли эти тексты введены в богослужебную практику.

Изменения осуществлялись в следующем порядке: в Определении Синода от 7-8 марта 1917 года текст тропаря читается в следующем виде: *Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы христолюбивому воинству нашему*[35] *на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство*. Кондак читается так: *Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому Твоему новому жительству щедроты Твоя даруя, Христе Боже: возвесели христолюбивое воинство наше*[36], *победы дая ему на супостаты, пособие имущу Твое, оружие мира, непобедимую победу*[37]. Дальнейшие исправления касались лишь подчеркнутых частей текста. Соборное определение заменяет "христолюбивому воинству нашему" на "благоверным людям Твоим". Свой современный вид тексты тропаря и кондака Святому Кресту приобрели после заседания Временного Священного Синода 30 ноября 1933 года, когда на основании рапорта архиепископа Пермского "с ходатайством о преподании указаний по вопросу о единообразном тексте тропаря и кондака Кресту Господню" эти тексты были вновь пересмотрены[38]. В новом варианте подчеркнутая часть вообще опущена.

Что касается молений о властях, то теперь они приводятся в точное соответствие с Апостолом Павлом[39]: "О богохранимей стране нашей, властех и воинстве ея, да тихое и безмолвное житие поживем во всяком" благочестии и чистоте". По всей вероятности, эта редакция была введена указом Митрополита Сергия от 8 (21) октября 1927 года[40].

Другим текстом, исправление которого обусловливалось текущими событиями, был Чин Православия. С одной стороны, следовало отказаться от некоторых явно неактуальных текстов. С другой – начало репрессий против Церкви (убийство 25 января (4 февраля) митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) и других) побудило группу из 30 членов Собора выступить с заявлением, в котором содержалась просьба "уделить должное внимание подвигу архипастырей, пастырей и мирян, самоотверженно выступивших по всей России на защиту Христовой Церкви в годину воздвигнутого на нее гонения и выразить глубокое негодование насильникам над Церковью Христовой, преподать благословение защитникам ея, подтвердить церковное отлучение гонителям Церкви"[41].

На заседании Совещания епископов 26 февраля (11 марта) 1918 года Патриарх предлагает обсудить вопрос о Чине Православия. В принятом Совещанием епископов тексте вместо 11-го анафематствования ("Помышляющим, яко правос-

лавнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются: и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема"[42]) читается следующий текст: "Глаголящим хульная и ложная на святую веру нашу и Церковь, восстающим на святые храмы и обители, посягающим на церковное достояние, поношающим же и убивающим священники Господни и ревнители веры отеческая, анафема".

При возглашении *вечной памяти* ("Пострадавшим и убиенным в различных походех за Православную веру...") снималось подчеркнутое уточнение, что делало этот текст относящимся и к новомученикам. Многолетия теперь должны петься Патриарху Московскому и всея Руси, вселенским патриархам (поименно), клиру, а также "христианскаго благочестия ревнителем и защитником Христовы Церкве, и всем православным христианам".

На следующий день, 27 февраля (11 марта), постановление Совещания епископов было оглашено на заседании Собора и принято к сведению[43].

Требование введения в богослужение молитв о новомучениках содержится в соборном определении "О мероприятиях, вызванных происходящими гонениями на Православную церковь":

"1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках <...>.

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января[44] или в следующий за ним воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников"[45].

3. Об упорядочении богослужения

Обсуждение проблем упорядочения богослужения и возможности следовать Уставу в современных условиях было чрезвычайно интересным и насыщенным. Посвященные истории Типикона доклады И. А. Карабинова и В. Д. Прилуцкого не потеряли своей актуальности и ждут публикации. Пересказ этой дискуссии занял бы слишком много места[46], поэтому мы ограничимся конечными выводами комиссии – докладом, который был предложен Совещанию епископов:

СВЯЩЕННОМУ СОБОРУ
ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Об упорядочении богослужения

Доклад отдела "О богослужении, проповедничестве и храме"

Докладчики: Евлогий, архиепископ Волынский,
свящ. профессор В. Д. Прилуцкий,
профессор И. А. Карабинов,
профессор Б. А. Тураев

Совершение богослужения в современной русской церкви страдает многими важными недостатками, причиняющими существенный вред делу Православия и вызывающими справедливые порицания и осуждение. Главнейшими из таких недостатков являются произвольное изменение порядка и состава богослужения

(сокращения, вставки и т.п.), а также небрежность в его исполнении. Причины этих недостатков разнообразны. В них повинны часто и совершители богослужения, не всегда достаточно знакомые с Церковным Уставом и часто не обладающие надлежащим пониманием богослужения и развитым литургическим вкусом. Часть вины затем лежит и на молящихся, слабая ревность коих нередко побуждает исполнителей богослужения поступаться строгостью уставных предписаний. Наконец некоторый повод для перечисленных недочетов дает и самый строй нашего богослужения: его устав не всегда и не во всем подходит к условиям современной жизни, равно как и некоторые другие стороны нашего богослужения нуждаются в пересмотре и исправлениях. Сознавая ея средоточия, отдел находит возможным предложить Священному Собору следущий план и меры к упорядочению нашего богослужения.

I. А. Рядовое богослужение.

1. Заповеданный нашим Церковным Уставом богослужебный строй хотя и образовался в окончательном виде в монастырях православного Востока, но его основой послужили богослужебные обычаи соборных храмов Иерусалима и Константинополя, вследствие чего этот Устав не может быть признан чисто монашеским произведением.

2. Как свод богослужебных преданий двух важнейших Церквей православного Востока и как произведение многовекового богослужебного опыта действующий Церковный Устав должен быть сохраняем в качестве высшей нормы нашего богослужения.

3. Во всей своей полноте Церковный Устав является трудно исполнимым.

4. Наши монастыри должны по возможности строго соблюдать уставной порядок богослужения с дозволением заменять для тропарей канонов, а также для кафизм пение чтением по принятому обычаю.

5. Что касается мирских храмов, то Церковный Собор, отнюдь не одобряя каких-либо сокращений в Уставе, но снисходя к немощи молящихся и к условиям современной жизни, а также основываясь на истории Устава, знающей случаи смягчения уставных требований, равно как ввиду разрешения самого Устава при некоторых обстоятельствах сокращать богослужение, может допустить известные послабления уставных требований.

6. Для упорядочения рядового богослужения в приходских храмах предлагается:

а. Не допускать замены положенного по Уставу произвольными вставками, например кафизм – акафистами или проповедью, житийных стихир – концертом и т.п.

б. Псалтирь стихословить в объеме не менее одной "славы" вместо целой кафизмы. В церквах, где службы не совершаются ежедневно, возможно последовательное чтение всей Псалтири по "славам" без отношения к седмичному расписанию стихословия. Во дни великих праздников рядовое стихословие можно заменить чтением или (антифонным) пением особых праздничных псалмов.

в. Чтение шестопсалмия не должно быть сокращаемо; не подобает опускать 50-й псалом и хвалитные псалмы на утрени.

г. Песнопения Триодей и великих праздников должны исполняться без пропусков, хотя бы и без повторений. Во дни воскресные, будничные и в меньшие праздники из стихир на "Господи, воззвах", стиховных, литийных, хвалитных должно петь не менее половины положенных как из Октоиха, так и из Минеи.

Отнюдь не должна опускаться на воскресной утрене стихира евангельская, воскресные, тропари по непорочных не должны сокращаться. Должно быть восстановлено уставное пение тропарей, кондаков, степенн и седальнов. Из каждой песни канона должно читать не менее четырех тропарей, хотя бы по одному из каждого канона.

7. В первой части литургии без всякого сокращения надлежит исполнять антифоны Господских праздников, антифоны изобразительные (при невозможности пропеть оба псалма полностью следует читать их), повседневные (в положенные дни) и блаженны со стихами к ним; по входе полностью и в уставном порядке петь тропари и кондаки; строго соблюдать уставное количество апостольских и евангельских зачал на литургии; восстановить пение "аллилуиа" по Уставу на гласы аллилуариев с выразительным исполнением последних. Отнюдь не допускается служение полной литургии в неположенные дни св. Четыредесятницы.

8. Богослужение в кафедральных соборах и храмах при духовных учебных заведениях приближается к монастырскому, в домовых – к приходскому.

Б. Богослужение внерядовое или частное.

9. Совершение последований частного богослужения, в особенности Таинств, должно быть истовым, благолепным и по возможности должно соединяться с службами рядового круга, главным образом с литургией.

10. Крещение совершается или в храме, или в нарочито устроенных помещениях (крещальнях). В случае совершения крещения в частном доме (что допустимо лишь в самых исключительных случаях) для сего надлежит избрать самую лучшую из комнат.

При совершении крещения надлежит каждый раз освящать воду по указанному в Требнике чину. Замена этого водоосвящения добавлением в купель св. богоявленской воды безусловно запрещается.

Священник всякий раз поучает восприемников о важности и ответственности принимаемого ими на себя долга.

Крещение совершается по правилам Святой Православной Церкви трехпогружательно. Поливательное крещение допускается лишь в самых исключительных случаях "страха ради смертного" в отношении крещаемого младенца.

При публичном совершении крещения (пред литургией в праздники) священник поучает молящихся, объясняя обряды Таинства.

11. Исповедь есть главнейшее средство пастырского воздействия и должна совершаться с особливой тщательностью. При массовом стечении желающих причаститься Святых Таин, когда нет возможности совершать для каждого в отдельности чин исповеди (например, в войсках во время походов), допускается так называемая общая исповедь, но с восполнением ее для каждого исповедующего частною исповедью, состоящею из вопросов о наиболее тяжких грехах, лежащих на совести кающегося, и с прочтением для каждого исповедника разрешительной молитвы и наложением епитимий.

12. Таинство Брака надлежит совершать по возможности сразу после литургии; священнику надлежит располагать брачущихся приступить пред венчанием к причастию Святых Таин. По окончании бракосочетания священник поучает брачующихся словом назидания.

13. Отпевание должно совершаться согласно с изложенным в Требнике чином (замена указанных в Требнике припевов на 17 кафизм припевами из чина панихиды, а также пение трех песней канона вместо девяти не допускается).

Отпевание совершается над каждым православным христианином, в вере скончавшимся; замена отпевания обрядом так называемого "печатания" могилы с совершением чина погребения спустя некоторое время после зарытия тела в землю не допускается.

При следовании погребальной процессии кресты, иконы и другие святыни носятся с подобающим благолепием и таким же образом возвращаются в церковь.

14. Служение молебнов по просьбе отдельных лиц должно быть благочинным, согласно с положенными в Часослове последованиями общего молебна. Соединение молебных канонов более чем четырем святым не допускается. При об-

хождении прихожан с праздничным молитвословием, за невозможностью совершать в каждом доме полный молебен, допускается совершение краткого моления по такому чину: начальный возглас, тропарь и кондак празднику или святому, ирмос 9-й песни с припевом (в двунадесятые праздники) или "Достойно есть" (в день памяти чтимых святых), сугубая ектения и отпуст.

II. Меры к упорядочению богослужения.

15. Существующая при Святейшем Синоде Комиссия для исправления богослужебных книг преобразуется в постоянное учреждение, которое, кроме книжного исправления, должно вообще ведать богослужением и решать все относящиеся к нему вопросы.

16. При исправлении богослужебных книг в ближайшую очередь следует пересмотреть текст нашего Типика, так как последнее его исправление было произведено еще в конце XVII в.; при этом пересмотре необходимо предписания о службе русским святым изложить совместно со службами святым вселенским и вставить устав о выносе Плащаницы.

17. Наряду со славянским Типиконом следует издать русский перевод с более полным ясным и общедоступным изложением уставных предписаний, снабженный предисловием, раскрывающим историю и значение Церковного Устава.

18. При новом издании богослужебного Евангелия необходимо соединить вместе и исправить уставные статьи о евангельских чтениях и таблицы этих чтений так, чтобы рядовое чтение Св. Евангелия от Луки непременно начиналось с понедельника седмицы по Воздвижении.

19. В новом издании Миней службы русским святым следует изложить в соответствии с правленным Уставом.

20. При исправлении и редактировании Служебника образованная согласно параграфу 15 Комиссия располагает в чинах литургии тайные молитвы так, чтобы они стояли непосредственно перед возгласами, являющимися заключением молитв.

Возглашение: "Господи, спаси благочестивых и услыши ны" – должно быть опущено.

Для поминовения на великом выходе взамен бывших следует напечатать такие поминальные формулы: "Всех вас да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков" (для диакона) "Да помянет Господь Бог всех вас во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков" (для священника).

Евхаристический канон следует напечатать с такой расстановкой знаков препинания, которая ясно обозначила бы грамматическое отношение возглашений к читаемым тайно молитвам, причем вводные части – диаконские "напоминания" – должны печататься мелким шрифтом.

Тропарь 3-го часа: "Господи, иже пресвятаго Твоего Духа" печатается также мелким шрифтом и ставится перед словами: "еще приносим ти словесную и безкровную службу и просим и молим" (в Литургии Василия Великого – пред словами "Сего ради, Владыко").

21. В отношении к Требнику Комиссия, кроме исправления отдельных выражений в молитвах и замены малопонятных речений более понятными, должна еще заняться составлением некоторых новых чинопоследований, вызываемых потребностями современной жизни, а также составить особый чин на погребение диаконов. В книгу молебных пений должен быть внесен новосоставленный чин молебного пения при открытии Всероссийского Церковного Собора и особое новогоднее молебствие.

22. Всякое богослужебное чтение должно совершаться на средине храма, на особом возвышении. Чтение Евангелия допускается лицом к народу.

23. Необходимо принять всевозможные меры к тому, чтобы совершители бо-

гослужения знали Церковный Устав; для этого, между прочим, следует поднять преподавание науки о богослужении в Духовных школах, а также озаботиться изданием ежегодников, дающих все нужные уставные указания на каждый богослужебный день.

24. Для привлечения внимания молящихся к богослужению и вообще для поддержания в них сознательного отношения к последнему необходимо издание всякого рода популярных книжек с богослужебными текстами, их переводом, изъяснениями и т. п.

25. Собор обращается с особым посланием к совершителям богослужения, в котором он, с с одной стороны, призывая благословение Божие на усердных и истовых его исполнителей, с другой – должен призвать всех к точному соблюдению настоящих постановлений"[47].

16 (28) августа 1918 года доклад был рассмотрен Советом епископов, который решил не выносить его на Собор, "но напечатать на пишущей машинке и разослать Преосвященным в качестве приблизительного руководства по вопросу об уставном сокращении"[48]. В своих мемуарах митрополит Евлогий пишет, что "митрополит Тихон, председатель Соборного президиума[49], нашему проекту ходу дать не захотел, опасаясь нареканий, главным образом со стороны старообрядцев. С ними в те дни наметились пути сближения, и намерение Собора изменить Церковный Устав могло встретить с их стороны энергичный отпор: за Устав они готовы были умереть"[50].

4. Проблемы библейской текстологии, издания и толкования Священного Писания

Первоначальная программа работ Собора не предполагала обсуждения вопросов библейской экзегетики и текстологии. Однако обойти эти проблемы оказалось невозможно, и 5 (18) марта 1918 года был создан Библейский отдел, который должен был решить следующие вопросы:

"1. О составе Ветхозаветной Библии или об отношении Православной Церкви к неканоническим книгам и отделам Ветхого Завета.

2. О взаимном отношении и сравнительном достоинстве подлинного ветхозаветного текста и греческого текста LXX.

3. О значении священной филологии при школьном изучении Священного Писания как Ветхого, так и Нового Заветов; то есть об обязательном знакомстве всех питомцев духовных школ с еврейским языком и с особенностями греческого языка перевода LXX и Нового Завета.

4. Об отношении православных толкователей и исследователей Слова Божия к толкованиям святоотеческим и исследованиям западных библеистов разных направлений".

Кроме того, отделу предстояло разработать план нового издания славянского и русского переводов Библии, составить краткое общедоступное толкование всех священных книг обоих заветов.

Программа работ Библейского отдела вдохновлялась идеями Комиссии по научному изданию Славянской Библии при Петроградской Духовной Академии, позиции которой были изложены в Обращении к Собору[51] и брошюре И. Е. Евсеева "Собор и Библия"[52].

Отдел был создан незадолго до окончания работы Собора, однако он успел подготовить доклад "Об основных положениях Библейского совета при Высшем

Церковном Управлении" (докладчики А. П. Рождественский и Д. В. Рождественский).

"Заслушав на заседании отдела доклад профессора протоиерея А. П. Рождественского о ближайших задачах по изданию Библии и имея в виду близкое окончание работ Священого Собора, Библейский отдел пришел к мысли о желательности образования при Высшем Церковном Управлении особого Библейского совета. В этом совете церковная власть имела бы постоянный совещательный орган по столь важному и неотложно нужному делу, как дело издания Святой Библии для нужд русского народа, ее изучения и толкования <...>.

Основные положения о Библейском совете при Высшем Церковном Управлении:

1. При Высшем Церковном Управлении учреждается Библейский совет.

2. В задачи Библейского совета входят: а) пересмотр и исправление русского и славянского текстов Библии; б) составление нового русского перевода Библии на основании изучения еврейского и других древних текстов; в) издание русского перевода Ветхого Завета по тексту LXX; г) издание Библии с толкованиями; д) разработка вопроса о составе Библии; ж) выработка наилучшего типа печатных изданий Библии.

3. Состоя под покровительством Святейшего Патриарха, Библейский совет исполняет поручения Высшего Церковного Управления, вырабатывает предположения по собственному почину и представляет их на рассмотрение Высшего Церковного Управления.

4. Библейский совет составляется из академических и университетских преподавателей, из преподавателей духовных учебных заведений и из других лиц, могущих своими знаниями и трудами содействовать исполнению его задач.

5. Председателем Библейского совета состоит один из членов Священного Синода по назначению самого Священного Синода. Товарищ председателя избирается советом из числа его членов на три года.

Для привлечения к делу изучения и издания Библии широких кругов православного общества по инициативе совета может быть учреждено Русское Библейской общество по особому Уставу, выработанному советом"[53].

Собор не успел рассмотреть этот доклад. В списке не рассмотренных Собором докладов[54] доклад "Об основных положениях Библейского совета при Высшем Церковном Управлении" фигурирует под № 33.

ПОСЛЕ СОБОРА

В этом разделе речь в основном пойдет о проблемах, которые встали в связи с обновленческим расколом[55]. До недавнего времени авторов практически всех публикаций, посвященных обновленчеству, в основном интересовал вопрос о роли карательных органов в создании "Живой церкви". Остальные проблемы отходили на второй план. Теперь, когда открытие архивных фондов рассеяло последние сомнения в том, что обновленческая смута была инспирирована властями[56], наступило время анализа вопросов, которые вставали в связи с обновленчеством.

Считается, что обновленцы были сторонниками перевода богослужения на русский язык и радикальных литургических реформ. Однако знакомство с официальными документами обновленцев показывает, что это миф. Чтобы не быть голословными, приведем *единственное* официальное[57] высказывание обновленцев по этому вопросу – резолюцию Поместного Собора, точнее – обновленческой конференции 1926 года:

"Священный Собор Православной Церкви, заслушав доклады наличных цер-

ковно-обновленческими группами (так в оригинале[58]. – *А. К.*) о церковных преобразованиях, считает необходимым, не вводя никаких догматических и богослужебных общеобязательных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно охранять единство Церкви; благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности"[59].

Конечно, какую-то работу в направлении перевода богослужения на русский язык могли осуществлять представители мелких, находящихся на периферии движения обновленческих группировок. Так, на состоявшемся в июне – июле 1924 года съезде (Соборе[60]) Союза церковного возрождения[61] была принята следующая резолюция:

"1. Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным и важным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его, как могучее оружие раскрепощения верующей массы от могущества слов и отогнания суеверного раболепства перед формулой. Живой родной и всем общий язык один дает разумность, смысл, свежесть религиозному чувству, понижая цену и делая совсем ненужным в молитве посредника, переводчика, спеца, чародея.

2. Русскую литургию, совершаемую в московских храмах Союза, рекомендовать к совершению и в других храмах Союза, вытесняя ею практику славянской, так называемой Златоустовой, литургии <...>.

3. Благословить литургические дарования людей искреннего религиозного чувства и поэтической одаренности, не заграждая и не пресекая религиозно-молитвенного творчества. Вводить же в общее употребление по испытании на практике с епископского благословения. Приветствовать литургические труды священника К. Смирнова[62] и иметь о них суждение после их напечатания"[63].

Союз церковного возрождения оставался малочисленной организацией, лишенной всякого влияния. Практическая реализация его решений свелась к подготовке митрополитом Антонином реформированного чина литургии. В основу положен чин Литургии Иоанна Златоуста, который был несколько пересмотрен по другим вариантам литургии Древней Церкви. Реформированный Антонином текст был издан[64]. В 20-е годы эта литургия служилась в Заиконоспасском монастыре, который принадлежал тогда Союзу церковного возрождения.

Из примыкавших к Союзу людей наиболее талантливым был священник Константин Смирнов, которому принадлежит попытка пересмотра (в авторской терминологии – "реконструкции") чина литургии "в целях ее большей выдержанности и осмысленности, силы производимого ею на душу молящегося впечатления"[65]. При этом язык и текст остаются неприкосновенными. Евхаристический канон дается с параллельным русским переводом. То же самое можно сказать и о подготовленном священником Константином Смирновым "Чине общей исповеди"[66]. Хотя, по характеристике автора, "композиция данного "Чинопоследования" всецело принадлежит нам и в этом смысле может быть названо лишь нашим именем – Константиновским"[67], *язык* остается неприкосновенным. Даже паремии читаются по-церковнославянски[68].

Принципиальным отличием предпринимаемых обновленцами переводов богослужебных текстов от переводов дореволюционных является то, что последние не предназначались для богослужебного употребления, а делались для того, чтобы помочь мирянам лучше понять церковнославянский текст.

Отметим также упоминаемый протоиереем Н.Г.Поповым перевод *Литургии Иоанна Златоуста* священника Ф. Н. Жукова[69], однако о выходе этой книги в свет нам ничего не известно.

Единственным действительно заслуживающим внимания переводческим опытом являются работы священника Василия Адаменко[70].

Идея перевода богослужения возникла у отца Василия во время миссионер-

ской работы на Кавказе[71]. "В 1908 году он писал с просьбой о благословении о. Иоанну Кронштадтскому, ответа не получил, но почувствовал молитвенный ответ. Просил благословения и у Патриарха Тихона, но тот сказал: "Разрешить не могу, делай на свой страх и риск"[72]. В 20-е годы отец Василий примыкает к обновленцам. В это время он служит в Ильинском храме Нижнего Новгорода[73], где им были введены: "богослужение на русском языке, общая исповедь (к ней допускались те, кто исповедовался часто), частое причащение, соборование каждый пост. Служба была ежедневной, утром и вечером, часты были ночные службы. Вся литургия служилась при открытых дверях, все священнические молитвы о. Василий произносил вслух. ... В определенные дни недели после вечернего богослужения прихожане оставались в храме, пели канты и произносили проповеди. ... Переводы осуществлялись самим о. Василием, лицами, не принадлежавшими к общине, и членами общины. Переводились богослужебные книги; Библия не переводилась – пользовались синодальным переводом. Переводы пробовались на пение, многократно обсуждались и изменялись. Многие первоначальные варианты отбрасывались. Иногда возвращались к словам славянского текста: "одесную Отца", "воспряни" и др. К обсуждению переводов привлекались все прихожане. Иногда о. Василий объявлял: "Молитесь, не получается перевод такого-то текста".

Переписка, перепечатка, редакционная и издательская работа осуществлялись членами общины. Во время литургии разрешалось до апостола работать в ризнице над переводами, а затем полагалось идти в храм. Печатали в тюремной типографии. Члены общины вели корректорскую работу и иногда участвовали в наборе текста"[74].

В 1924 году отец Василий принимает монашество с именем Феофан, а в 1931 году приносит Митрополиту Сергию покаяние в обновленчестве[75]. Вскоре после этого Василий Адаменко был арестован. Далее следует еще ряд арестов. В 1937 году он был отправлен этапом в Караганду, после чего следы теряются. Запросы, в том числе от Митрополита Сергия, остались без ответа*. После ареста Василия Адаменко по-русски служил его преемник Василий Абоимов. Однако вскоре был арестован и он[76].

Особенностью переводов отца Василия является то, что он знает и активно использует опыт предшественников. Так, ряд мест русского перевода *Литургии Иоанна Златоуста* опираются на перевод митрополита Антонина[77], *Погребальные стихиры Иоанна Дамаскина* – на переводы Н. Нахимова[78]. В. Адаменко успел издать переводы трех литургий, всенощного бдения, Требника, ряда молитвословий из Триоди и Минеи[79]. В рукописях остались переводы большого числа служб (почти целиком была переведена Служебная Минея с апреля по июнь), акафистов, последований архиерейского богослужения. Местонахождение этих переводов нам неизвестно.

Священник Василий Адаменко получил письменное благословение Замести-

---

*Священник Василий Адаменко был арестован в 1935 году в Нижнем Новгороде вместе с митрополитом Евгением Зерновым, священником Николаем Македонским и священником Петром Новосельским. Их обвиняли в том, что они совершили богослужение 1 мая 1935 года. Священник Василий Адаменко был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей и отправлен в Караганду. В октябре 1937 года в Карагандинском лагере против группы духовенства и мирян, в которую, помимо отца Василия Адаменко, входил также епископ Елецкий Сергий (Зверев), было возбуждено новое уголовное дело. Их обвиняли в том, что они совершали тайные богослужения. Виновным себя отец Василий Адаменко не признал. 20 ноября 1937 года тройка УНКВД по Карагандинской области приговорила всех арестованных к расстрелу. – Примечание иеромонаха Д а м а с к и н а – члена Синодальной комиссии по изучению материалов, касающихся реабилитации духовенства и мирян Русской Православной Церкви, пострадавших в советский период.

теля Местоблюстителя Патриаршего престола на совершение богослужения на русском языке:

Копия

СПРАВКА[80]

Настоящая выдана священнику Вас. Адаменко (ныне иеромонаху Феофану) в том, что на основании определения Патриархии от 10 апреля 1930 года за № 39, мною дано Ильинской общине г. Н. Новгорода (бывшей в руководстве у о. Адаменко) благословение на богослужение на русском языке, но с тем непременным условием, чтобы употребляемый у них текст богослужения был только переводом принятого нашей Православной Церковию богослужебного славянского текста без всяких произвольных вставок и изменений (резолюция от 24 янв. 1932 года, п. 2). Сверх того, дано благословение на некоторые ставшие для них привычными особенности богослужения, как-то: отверстие царских врат, чтение Св. Писания лицом к народу[81] (как в греческой церкви) и, "в виде исключения, чтение тайных молитв во всеуслышание" (п. 3).

Руководствуясь примером покойного Святейшего Патриарха, я не нахожу препятствий к тому, чтобы Преосвященные епархиальные архиереи, если найдут полезным, разрешали иеромонаху Феофану (или другим) то же самое и каждый в своей епархии.

Заместитель Патриаршего
Местоблюстителя — *Сергий, М[итрополит] Московский*

Управляющий делами
Патриаршего Священного Синода — *Протоиерей Александр Лебедев*

Сравнение этой справки с докладом Собору 1917-1918 годов "О церковно-богослужебном языке" убеждает нас, что Митрополит Сергий действовал в соответствии с буквой соборного решения. Как мы помним, доклад "О церковно-богослужебном языке" был передан органам Высшего Церковного Управления. Заместитель Местоблюстителя имел полное право претворять его в жизнь.

Если опыт В. Адаменко воспринимался как нечто неожиданное и нуждался в утверждении и обосновании, то появляющиеся примерно в те же годы молитвословия на славянизированном русском языке не воспринимались как русские. Наиболее известным из русских текстов, видимо, является *Акафист благодарственный "Слава Богу за все"*[82], составленный митрополитом Трифоном (Туркестановым). Сохраняющий особенности поэтики акафиста, этот русский текст воспринимается как церковнославянский. Точно так же по-русски написана и *"Молитва преподобных отцев и старцев оптинских"*.

Вероятно, вопрос о возможности составления новых молитвословий на русском языке волновал церковное сознание 20-30-х годов. В частности, эта тема поднимается в 1923 году Сергием Булгаковым[83]. Указанные примеры – не единственные, однако полное описание и анализ этих текстов пока не предпринимались.

Продолжается и создание новых церковнославянских служб и акафистов. Так, например, восстановление Собором 1917-1918 годов празднования Всех святых, в земле Российской просиявших, предполагало создание соответствующей службы. Служба была составлена профессором Б. А. Тураевым и иеромонахом Афанасием (Сахаровым)[84], утверждена Патриархом и напечатана. В пересмотренном виде этот текст вышел в 1946 году, а расширенная редакция этой службы, составленная епископом Афанасием (Сахаровым)[85], долгое время оставалась неопубликованной и увидела свет лишь в 1987 году[86]. Кроме того, в богослужебную

практику стал постепенно входить неизданный текст "Похвалы, или Священного последования на святое преставление Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы"[87]. Издано же это "Последование" было лишь в 1989 году[88]. К этому же времени относится составление службы иконе Богоматери "Державная"[89], в котором принимал участие Святитель Тихон[90]. Другая служба этой иконе была составлена В. В. Богородицким[91]. Известен и "Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице, явления ради чудныя Ея иконы "Державная"[92]. В. Н. Курнатовская создает "Акафист святителю Игнатию Брянчанинову"[93]. В 1929 году по благословению архиепископа Серпуховского Мануила (Лемешевского) был составлен акафист иконе Богоматери "Неупиваемая чаша"[94] и ряд других богослужебных текстов.

Новые церковнославянские тексты создавались и в эмиграции. Так, в 1937 году иеромонах Филипп (Гарднер) предпринимает перевод[95] Литургии Иакова на церковнославянский язык, причем предполагалось богослужебное использование этого перевода. Как известно, Литургия Иакова совершается в Иерусалиме один раз в год – 23 октября (память Апостола Иакова, брата Господня), "поэтому, – пишет переводчик, – настоящее издание не представляет собой издания научно-археологического, а является изданием литургически живого чина, ибо издаваемая литургия служится в наши дни в Православной Церкви Иерусалимской, на Кипре и в Александрии. Ввиду этого перевод сделан не на русский язык, а на церковнославянский, т. е. на богослужебный язык славянских православных церквей, чтобы сохранить богослужебный характер перевода. Эти же причины заставили нас особенно внимательно отнестись к уставным указаниям"[96]. В 1939 году появляется издание этого текста, набранного кириллицей и предназначенного для богослужебного употребления[97]. Церковнославянский язык перевода сильно упрощен. В первую очередь упрощения коснулись синтаксиса. Другой перевод Литургии Иакова, выполненный епископом Парфением, появляется в 1948 году[98].

Выявление и каталогизация созданных в эту эпоху церковнославянских текстов – дело будущего.

От автора. Изучение истории церковнославянской книжности двух последних веков только начинается, и мы надеемся на помощь всех, кто имеет какие-либо сведения, касающиеся составления служб и акафистов, переводов богослужебных текстов на русский или европейские языки. Огромный интерес представляет информация о зарубежных изданиях богослужебных текстов, а также обновленческие материалы (листовки, периодика, рукописи) и ваши воспоминания. Автор будет благодарен за любые сведения, касающиеся тем этой статьи, которые можно направлять по адресу: 121019. Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка РАН, Кравецкому А. Г.

Источники и примечания

Настоящая работа представляет собой расширенный вариант статьи, опубликованной в журнале РАН "Славяноведение" (1993, № 5).

[1] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1-3. СПб., 1906.

[2] Ильинский П. Вопрос о богослужении на Церковном Соборе. – Архангельские епархиальные ведомости. Архангельск, 1917-1918.

[3] Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж, 1947.

[4] Совет Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX-XX веках. – В кн.: Богословские труды. М., 1970, сб. V.

[5] Библиографию "Деяний" см.: Тарасов К. Деяния Священного Собора 1917–1918 годов как исторический первоисточник . – ЖМП, 1993, № 1.

[6] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, бывший ЦГАОР), ф. 3431, оп. 1.

[7] Отзывы епархиальных архиереев...

[8] Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг..., с. 53.

[9] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 283, л. 545-548. Епископ Андроник (Никольский) подал голос лишь за перевод церковных книг для домашнего употребления.

[10] В работе комиссии, возглавляемой архиепископом Сергием (Страгородским), принимали участие А. И. Соболевский, Н. Н. Глубоковский, В. В. Латышев, Д. И. Абрамович, В. Н. Бенешевич, И. Е. Евсеев и другие ученые. О деятельности комиссии см.: Плетнева А. А. Исправление богослужебных книг в начале XX в. – Славяноведение, 1994, № 2 (в печати).

[11] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 283, л. 550-551

[12] Протоколы заседаний этого подотдела см.: ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 295. Изложение хода работ – см.: Там же, № 283, л. 545–582.

[13] Плетнева А. А. К проблеме перевода богослужебных текстов на русский язык. – ЖМП, 1994, № 2 (в настоящем номере).

[14] Его взгляды см.: Епископ Мефодий. О богослужебном языке Церкви в связи с другими сопредельными вопросами церковной реформы. – Оренбургские епархиальные ведомости, 1917, № 23–24; 1918, № 4.

[15] В своем докладе крестьянин Ф. Г. Зибаров привел следующий любопытный аргумент: "В народе говорят, что придет антихрист, что знамением его будет то, что станут отнимать старые книги и дадут новые. Книги мы отнимем и оставим народ без молитв" (ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 283, л.558).

[16] Считал, что достаточно было бы упростить синтаксис.

[17] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 295, л. 42.

[18] Там же, № 283, л. 527.

[19] Там же, № 296, л. 1.

[20] Любопытно сравнить этот документ с отношением к богослужению на национальных языках II Ватиканского Собора: "1. Употребление латинского языка, за исключением случаев, предусмотренных церковным правом, должно сохраняться в латинских обрядах. 2. Но так как и на Литургии, и в преподании таинств, и в иных частях Богослужения употребление местного языка может быть весьма полезным для народа, то можно уделить ему больше места, особенно в чтениях и поучениях, в некоторых молитвах и песнопениях <...> 3. <...> Надлежит компетентной территориальной церковной власти <...> решать об употреблении и о способе употребления местного языка; эти решения должны быть приняты или подтверждены Апостольским Престолом. 4. Перевод латинского текста на местный язык для употребления его в Богослужении должен быть одобрен компетентной церковной территориальной властью" (Священный Вселенский Ватиканский Собор II. Конституция "О богослужении". Vaticano, 1967, с. 14.).

[21] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 296, л. 2.

[22] Там же, № 192, л. 189.

[23] Там же, № 296, л. 7.

[24] Поскольку каноны знают только епископские соборы, все решения утверждались Совещанием епископов, которое имело право veto. Строго говоря, решение Епископского совещания является решением Собора. См.: Троицкий С. В. О неправде карловацкого раскола. Paris, 1960, с. 5.

[25] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1, № 628, л. 5.

[26] Там же, л. 5-6.

[27] Согласно определению Собора "О круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления", в их число входили: 1. Охранение текста богослужебных книг, наблюдение за его исправлением и переводом и, с одобрения Церковного Собора, благословение на печатание вновь составленных или переизданных отдельных служб, чинов и молитвословий. 2. Дела, касающиеся богослужебного чина. См.: Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918, Вып. 1.

[28] Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. Париж, 1947, с. 297–298.

[29] Там же, с. 296.

[30] Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома. – Церковные ведомости, 1917, № 9-15. Бесплатное приложение.

[31] О сакрализации монарха в России см.: Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. – В кн.: Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

[32] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 286, л.43.

[33] Там же, № 288, л. 60.

[34] Там же, № 625, л. 2.

[35] В дореволюционных молитвословах на месте подчеркнутого текста читалось: "Благоверному Императору нашему имярек".

[36] В дореволюционных молитвословах на месте подчеркнутого текста читалось: "Силою Твоею благовернаго Императора нашего, имярек".

[37] Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома. – Церковные ведомости, 1917, № 9-15. Бесплатное приложение, с. 4.

[38] О тексте тропаря и кондака Святому Кресту Господню. – ЖМП, 1934, № 20-21.

[39] *Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки: за царя, и за всех, иже во власти суть: да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 1-2).

[40] Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия. Сортавала, 1993. с. 153. Подлинный текст этого указа нам неизвестен. Обзор дискуссий, касающихся уместности молитв об атеистической власти, см.: Там же, с. 153-160.

[41] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 625, л.2.

[42] Последование в Неделю Православия. СПб., 1904; Последование в Неделю Православия. Пг., 1917. В изданиях начала XIX в. здесь следует уточнение: "Яко Гришке Отрепьеву, и Ивану Мазепе и прочим подобным". См. в кн.: Последование в Неделю Православия. М., 1808.

[43] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 625, л. 5-7.

[44] В ночь с 25 на 26 января был убит митрополит Киевский Владимир.

[45] Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. М., 1918, вып. 1, с. 55.

[46] См.: Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг..., с. 67-68.

[47] ГАРФ, ф. 3431, № 174 (3), л. 214–221.

[48] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 291, л. 19.

[49] То есть Совета епископов.

[50] Евлогий, митрополит. Путь моей жизни..., с. 297.

[51] Обращение было опубликовано К. Логачевым. См.: Логачев К. И. Документы Библейской Комиссии II. – В кн.: Богословские труды. М., 1975, сб. XV, с. 232; см. также: Логачев К. И.. Библейская Комиссия и изучение истории Библии у славян. – ЖМП, 1974, № 7.

[52] Евсеев И. Е. Собор и Библия. Пг., 1918.

[53] ГАРФ, ф. 3431, оп. 1,№ 496, л. 21.

[54] Там же, № 288, л. 5-6.

[55] Поскольку сводной библиографии по обновленчеству нет, а историков Церкви в советскую эпоху больше интересовала политическая проблематика, наши сведения неполны и мы будем благодарны за любые дополнения и уточнения.

[56] См.: Нежный А. Комиссар дьявола. – Русская мысль, № 3939. 24.VII. 1992 г. Московское приложение.

[57] Брошюры и листовки, обосновывающие необходимость русификации богослужения (например: Попов Н. Г. О богослужебном языке Русской Православной Церкви. Самара, 1926; Адаменко В. Что делать? (О неотложных реформах в богослужебной практике Русской Православной Церкви). Самара, 1927), выражали лишь точку зрения их авторов.

[58] По числу погрешностей против русского языка эти материалы побивают все рекорды. Впрочем, здесь можно прочитать, что "для успеха церковного дела в обществе необходимо разработать и ввести в сознание новое материалистическое понимание христианства" (Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 года. М., 1923, с. 21-22).

[59] Поместный Собор... 1923 г., с. 22.

[60] Митрополит Антонин (Грановский) называл этот съезд "собориком".

[61] Организатором и вдохновителем Союза был митрополит Антонин (Грановский), отлученный как от Патриаршей Церкви (Указ 9 октября 1923 года), так и от обновленческой (Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории церковной смуты, 1922-1946. Kusnasht, 1978, т. 3, с. 192.

[62] Как мы увидим дальше, в реформированных отцом Константином богослужебных чинах сохранялся церковнославянский язык.

[63] Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки..., с. 274-275.

[64] Антонин (Грановский), архиепископ. Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий. М., 1923. Перепечатано в: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки..., с. 309-334.

[65] Смирнов К. Литургия: (Реконструкция с введением и историческим комментарием). Лебедин, 1924, с. X.

[66] Смирнов К. Чинопоследование общей исповеди. Сумы, 1926.

[67] Там же, с. IV.

[68] Отцом Константином была подготовлена к печати работа под заглавием "Поэзия богослужебных книг Православной Церкви", где, в частности, рассматриваются тропы, фигуры и источники образов. Местонахождение рукописи этой книги нам неизвестно.

[69] Попов Н. Г. О богослужебном языке..., с. 4.

[70] См.: Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1992, кн.1, с. 203-207; а также: Соколова З. А. Запись бесед с В. М. Воиновой. М., 1976. (Рукопись). (В. М. Воинова была духовной дочерью отца Василия.) Эта запись и другие рукописные материалы были нам предоставлены З. А. Соколовой. Пользуюсь случаем выразить ей свою признательность.

[71] Точно так же на полвека раньше миссионерская работа привела иерея Макария (Глухарева) к мысли продолжить работы по переводу Священного Писания на русский язык.

[72] Записи З. А. Соколовой.

[73] Василий Адаменко пользовался поддержкой Митрополита Сергия (Страгородского), который с 1924 года занимал Новгородскую кафедру.

[74] Записи З. А. Соколовой.

[75] О принятии в общение со Святой Церковью и о допущении русского языка в церковном богослужении. – ЖМП, 1931, № 5, с.2-3.

[76] Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники..., кн. 1, с. 206.

[77] Антонин (Грановский), архиепископ. Божественная литургия ...

[78] Нахимов Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. СПб., 1912.

[79] Адаменко В. Служебник на русском языке. Н. Новгород, 1924; Ада- менко В. Порядок всенощного богослужения на русском языке. Н. Новгород, 1925; Адаменко В. Сборник церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке. Н. Новгород, 1926 (перепечатка: Paris, 1989).

[80] Фотокопия этого документа была передана нам З. А. Соколовой. Местонахождение оригинала неизвестно.

[81] Это допускалось в приведенном выше докладе "Об упорядочении богослужения".

[82] В публикации: Акафистник. Брюссель, Б.г., с. 699. – ошибочно указано, что автором акафиста является протоиерей Григорий Петров, умерший в 40-х годах в заключении (см. также: Трофимов А. Об акафисте "Слава Богу за все". – Москва, 1992, № 1).

[83] Булгаков С. Н. У стен Херсониса. – Символ. Париж, 1991, № 25, с.234.

[84] Составители пользовались созданной в XVII веке в юго-западной Руси, которая упоминается в докладе Б.А.Тураева "О восстановлении празднования в первое воскресенье Петровского поста всех святых новых чудотворцев российских" (ГАРФ, ф. 3431, № 174, л. 194). Первоначальный вариант этого текста остался для нас недоступен.

[85] Лозинский Р. Русская литургическая письменность. т. 2. Кострома: МДА, 1967, с. 470-489. Рукопись.

[86] Минея, май. Ч. 3. М., 1987, с. 308-387.

[87] Лозинский Р. Русская литургическая письменность, т. 2, с. 490-491.

[88] Минея, август. Ч. 2. М., 1989, с. 52-76.

[89] Обретена 2 марта 1917 года.

[90] Минея, март. Ч. 1. М., 1984, с. 17-28.

[91] Там же, с. 28-42.

[92] Акафистник. Брюссель. с. 321-345.

[93] Акафист Святителю Игнатию Брянчанинову. М., 1990.

[94] Иоанн (Снычев), митр. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993, с. 145.

[95] Перевод осуществлялся с текста греческого служебника 1931 года.

[96] Филипп (Гарднер), иеромонах. Божественная Литургия святаго славнаго апостола Иакова, брата Божия и первого иерарха Иерусалимского. Иерусалим, 1937, с. III. (Оттиск из журнала "Святая земля"). Более подробная информация об этом переводе содержится в журнале "Святая земля" (1937, № 1), который, к сожалению, остался нам недоступен.

[97] Это издание осталось для нас недоступным, и информация о нем заимствована из рекламного объявления, помещенного в Православном церковном календаре, который вышел в 1938 году в Чехословакии (Типография преп. Иова Почаевского, 1938 год).

[98] Божественната литургия на св. апостол Иакова, брат Божий, превел от оригинала левкийский епископ Партений. София, 1948. К сожалению, у нас не было возможности просмотреть это издание de visu.

А. Г. КРАВЕЦКИЙ

Пособия по церковнославянскому языку

Курс церковнославянского языка в настоящее время вводится в программы учебных заведений различных типов – от воскресных школ до вузов. Вышедшие или готовящиеся к выходу пособия по церковнославянскому языку не универсальны. Каждое из них ориентировано на определенную аудиторию – детскую или взрослую, имеющую гуманитарную подготовку или не имеющую ее. Этот обзор должен помочь преподавателю выбрать наиболее подходящее для его целей пособие, обратить его внимание на выходящие исследования по церковнославянскому языку.

Цель изучения церковнославянского языка – помочь пониманию православного богослужения. В этом коренится основное отличие курса церковнославянского языка от исторической грамматики и старославянского языка. Вузовский курс старославянского и древнерусского языков дает материал для изучения истории славянских языков. Поэтому основное внимание уделяется формальной структуре языка, истории звуков и грамматических форм, в то время как содержание текста часто остается вне сферы интересов преподавателей и учащихся. Поскольку в воскресных школах, православных гимназиях и лицеях этот предмет преподают выпускники филологических факультетов университетов или педагогических институтов, им придется преодолевать стереотипы, заложенные вузовским преподаванием.

Более подробные методические указания для преподавателей и библиографию можно найти в утвержденной Министерством образования России программе по церковнославянскому языку, напечатанной в журнале "Русская словесность" (1993, № 3, с. 91–95).

ПОСОБИЯ, АДРЕСОВАННЫЕ УЧИТЕЛЯМ

Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковнославянского языка. М.: Худож. лит., 1991. 272 с. (Тираж 50 000 экз.); М.: МП "Паломник" (50 000 экз.). Рекомендовано к печати Отделом религиозного образования Московского Патриархата. Переиздание вышедшей в 1964 году в Джорданвилле (США) наиболее полной церковнославянской грамматики. Книга содержит подробное описание основных разделов грамматики церковнославянского языка и является прекрасным справочником и ценным пособием для преподавателя. Использование грамматики Алипия в качестве учебного пособия едва ли возможно, так как книга слишком сложная, требующая навыков чтения лингвистической литературы.

Преподавателям церковнославянского языка адресованы статьи рубрики *Материалы к современному учебнику церковнославянского языка* в журнале Российской академии наук "Славяноведение" (печатание материалов началось с 3-го номера за 1992 год). Цель этих публикаций – помочь филологу-русисту подготовиться к занятиям по церковнославянскому языку. В статьях дается очерк орфографии, грамматики и синтаксиса церковнославянского языка, причем основное внимание уделяется нерешенным и наиболее сложным проблемам; рассказывается об истории преподавания и изучения церковнославянского языка. Здесь также публикуется словарь церковнославянских слов, которые совпадают с русскими по звучанию, но расходятся в значении. Словарь дает прекрасный материал для лексических упражнений. В журнале опубликованы также статьи, посвященные поэтике и смысловой структуре богослужебных текстов, истории церковнославянского языка XIX–XX веков (в том числе подготовленный Поместным Собором 1917–1918 годов доклад "О церковно-богослужебном языке") и другие материалы. Эти публикации адресованы преподавателям и не могут быть использованы в качестве самоучителя.

ПОСОБИЯ, АДРЕСОВАННЫЕ УЧАЩИМСЯ

Первая учебная книга церковнославянского языка для низших и начальных училищ[1]. Ростов-на-Дону (Ростовское отделение ВООПИК. Тираж не указан), 1991. 174 с. Это учебное пособие адресовано учащимся младших классов. Книга содержит *церковнославянский букварь* (алфавит, упражнения для чтения, сведения о надстрочных знаках и числовых значениях букв) и *Первую книгу для чтения* (сборник наиболее важных молитв, фрагменты Ветхого и Нового Заветов и другие материалы), пасхалию на 1907–1914 годы, святцы и словарь. Подбор текстов и упражнений очень удачен, однако книга страдает недостатками, общими для всех репринтных воспроизведений дореволюционных учебников: в ней механически воспроизводятся явно устаревшие тексты и реалии. Так, в *Первую книгу для чтения* включен ряд молитвословий, которые ныне не употребляются (например, прошения на ектениях о царствующем доме и Святейшем Синоде). Кроме того, пасхалия на 1907–1914 годы едва ли уместна в книге, которая вышла в 1991 году.

Кравец Е.Л. Курс церковнославянского языка. – *Литературная учеба*, 1991, № 1; 1993, № 3. Курс рассчитан на три года. Это самоучитель, пользование которым не требует специальной подготовки и участия преподавателя. Каждый урок содержит грамматическую тему и тексты для анализа (библейские фрагменты и песнопения двунадесятых праздников). Тексты сопровождаются настолько подробным комментарием, что читать их могут и те, кто пропустил часть предыдущих уроков.

Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки в средней школе. М.: ИНТЕЛСИ, 1992. 144 с. (тираж 3000 экз.). Автор этой книги ставит перед собой задачу описать древнейший этап истории славянского языка и проследить отличия языка древнейших, восходящих к кирилло-мефодиевской традиции памятников от новоцерковнославянских текстов. Автор не ставит своей целью научить понимать церковнославянские тексты. Книга включает краткое историческое введение, элементы фонетики, морфологию, элементы синтаксиса, упражнения, хрестоматию и словарь. Строение книги определяется интересом автора прежде всего к формальной структуре языка и к месту старославянского языка среди других славянских языков. В книге достаточно подробно описаны старославянская фонетика и морфология, для многих явлений языка дан праславянский фон, в то время как синтаксису посвящено всего две страницы, а проблема значения слова не ставится. Это пособие будет очень полезно тем, кого церковнославянский и старославянский языки интересуют не как языки богослужения, а как материал для реконструкции древнейшего облика языка славян.

ПОСОБИЯ, ГОТОВЯЩИЕСЯ К ПЕЧАТИ

Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковнославянский язык: Книга для учащихся/ Под ред. В. М. Живова; Предисл. акад. Н. И. Толстого. М.: Просвещение, 1993, № 14. Пособие адресовано учащимся старших классов. Книга содержит краткий очерк истории церковнославянского языка, восемнадцать уроков, хрестоматию, грамматический справочник и словарь. Поурочное изложение дает возможность, рассмотрев на первых занятиях наиболее важные грамматические темы, сразу приступить к чтению текстов хрестоматии. Уроки снабжены большим количеством упражнений и вопросами для самопроверки. В хрестоматии содержатся фрагменты церковнославянских текстов разных жанров (Священное Писание, стихиры, богослужебный канон, акафист, синаксарь, Четии Минеи святителя Димитрия Ростовского и т. д.). Тексты сопровождаются введением и комментариями. В качестве иллюстраций используются гравюры из книг церковной печати XVI–XX веков. Книга рекомендована Отделом религиозного образования и катихизации Московского Патриархата в качестве учебника для использования в воскресных (приходских) школах, православных гимназиях, лицеях и для самообразования, а также Министерством образования России – для общеобразовательных учебных заведений гуманитарного профиля.

Мороз А. Б. Церковнославянский язык[2]. М.: Московский институт развития образовательных систем (МИРОС). Печатается по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Книга открывается историческим введением, в котором рассказывается о Кирилле и Мефодии и дается краткий очерк истории церковнославянского языка. Пособие написано в традиции грамматик классических языков. Материал дается поурочно. Объем грамматической информации, содержащейся в книге, весьма значителен, но простота изложения материала делает учебник вполне доступным для школьников. В конце книги помещены тексты для чтения и анализа (фрагменты Ветхого и Нового Заветов, Литургия Иоанна Златоуста, житийные тексты), грамматический справочник и словарь.

СЛОВАРИ

Свирелин А., протоиерей. Церковнославянский словарь: Для толкового чтения Св. Евангелия, Часослова, Псалтири, Октоиха (учебных) и других богослужебных книг. Воронеж, 1991. 200 с. (Тираж 100 000 экз.). Репринтное воспроизведение

выдержавшего в начале века несколько изданий популярного словаря. Наиболее удачный из словарей такого рода, сочетающий относительно небольшой объем с полнотой охвата материала.

Краткий церковнославянский словарь. М., 1992. 78 с. (Тираж 33 000 экз.). Небольшого объема популярный словарь, содержащий "объяснение слов и выражений церковнославянского языка, наиболее часто употребляющихся в богослужении Православной Церкви". Словарь набран гражданским шрифтом. Словник этого словаря и приводимые толкования оставляют желать лучшего.

Гусев А. Справочный церковнославянский словарь для толкового чтения Св. Евангелия, Псалтири, Часослова, Октоиха, Ирмология и других богослужебных книг. Наборное переиздание (гражданский шрифт) издания 1912 года (Москва) с приложением статьи "О богодухновенных псалмах". А. Гусев – автор ряда хороших пособий по церковнославянскому языку, вышедших в начале XX века. Небольшой объем словаря не позволяет использовать его в качестве единственного пособия при чтении богослужебных книг. Словарь несколько уступает пособию А. Свирелина.

Гладышева Е. В., Нерсесян Л. В. Словарь – указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991. 79 с. (тираж 50 000 экз.). Словарь содержит толкования терминов, связанных с иконописанием, устройством храма, утварью, богослужебными книгами и песнопениями. Статьи написаны очень четко и доступно, хотя, к сожалению, не свободны от ошибок.

Можно также пользоваться *Материалами к словарю древнерусского языка* И. И. Срезневского и изданными в последние годы многотомными словарями древнерусского языка: а) *Словарем древнерусского языка XI–XIV веков*: В 10 т. М., 1987–1991, т. 1–4 (издание продолжается); б) *Словарем русского языка XI–XVII веков*. М., 1975–1991, вып. 1–17 (издание продолжается).

Примечания

[1] Эта книга является репринтным воспроизведением пособия, выпущенного примерно в 1907 году. Выходные данные оригинала в книге не указаны.

[2] Структура учебника описана в статье А. Б. Мороз "Программа курса "Церковнославянский язык" для 8–9 классов гимназий" (В кн.: Первые шаги. М.: Ассоциация гимназий и лицеев. Школа-гимназия № 67 Западного округа Управления Департамента образования Москвы. 1991, с. 128–133).

А. К.

Н. О. ЛОССКИЙ

ДОСТОЕВСКИЙ и его христианское миропонимание

Христианские вероисповедания

1. Православие

"Дневник писателя" в январе 1877 года начинается статьею "Три идеи". Достоевский говорит здесь об идее католической, протестантской и славянской, разумея под последнею православную идею, главным образом в той форме, как она выработана русским народом. Религиозные идеи эти он рассматривает не только как церковные вероисповедания, но и как силы, охватывающие в течение веков все стороны жизни наций, усвоивших их.

Идея католичества, говорит Достоевский, есть "насильственное единение человека", "идея, еще от древнего Рима идущая". Воплощение этой идеи Достоевский видит во Франции, и притом не только во Франции католической, но и во Франции социалистической, которая, отказавшись от религии, по-прежнему задается целью насильственного единения для блага человечества.

Протестантизм, ставший руководящею идеею Германии, есть "вера протестующая и лишь отрицательная". Поэтому "чуть исчезнет с земли католичество, исчезнет за ним вслед и протестантство наверно, потому что не против чего будет протестовать, обратится в прямой атеизм и тем кончится". Впрочем, далее Достоевский указывает и положительный принцип протестантизма – "бесконечную свободу совести и исследования".

"Третья мировая идея, идея славянская", идет с востока Европы и таит в себе возможность окончательного "разрешения судеб человеческих и Европы". Явным образом под этою идеею

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1994, № 1

Достоевский разумеет здесь русское Православие. Чтобы понять сущность ее, нужно обратиться к многим произведениям Достоевского, потому что он сам считает ее еще неопределенною, находящеюся в становлении. Рождается она, конечно, из характера религиозности всего русского народа, о которой особенно любит думать и говорить Достоевский.

Русский Христос, то есть Христос в том аспекте, в каком Его принял в свое сердце русский народ, составляет сущность русского Православия. "Сущность русского призвания, – пишет Достоевский Страхову в 1869 году, – состоит в разоблачении перед миром Русского Христа, миру неведомого, и которого начало заключается в нашем родном Православии". "Пусть наша земля нищая, – говорил он в "Пушкинской речи", – но эту нищую землю и в рабском виде исходил благословляя Христос". Поэтому он надеется, что воскрешение Европы может быть осуществлено русским Православием. "Надо, – говорит князь Мышкин в гостиной Епанчиных, – чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, Которого мы сохранили и Которого они и не знали! Не рабски попадаясь на крючок иезуитам, а нашу русскую цивилизацию им неся, мы должны теперь стать пред ними".

Профессор Градовский, критикуя "Пушкинскую речь" Достоевского, находил, что Россия, вследствие своей некультурности, ничему не может научить Европу: русский человек принужден получать "просвещение из западноевропейского источника за полнейшим отсутствием источников русских". На это Достоевский отвечает, что "науки и ремесла", действительно, нам нужно получать из Западной Европы. "Но ведь под просвещением я разумею (думаю, что и никто не может разуметь иначе) то, что буквально уже выражается в самом слове "просвещение", то есть свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни. Если так, то позвольте вам заметить, что такое просвещение нам нечего черпать из западноевропейских источников за полнейшим присутствием (а не отсутствием) источников русских". "Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает и проповедей ему не говорят, – но это возражение пустое: все знают, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: Господи сил, с нами буди! И тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что, кроме Христа, у него тогда ничего не оставалось, а в нем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова. И что в том, что народу мало читают проповедей, а дьячки бормочут неразборчиво, – самое колоссальное обвинение на нашу церковь, придуманное либералами, вместе с неудобством церковнославянского языка, будто бы непонятного простолюдину. (А старообрядцы-то, Господи!) Зато выйдет поп и прочтет: "Господи, Владыко живота моего" – а в этой молитве в с я с у т ь х р и с т и а н с т в а, весь его катехизис, а народ знает эту молитву наизусть. Знает тоже он наизусть многие из житий святых, пересказывает и слушает их с умилением. Главная же школа христианства, которую прошел он, – это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных в своей истории, когда он, оставленный всеми, попранный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу на веки и Который за то спас от отчаяния его душу". В ответ на указание недостатков русского народа Достоевский говорит: "Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности) никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: я сделал неправду. Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. Грех есть смрад, и смрад пройдет,

когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос – вечное. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит, как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет. А идеал народа – Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свои народ наш всегда решает и решал всякое общее, всенародное дело свое всегда по-христиански. Вы скажете с насмешкой: "Плакать – это мало, воздыхать тоже, надо и делать, надо и быть". А у вас-то у самих, господа русские просвещенные европейцы, много праведников? Укажите мне ваших праведников, которых вы вместо Христа ставите? Но знайте, что в народе есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которых не коснулось еще наблюдение ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду, – видим мы их иль не видим. Не знаю, кому дано видеть, тот, конечно, увидит их и осмыслит, кто же видит лишь образ звериный, тот, конечно, ничего не увидит. Но народ, по крайней мере, знает, что они есть у него, верит, что они есть, крепок этою мыслью и уповает, что они всегда в нужную всеобщую минуту спасут его. И сколько раз наш народ спасал отечество!" Науку, повторяет Достоевский, нам следует заимствовать с Запада, но если мы станем получать оттуда также и "просвещение", то, "пожалуй, зачерпнем такие общественные формулы, как, например: Chacum pour soi et Dieu pour tous, или apres moi le deluge" ("Дневник писателя", 1880).

"Русский человек, – говорит Достоевский, – ничего не знает выше христианства, да и представить не может. Он всю землю свою, всю общность, всю Россию назвал христианством, "крестьянством". Вникните в Православие: это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве по-настоящему даже и мистицизма нет вовсе, в нем одно человеколюбие, один Христов образ, – по крайней мере, это главное. В Европе давно уже и по праву смотрят на клерикализм и церковность с опасением; там они, особенно в иных местах, мешают течению живой жизни, всякому преуспеянию жизни, и уж конечно мешают самой религии. Но похоже ли наше тихое, смиренное Православие на предрассудочный, мрачный, заговорный, пронырливый и жестокий клерикализм Европы? Как же может оно не быть близким народу?" ("Дневник писателя", 1876).

Внимание Достоевского особенно приковывается к проявлениям верности русского человека Православию и гражданскому долгу. Он с умилением рассказывает о мученической смерти унтер-офицера Фомы Данилова, попавшего в плен к кипчакам. Они требовали от него перехода в магометанство и поступления к ним на службу. Сам хан обещал ему награду и хорошее положение, но Данилов отвечал, что должен быть верным царю и христианству. Сами мучители, умертвив его после утонченных истязаний, "удивлялись силе его духа и назвали его батырем, то есть по-русски богатырем" ("Дневник писателя", 1877, январь). Во время русско-турецкой войны за освобождение славян Достоевский всею душою был вместе с простым русским народом, который понимал эту войну как защиту единоверцев.

Из русских подвижников особенно привлекают к себе Достоевского такие лица, как святой Тихон Задонский. Долинин говорит, что влияние произведений святого Тихона на творчество Достоевского, именно "на образ и поучения архиерея на спокое" в "Бесах" (исповедь Ставрогина), Макара Долгорукого в "Подростке" и в особенности старца Зосимы, должно быть обстоятельно исследовано. Из жизнеописаний святого Тихона Долинин приводит характеристику его как человека "строгого к себе и любовно снисходительного к слабостям других. Его глубокое смирение и всепрощение были тем замечательнее, что по природе он был чело-

век горячий и нервный". Эти черты воплощены Достоевским в образе архиерея в исповеди Ставрогина и в образе старца Зосимы[1]. Любя эти черты, Достоевский вместе с тем высоко ценит веротерпимость русского православного люда, что соответствует и его собственной, ярко выраженной в его жизни любви к свободе. В связи с вопросом об отношении между магометанами и православными Достоевский писал в 1876 году: "Нигде на Западе и даже в целом мире на найдете вы такой широкой, такой гуманной веротерпимости, как в душе настоящего русского человека". "Скорее уж татарин любит сторониться от русского (именно вследствие своего мусульманства), а не русский от татарина. В этом всякий вас уверит, кто жил подле татар". "Да и кто гнал у нас инородцев за веру и даже за иные "вероисповедные чувства", или даже просто за чувства, хотя бы и в самом широком смысле слова? Напротив, на этот счет у нас почти всегда бывало даже и очень слабенько, совсем, например, не так, как в иных просвещеннейших государствах Европы. Что же до вероисповедных чувств, то у нас и раскольников-то уже теперь почти никто не гонит, а не то что инородцев, и если было в последнее время несколько редких, совсем единичных случаев преследования штундистов, то эти случаи тотчас же и резко осуждались всей нашей прессой" ("Дневник писателя", 1876, сентябрь).

К сожалению, говоря о русской веротерпимости, к словам Достоевского приходится сделать поправку. Русское правительство и русское законодательство до 1905 года не отличалось веротерпимостью. Государство у нас преследовало старообрядцев, совершая грубую религиозную и политическую ошибку. Секты протестантского типа, например штундисты, также подвергались преследованию; с ними велась борьба, неумелая и безуспешная. Но в самом главном Достоевский прав: простой русский народ по природе своей веротерпим, и пресса русская за немногими исключениями отстаивала веротерпимость.

Не только во внутренней жизни России Православие есть основная благодетельная сила; Достоевский полагает, что и в международной жизни Православие посредством славянства, объединенного Россиею, скажет "окончательное слово", научит "серьезно верить в братство людей, во всепримирение народов, в союз, основанный на началах всеслужения человечеству, и, наконец, в самое обновление людей на истинных началах Христовых" ("Дневник писателя", 1876, июнь).

Говоря о Православии, Достоевский выдвигает на первый план приятие русским народом Христа в свое сердце, христианский гуманизм, подвижничество святых, влияние старцев. Значит ли это, что Достоевский мало ценил Церковь в том ее аспекте, в котором она представляет собою общественный союз, опирается на незыблемые догматы, имеет прочную иерархическую организацию? Что это предположение неверно, что Достоевский высоко ценил Православную Церковь в ее традиционной, четко выработанной форме, видно из его рассуждений о возникновении штунды и других протестантских сект. Под влиянием немецких колонистов, говорит Достоевский, "соединились кучки русских темных людей, стали слушать, как толкуют Евангелие, стали сами читать и толковать, и – произошло то, что всегда происходит в таких случаях. Несут сосуд с драгоценною жидкостью, все падают ниц, все целуют и обожают сосуд, заключающий эту драгоценную живящую всех влагу, и вот вдруг встают люди и начинают кричать: "Слепцы! чего вы сосуд целуете: дорога лишь живительная влага, в нем заключающаяся, дорого содержание, а вы целуете стекло... забываете про драгоценное его содержимое! Идолопоклонники! Бросьте сосуд, разбейте его, обожайте лишь живящую влагу, а не стекло". И вот разбивается сосуд, и живящая влага, драгоценное содержимое, разливается по земле". "Чтобы что-нибудь спасти, что уцелело в разбитых черепках, начинают кричать, что надо скорее новый сосуд, начинают спорить, как и из чего его сделать. Спор начинают уже с самого начала; и тотчас же, с самых первых двух слов, спор уходит в букву. Этой букве они готовы поклониться еще боль-

ше, чем прежней"; "спор ожесточается, люди распадаются на враждебные между собою кучки, и каждая кучка уносит для себя по несколько капель остающейся драгоценной влаги в своих особенных разнокалиберных, отовсюду набранных чашках и уже не сообщается впредь с другими кучками. Каждый своею чашкою хочет спастись". "Идолопоклонство усиливается во столько раз, на сколько черепков разбился сосуд". Чтобы искоренять возникающее в народе идолопоклонство и предпочтение буквы духу, нужно не разрушать Церковь, а разъяснять "темному народу" "добытое веками драгоценное достояние... в его великом истинном смысле" ("Дневник писателя", 1877, январь).

Выяснение глубокого смысла основных догматов христианства, например догмата Троичности, Богочеловечества, Преображения и т.п., действительно необходимо, и не только для "темного народа", а и для интеллигентов, в умах которых догматы омертвели и превратились в ничего не говорящие формулы. Это трудное дело предпринято в наше время многими русскими философами, старающимися выработать цельное христианское миропонимание. Достоевский не философ, и этой работы он не производил, но из его отношения к сектантству и всяким попыткам "выдумывать свою веру" (см., например, "Дневник писателя", 1876, март) видно, что он высоко ценит Церковь с ее традиционным вероучением.

Мысли Достоевского о сущности католицизма как насильственного единения и протестантизма как безграничной свободы совести и исследования, заканчивающиеся тем, что каждый спасается "из своей чашки", совпадают с критикою этих вероисповеданий Хомяковым. Согласно Хомякову, в католичестве мы находим единство без свободы, подчинение внешнему авторитету, в протестантизме – свободу без единства и только в Православной Церкви, которая построена на принципе соборности, единство и свобода гармонически сочетаются. Соборность есть свободное единство членов Церкви в совместном постижении Истины и в совместном спасении, опирающееся на общую любовь их ко Христу и к правде Божией[2]. "Христианство, – говорит Хомяков, – есть не что иное, как свобода во Христе": кто любит правду Божию, тот, найдя ее во Христе и Церкви Его, с в о б о д н о и радостно принимает ее, откуда и получается единство.

Без сомнения, и Достоевский полагает, что единство Церкви должно основываться не на подчинении внешнему авторитету, а на принципе соборности. Подобно Хомякову, он ценит послание восточных патриархов, в котором указано, что "Церковь – весь народ"; это, говорит он, "признано восточными патриархами весьма недавно, в 1848 году, в ответе папе Пию IX"[3].

Основная мысль статьи Ивана Карамазова, подвергшаяся обсуждению в келье старца Зосимы, что развитие христианского общества должно вести к преображению государства в Церковь, несомненно, увлекает и самого Достоевского. Старец Зосима высказывает ее следующими словами: "Если что и охраняет общество даже в наше время, и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести. Только сознав свою вину, как сын Христова общества, то есть Церкви, он сознает и вину свою пред самим обществом, то есть пред Церковью. Таким образом, пред одною только Церковью современный преступник и способен сознать вину свою, а не то что пред государством". "Иностранный преступник, говорят, редко раскаивается, ибо самые даже современные учения утверждают его в мысли, что преступление его не есть преступление, а лишь восстание против несправедливо угнетающей силы. Общество отсекает его от себя вполне механически торжествующею над ним силой и сопровождает отлучение это ненавистью". "Все происходит без малейшего сожаления церковного, ибо во многих случаях там церквей уже нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же Церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как Церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совер-

шенно исчезнуть". "А потому сам преступник членом Церкви уж и не сознает себя и, отлученный, пребывает в отчаянии. Если же возвращается в общество, то нередко с такою ненавистью, что самое общество как бы уже отлучает от себя". "Во многих случаях, казалось бы, и у нас то же: но в том и дело, что, кроме установленных судов, есть у нас сверх того еще и Церковь, которая никогда не теряет общения с преступником, как с милым и все еще дорогим сыном своим, а сверх того есть и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и суд Церкви, теперь хотя и не деятельный, но все же живущий для будущего, хотя бы в мечте, да и преступником самим, несомненно, инстинктом души его, признаваемый. Справедливо и то, что было здесь сейчас сказано, что если бы действительно наступил суд Церкви, и во всей своей силе, то есть если бы все общество обратилось лишь в Церковь, то не только суд Церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и Церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возвратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего. Правда, усмехнулся старец, теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же незыблемо, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую Церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться!"

В "Дневнике писателя" можно найти много намеков на эти мысли, особенно когда Достоевский рассуждает о миссии России как носительнице Православия. Так, он говорит, что сущность России есть "идея всемирного человеческого обновления" и хранится она в России "не в революционном виде", а "в виде Божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в Православии" (1876, июнь).

В главе о "Религиозной жизни Достоевского" было показано, что Достоевский, по крайней мере с тех пор, как он понял высокие достоинства Православия, сознательно и высоко ценил конкретность православно-христианского культа, например иконопочитание. Там же было показано, как высоко ценил Достоевский молитву и во всех трудных положениях прибегал к ней. Молился Достоевский, по свидетельству Яновского, "не за одних невинных, а и за заведомых грешников". Такой характер молитвы Достоевский любил изображать в своих художественных произведениях. Чиновник Лебедев молился за "графиню Дюбарри и ей подобных". Макар Иванович молился за самоубийц, за нераскаянных грешников и за всех тех, "за кого некому молиться". Иеромонах старец Зосима советует: "Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна, мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал и которая вновь ободрит тебя, и поймешь, что молитва есть воспитание. Запомни еще: на каждый день, и когда лишь можешь, тверди про себя: "Господи, помилуй всех днесь пред Тобою представших". Ибо в каждый час и в каждое мгновение тысячи людей покидают жизнь свою на сей земле и души их становятся пред Господом, – и сколь многие из них расстались с землею отъединен, никому неведомо, в грусти и тоске, что никто-то не пожалеет о них и даже не знает о них вовсе: жили ль они или нет". "Сколь умиленно душе его, ставшей в страхе пред Господом, почувствовать в тот миг, что есть и за него молельщик, что осталось на земле человеческое существо, и его любящее".

Не следует думать, будто Достоевский не видел недостатков Русской Православной Церкви, и особенно недостатков некоторых отдельных служителей ее. В монастырях, например, рядом с великими подвижниками попадаются и люди, весьма подверженные таким порокам, как чревоугодие, сребролюбие и т.п. Нес-

колькими мелкими штрихами Достоевский живо изображает такого монаха в главе "У Тихона", перед исповедью Ставрогина. Он рассказывает, как Ставрогин пришел в монастырь и попросил первого встретившегося служку провести его к епископу Тихону. "Служка принялся кланяться и тотчас повел. У крылечка властно и проворно отбил его у служки повстречавшийся с ними толстый и седой монах и повел длинным узким коридором, тоже все кланяясь (хотя по толстоте своей не мог наклониться низко, а только дергал часто и отрывисто головой) и все приглашая пожаловать, хотя Николай Всеволодович без того за ним шел. Монах предлагал какие-то вопросы и говорил об отце архимандрите; не получая же ответов, становился все почтительнее". "Когда дошли до двери в самом конце коридора, монах отворил ее как бы властною рукою, фамильярно осведомился у подскочившего келейника, можно ль войти, и, даже не выждав ответа, отмахнул совсем дверь и, наклонившись, пропустил мимо себя "дорогого" посетителя; получив же благодарность, быстро скрылся, точно бежал".

Встречая в жизни недостойных священников, Достоевский бывал глубоко возмущен. Так, он писал Майкову, что "Женевский священник, по всем данным (заметьте, не по догадкам, а по фактам) служит в тайной полиции". Висбаденский священник, по его словам, "и Христа, и все продает". Очень огорчало Достоевского униженное положение русского духовенства, боязливость и слабость его, обусловленная тем, что священник был низведен на положение государственного чиновника ("Дневник писателя", 1873, "Смятенный вид"). Но Достоевский умел отличать и д е ю Православной Церкви и высокие тенденции ее развития от эмпирической деятельности ее; мало того, он умел находить те глубокие осуществленные уже достоинства Русской Православной Церкви, которые ускользают от поверхностного взгляда просвещенцев, подходящих к Церкви с предубеждением против нее.

Христианство Достоевского было светлое. Идеальное христианство, согласно его пониманию, есть действительно религия любви и потому свободы, религия благостного отношения ко всякому человеку и ко всему миру. Можно думать, что он уловил и художественно выразил, особенно в старце Зосиме, Макаре Ивановиче и Алеше, действительную сущность русского Православия. Это подтверждается тем, что русские философы, вырабатывающие христианское миропонимание, почти все отстаивают христианство как подлинную религию любви и свободы. Чтобы оценить значительность этого движения, достаточно указать на следующие имена: Вл. Соловьев, кн. С. Н. Трубецкой, кн. Е. Н. Трубецкой, отец Павел Флоренский, отец Сергий Булгаков, Н. Бердяев, Мережковский, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Арсеньев, отец Василий Зеньковский, Кобылинский-Эллис.

Есть, однако, в русском Православии также и представители темного христианства. В "Братьях Карамазовых" Достоевский художественно изобразил этот вид христианства в лице монаха-изувера отца Ферапонта. Философским представителем этого темного христианства был К.Леонтьев. В брошюре "Наши новые христиане" он критикует религиозные взгляды Льва Толстого в статье "Страх Божий и любовь к человечеству" и взгляды Достоевского в статье "О всемирной любви" по поводу "Пушкинской речи" Достоевского[4].

"Начало премудрости, – пишет Леонтьев, – т.е. религиозной и истекающей из нее житейской премудрости, есть страх Божий, – простой, очень простой страх и загробной муки, и других наказаний, в форме земных истязаний, горестей и бед". За страхом следует "смирение ума", ведущее к "послушанию учению Церкви". "А л ю б о в ь у ж е п о с л е. Любовь кроткая, себе самому приятная, другим отрадная, всепрощающая – это плод, венец: это или награда за веру и страх, или особый дар благодати, натуре сообщенный, или случайными и счастливыми условиями воспитания укрепленный". "Добровольное унижение о Господе, т.е. смирение, лучше и вернее для спасения души, чем эта гордая и невозможная претензия еже-

часного незлобия и ежеминутной елейности. Многие праведники предпочитали удаление в пустыню деятельной любви; там они молились Богу сперва за свою душу, а потом за других людей. Даже в монашеских общежитиях опытные старцы не очень-то позволяют увлекаться деятельною и горячею любовью, а прежде всего учат послушанию, принижению, пассивному прощению обид". Леонтьев огорчается тем, что в "Братьях Карамазовых" "отшельник и строгий постник Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо".

Леонтьев, ссылаясь на Победоносцева, ценит только "личное милосердие", любовь "именно к ближнему, к ближайшему", а всечеловеческую любовь он считает невозможною. "О всеобщем мире и гармонии заботились и заботятся, к несчастью, многие и у нас и на Западе", – говорит он. "Не полное и повсеместное торжество любви и всеобщей правды на э т о й земле обещают нам Христос и его Апостолы, а, напротив того, нечто вроде кажущейся неудачи евангельской проповеди на земном шаре". Между тем Достоевский, "подобно великому множеству европейцев и русских в с е ч е л о в е к о в, в с е е щ е верит в мирную и кроткую будущность Европы". В действительности же "одно только несомненно – это то, что все здешнее должно погибнуть!" Христианство Льва Толстого и Достоевского, проповедующее всеобщую любовь и надеющееся на осуществление "всеобщего мира" на земле, Леонтьев называет "розовым".

Статья Леонтьева содержит в себе много ценных и замечательных мыслей. Его критика увлечений гуманизмом, "демократическим и либеральным прогрессом", социализмом, не опирающимся на христианские начала, заслуживает серьезного внимания. Страшный опыт истории достаточно научил нас тому, что любовь к человечеству революционных утопистов, вроде Робеспьера, Ленина, Дзержинского, ведет к величайшим разрушениям и отвратительнейшим преступлениям. Воспитать в себе настоящую любовь есть дело трудное, и потому в жизни, особенно там, где ставятся горделиво грандиозные цели, чаще встречается псевдолюбовь, чем подлинная любовь. Чтобы не заблудиться на этом пути, необходимо мудрое руководство Церкви и постоянное молитвенное обращение к Богу. Светлое христианство, увлекаясь проповедью любви, может упустить из виду, что без преображения абсолютное добро неосуществимо, и тогда оно искажается погонею за несбыточными утопиями. Следующая ступень искажения состоит в том, что люди, ищущие социальной справедливости, совсем отбрасывают христианство, рекомендующее мудрую умеренность, и торопливо усиливаются устроить рай на земле путем революционного насилия, от чего получается ад вместо рая. Достоевский, конечно, неповинен в таком искажении любви: он предостерегает против "женевских идей" добродетели без Христа; в "Дневнике писателя" и художественных произведениях он ярко обрисовывает страшные следствия безрелигиозного гуманизма, логически последовательно приводящего к дегуманизации, то есть к подавлению человечности и личности. Достоевский знает, что абсолютное добро осуществимо только в состоянии преображения в Царстве Божием и, следовательно, "все здешнее должно погибнуть". Но он надеется, что некоторые улучшения земного порядка возможны, и настолько оптимистичен, что мечтает, например, о всеобщем примирении народов. Он ставит это примирение в связь именно с влиянием Русской Православной Церкви, а не со слабосильною "светскою моралью".

Тот вид христианства, представителем которого является Леонтьев, я называю темным, потому что это христианство основано не на любви, а на страхе. Исходный пункт его есть страх, даже не страх Божий, а просто страх перед всякими земными бедами, и особенно страх смерти. Находясь в нужде, человек ищет всемогущего покровителя и заступника и находит его в Боге. Религиозный опыт молитвенного общения с Богом пробуждает любовь к Богу как абсолютному добру, и

впервые эта любовь сопутствуется тем страхом, который подлинно можно назвать "страхом Божиим", так как сущность его состоит в страхе оскорбить Бога, нарушить волю Его. Итак, действительно, *начало премудрости страх Господень*, но этот страх неразрывно связан с любовью к Богу, а следовательно, и к творениям Его.

Светлое христианство, выдвигающее на первое место любовь, как это сделал сам Иисус Христос, выразив всю сущность Своей проповеди в заповеди любви к Богу и любви к ближнему, может подвергнуться искажению, когда любовь подменяется псевдолюбовью, самовольною, горделивою, не связанною со страхом Божиим, требующим подчинения воле Божией. Но не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени подвергается искажениям и темное христианство, выдвигающее на первый план страх. Этот страх перестает быть Божиим, когда он становится опасением нарушить обряд или букву закона, когда он ведет к фанатизму, нетерпимости, к боязни всякой новизны и к религиозным преследованиям. История христианства изобилует этими явлениями. Отпадение от христианства множества людей в наше время в значительной степени объясняется тем, что христиане часто превращают религию любви в религию страха и ненависти.

2. Католичество. Протестантизм

Вслед за славянофилами Достоевский упрекает католичество в том, что оно исказило христианство, пытаясь осуществить "**насильственное** единение человека" путем подчинения внешнему авторитету Папы Римского и путем превращения Церкви в государство со светской властью Папы. Провозгласив как догмат, "что христианство на земле удержаться не может без земного владения Папы", римское католичество, по словам Достоевского, "тем самым провозгласило Христа нового, на прежнего не похожего, прельстившегося на третье дьяволово искушение, на царства земные: "Все сие отдам тебе, поклонися мне". К тому же Рим слишком еще недавно провозгласил свое согласие на третье дьяволово искушение, в виде твердого догмата, т.е. догмата непогрешимости Папы" ("Дневник писателя", 1876, март).

Искажение христианства было, по мнению Достоевского, причиною охлаждения на Западе народных масс к Церкви и распространения среди них атеизма и социализма. Однако католичество, думает Достоевский, без боя не сдастся. Оно еще обращается за помощью к королям и "высшим мира сего". Например, Папа обратился с письмом к Вильгельму, но, если эти попытки не удадутся, "Рим, в первый раз в 1500 лет, поймет, что пора кончить с высшими мира сего" и обратиться к народу. "Папа сумеет войти к народу пеш и бос, нищ и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд ли; католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, все согласить. А что стоит уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство и что Христос только об этом и говорил" (Гражданин, 1873, № 41). "Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на все согласившегося, Христа, объявленного на последнем римском нечестивом соборе". "Да, друзья и братья наши, – скажут они, – все, об чем вы хлопочете, – все это есть у нас для вас в этой книге давно уже, и ваши предводители все это украли у нас. Если же до сих пор мы говорили вам немного не так, то это потому лишь, что до сих пор вы были еще как малые дети и вам рано было узнавать истину, но теперь пришло время и вашей правды. Знайте же, что у Папы есть ключи Святого Петра и что вера в Бога есть лишь вера в Папу, который на земле самим Богом поставлен вам вместо Бога. Он непогрешим, и дана ему власть божеская, и он владыка времен и

сроков; он решил теперь, что настал и ваш срок. Прежде главная сила веры состояла в смирении, но теперь пришел срок смирению, и Папа имеет власть отменить его, ибо ему дана всякая власть. Да, вы все братья, и сам Христос повелел быть всем братьями; если же старшие братья ваши не хотят вас принять к себе как братьев, то возьмите палки и сами войдите в их дом и заставьте их быть вашими братьями силой. Христос долго ждал, что развратные старшие братья ваши покаются, а теперь Он Сам разрешает нам провозгласить: "Fraternite ou la mort" (будь мне братом или голову долой). Если брат твой не хочет разделить с тобой пополам свое имение, то возьми у него все, ибо Христос долго ждал его покаяния, а теперь пришел срок гнева и мщения. Знайте тоже, что вы безвинны во всех бывших и будущих грехах ваших, ибо все грехи ваши происходили лишь от вашей бедности". Слова эти льстивые, но, без сомнения, демос примет предложение: он разглядит в неожиданном союзнике объединяющую великую силу, на все соглашающуюся и ничему не мешающую, силу действительную и историческую. "А в довершение ему дают опять веру и успокаивают тем сердца слишком многих, ибо слишком многие из них давно уже чувствовали тоску без Бога... Я уже раз говорил обо всем этом, но говорил мельком в романе" ("Дневник писателя", 1876, март).

Роман, о котором упоминает Достоевский, – "Бесы", где Петр Верховенский говорит о том, как было бы успешно дело социализма, если бы Интернационал и Папа вступили в соглашение. В "Дневнике писателя" за 1877 год опять высказана мысль о Папе, который "выйдет ко всем нищим пеш и бос и скажет им, что он "верит в муравейник"; Достоевский возвращается к этой мысли в связи с рассуждениями о борьбе Бисмарка против социализма и католицизма (Kulturkampf), а также в связи с состоянием Франции при Мак-Магоне ("Дневник писателя", 1877, май-июнь, ноябрь). Но гениальное художественное изображение этих мыслей еще предстояло: Достоевский осуществил его в легенде "Великий Инквизитор" в "Братьях Карамазовых". Рассмотрением легенды мы вскоре займемся.

Враждебное отношение Достоевского к католичеству было, вероятно, особенно усилено тем, что во время русско-турецкой войны многие католики высказывались в пользу турок. "Не то что какой-нибудь прелат, – пишет Достоевский, – а сам Папа громко, в собраниях ватиканских, с радостью говорил о "победах турок" и предрекал России "страшную будущность". Этот умирающий старик, да еще "глава христианства", не постыдился высказать всенародно, что каждый раз "с веселием выслушивает о поражении русских" ("Дневник писателя", 1877, сентябрь).

Достоевский, однако, не забывал, что среди католиков "много еще есть христиан, да и никогда не исчезнут" ("Дневник писателя", 1880, август). "Мне возражали, – говорит он, – что вера и образ Христов и поныне продолжают еще жить в сердцах множества католиков во всей прежней истине и во всей чистоте. Это несомненно так, но главный источник замутился и отравлен безвозвратно" (1876, март).

Достоевский несправедлив в отношении к католицизму. Он упускает из виду, что у всех христианских Церквей в земном историческом осуществлении их есть много недостатков, но мистически единая Церковь остается непоколебленною ими. Великий православный иерарх Филарет Московский говорил, что перегородки между христианскими вероисповеданиями не доходят до неба. Это значит, что даже и догматические отличия Католической Церкви от Православной не ведут к абсолютному разъединению. Тем более терпимо нужно относиться к тем искажениям чистоты христианства, которые представляют собою вину отдельных лиц, даже и таких высокопоставленных, как Папа Римский. Профессор Гейлер (Heller), бывший католиком, но во время борьбы Католической Церкви с модернизмом перешедший в протестантство, написал замечательную книгу "Der Katholizismus, seine Idee und Erscheinung". В этой книге он решительно изображает темные стороны католичества, но, отличая идею католичества от эмпирического

осуществления ее, он везде обнаруживает величие идеальных отцов католичества и даже в самых искажениях их показывает здоровое ядро. Чтение этой книги, написанной после выхода автора из католичества, очень поднимает уважение к Католической Церкви. Такие книги особенно нужны в наше время, когда началось движение в пользу сближения христианских Церквей, хотя бы в смысле воспитания в себе способности видеть и понимать положительные черты каждой из них.

Предсказание Достоевского, что Католическая Церковь заинтересуется рабочим вопросом и обратится к демосу, оправдалось, однако все злое, что содержится в предсказаниях Достоевского, не осуществилось, наоборот, Католическая Церковь обнаруживает в этой стороне своей деятельности великую мудрость. Папа Лев XIII издал в 1891 году энциклику "Рерум новарум", в которой, утверждая право частной собственности, он в то же время рекомендует ограничения его, защищающие рабочего от эксплуатации капиталом и ведущие по пути к осуществлению социальной справедливости; он обращается к законодателям с советом выработать нормы, оберегающие здоровье, нравственность и человеческое достоинство рабочего. С тех пор Католическая Церковь не перестает проявлять усиленный интерес к проблемам социального христианства. Православной Церкви остается только последовать этому мудрому примеру.

Протестантством Достоевский интересуется гораздо меньше, чем католичеством. Выше было уже сказано, что, по мнению Достоевского, "бесконечная свобода совести и исследования" ведет к возникновению множества протестантских сект и каждая такая группа хочет "из своей чашки" спастись. В письме к Майкову он говорит о "противоречащем себе самому лютеранстве" (N 292). "Протестантизм, – думает Достоевский, – исполинскими шагами переходит в атеизм и в зыбкое, текучее, изменчивое (а не вековечное) нравоучение" ("Дневник писателя", 1880, август).

3. Легенда о Великом Инквизиторе

Всякое гениальное художественное произведение содержит в себе такую полноту жизни и глубину смысла, которая не может быть осознана до конца и выражена в понятиях ни самим творцом его, ни комментаторами. Легенда "Великий Инквизитор" принадлежит к числу величайших творений Достоевского. О ней много писали и много будут писать, но всегда будут возникать новые вопросы в связи с нею. Согласно теме этой книги, нужно рассмотреть легенду так, чтобы установить черты христианского миропонимания Достоевского. Эту задачу особенно трудно решить, пользуясь таким произведением, как "поэма" Ивана Карамазова "Великий Инквизитор".

Имея в виду приведенные выше из "Дневника писателя" мысли Достоевского о католичестве, можно решительно утверждать, что в легенде Достоевский хотел в художественной форме обличить искажение христианства, производимое если не всею Католическою Церковью, то некоторыми служителями ее или группою ее служителей. Но содержание легенды гораздо более сложно, чем мысли Достоевского в "Дневнике писателя", и вложена она в уста Ивана Карамазова как творение его. Великий художник Достоевский не мог просто выразить свои мысли устами своего героя. Он дал в романе такое видоизменение их, которое соответствует характеру Ивана Карамазова. Отождествить Достоевского с Иваном Федоровичем нельзя; поэтому нам предстоит сложная задача – определить характер и религиозные идеи сначала Великого Инквизитора, потом Ивана Карамазова и, наконец, попытаться найти мысли самого Достоевского.

Напомню вкратце содержание легенды. В шестнадцатом веке в Севилье, в са-

мое страшное время инквизиции, на следующий день после грандиозного аутадафе на улицах города "тихо" и "незаметно" появляется Иисус Христос. Народ узнает Его, толпится вокруг Него, и от одного прикосновения к Нему происходят исцеления. На паперти Севильского собора Он воскрешает недавно умершую девочку, и толпа приходит в состояние крайнего волнения. Но в это время на площади появляется девяностолетний старик – Великий Инквизитор. Он приказывает сразу взять Христа и отвести в тюрьму, а толпа, привыкшая к послушанию, безмолвно склоняется пред благословляющим ее старцем. Ночью в тюрьму входит Инквизитор один и произносит перед молча слушающим его Христом длинную речь, наполненную упреками Христу и Его делу, и грозит Ему сжечь Его на костре как злейшего из еретиков.

Великий Инквизитор – представитель грандиозного титанического богоборчества, задающегося целью "исправить подвиг" Христа. Он полон горделивого презрения к человеку: людей он считает существами "малосильными, порочными и ничтожными", жаждущими свободы, но способными только к бунту, а не к подлинной свободе. Христа Инквизитор упрекает в том, что Он поставил перед человеком идеал, превосходящий силы такого слабого существа. "Посмотри на них, – говорит он. – Кого Ты вознес до Себя? Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал. Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступил как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него потребовал, – и это кто же, Тот, Который возлюбил его более самого Себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его". "Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, – продолжает старик, – великий дух говорил с Тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы "искушал" Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах и что Ты отверг и что в книгах названо "искушениями?" В этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле". "Вспомни первый вопрос; смысл его тот: Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, по простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, – ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество, как стадо послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои. Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом". "Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, – но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ, и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?" "Ты не сошел со Креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: "Сойди со Креста и уверуем, что это Ты Сын Божий". Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками". "Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда Ты взял все, что есть необы-

чайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, – и это кто же: Тот, Который пришел отдать за них жизнь Свою! Вместо того чтоб овладеть людской свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека, вовеки". "Если за Тобою, во имя хлеба небесного, пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под конец они-то станут и послушными".

План руководства людьми Великого Инквизитора состоит в том, чтобы дать людям хлеб земной, но вместе с тем и успокоить совесть, взяв, по совету "умного духа", всю власть и всю ответственность в свои руки. "Ибо кому же владеть людьми, как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч Кесаря, а взяв его, конечно, отвергли Тебя и пошли за ним. О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь и будет лизать ноги наши и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: "Тайна!" Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастия". "И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя. Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: "Лучше поработите нас, но накормите нас". Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной, вдоволь для всякого, вместе немыслимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики". "Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастливые, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: "Да, вы были правы, вы одни владели тайной Его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих". Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших. Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы". "Мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы". "Мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, о, они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред Богом". "Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, и за гробом обрящут лишь смерть. Но мы сохраним секрет, и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж конечно не для таких, как они". О себе Великий Инквизитор говорит: "И я был в пустыне... питался акридами и кореньями... благословлял свободу, которою Ты благословил людей... Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к

сонму тех, которые исправили подвиг Твой... Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете", то есть не на свободной любви к добру.

На вопрос Алеши, встревоженного легендою, Иван Карамазов поясняет: Великий Инквизитор "на закате дней своих" понял, "что надо идти по указанию умного духа... а не для того принять ложь и обман", и притом обманывать людей всю дорогу, "чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми". План Великого Инквизитора, говорит Иван, есть "настоящая руководящая идея всего римского дела, со всеми его армиями и иезуитами, высшая идея этого дела... Кто знает, может быть, случались и между римскими первосвященниками" такие, как Инквизитор. "Может быть, этот проклятый старик, столь упорно и столь по-своему любящий человечество, существует и теперь в виде целого сонма многих таковых единых стариков и не случайно вовсе, а существует как согласие, как тайный союз, давно уже устроенный для хранения тайны, для хранения ее от несчастных и малосильных людей, с тем чтобы сделать их счастливыми. Это непременно есть, да и должно так быть. Мне мерещится, что даже у масонов есть что-нибудь вроде этой же тайны в основе их и что потому католики так и ненавидят масонов, что видят в них конкурентов, раздробление единства идеи, тогда как должно быть едино стадо и един пастырь..."

Иван Карамазов, как и его Великий Инквизитор, – титанический богоборец. Подобно Инквизитору, он презирает человека; и для него люди – "недоделанные пробные существа, созданные в насмешку". Но Инквизитор уже окончательно отказался от Христа и решил "исправить подвиг" Его путем принижения идеала, тогда как Иван Карамазов хранит еще в сердце своем идею абсолютного добра, но, видя мощь мирового зла и слабость человека, начинает "бунт" против Бога тем, что возвращает Ему "билет" и стоит на распутье. Находясь в таком положении, человек особенно склонен к злой критике, и вся поэма "Великий Инквизитор" есть острая критика Церкви. Иван Карамазов полагает, что Церковь отказалась от идеала Христа, принизила идеал, приспособила его к слабости человека, к его порокам и себялюбию; вместо того чтобы воспитывать человека в свободной любви к абсолютному добру, она держит человека в слепом повиновении себе, а не Богу, положив в свою основу "чудо, тайну и авторитет".

Иван Карамазов высказывает свою "поэму" как критику Католической Церкви или, вернее, не всей Католической Церкви, а извращения ее, осуществляемого некоторыми ее служителями. Он не замечает, что нападение его затрагивает всю Церковь, и Католическую и Православную. Не замечает этого и сам гениальный творец легенды Достоевский. И Католическая и Православная Церковь высоко ценят чудо, тайну и авторитет. И в той и в другой Церкви пастыри не требуют от пасомых ими слабых людей подвигов, заведомо превосходящих их силы, дают иногда надежду людям даже и на внешнее земное благополучие в случае следования указаниям Церкви и запугивают внешними адскими муками в случае неповиновения.

Можно ли защитить Церковь против нападений на нее, содержащихся в легенде "Великий Инквизитор"? Р.Гуардини в своей книге "Der Mensch und der Glaube" говорит, что, согласно распространенному толкованию легенды, "Достоевский защищает в ней дело Христа против наихудшего врага Его. Таким врагом является не простое неверие, а экклезиализм, то есть "превращение живой связи с Богом в систему гарантий спасения, формул и обрядов". "Благодатная сущность христианства заменяется техникою покорения души, а позади нее таится нечто еще более страшное, именно демоническая воля наложить руку на самого Бога. Выражение всего этого, согласно такому толкованию, есть Католическая Церковь, которой противостоит религия свободы, духа, любви и живой христианской полноты сердца". Гуардини говорит, что он слишком высоко ценит Достоевского, чтобы поверить, что смысл легенды сводится только к старой борьбе между Византиею

и Римом, даже если бы, приступая к творению ее, Достоевский и задавался такою целью. Вложив легенду в уста Ивана Карамазова, Достоевский, как великий художник, совершил в легенде не только нападение на Католическую Церковь, но и сделал ее выражением сущности души Ивана и его отношения к Богу"[5].

Легенда Ивана есть вызов, который защитники Церкви могут и должны принять. Можно поставить вопрос, говорит Гуардини: "Не прав ли в конечном итоге Великий Инквизитор в отношении к такому Христу? Не есть ли этот Христос действительно еретик?" Христианская Церковь есть "по существу Церковь всех, а не только необыкновенных людей, – Церковь повседневной жизни, а не только героических минут. Как и сам человек, она из средней области возносится в высоту и спускается в глубину". "Христианство легенды не имеет в основе никакого отношения к этой средней области и таким образом становится нереальным". Христос, взятый Иваном в оторванной от жизни "чистоте", служит ему для самооправдания в его "бунте" против Бога и мирового порядка, при нежелании в то же время преображения мира, при любви к миру именно в его несовершенном виде.

Что сказал бы Достоевский в ответ на толкование Гуардини? Сжатую критику легенды он дает сам устами Алеши, который сказал Ивану: "Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того. И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать? То ли понятие в православии... Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, – это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!.." Достоевский не назвал бы Иисуса Христа легенды "еретиком". Он всею душою отстаивает христианство как "религию свободы, духа, любви и живой христианской полноты сердца". Но вместе с Алешею он усомнился бы в том, правильное ли понятие свободы у Ивана, и мы знаем из его "Дневника", что не все католичество он считает искажением Церкви.

Иван изображает построение Церкви на "чуде, тайне и авторитете" как искажение подвига Христа. Но, без сомнения, Православная Церковь так же, как и Католическая, строится не только на свободной любви ко Христу и воплощенному в Нем абсолютному добру; поскольку она есть социальное земное целое, она строится еще и на "чуде, тайне и авторитете". Что ответил бы Достоевский на это замечание, прямых сведений у нас нет. Но в главе о религиозной жизни Достоевского было показано, что, по крайней мере в течение последних десяти лет, он высоко ценил конкретную жизнь Православной Церкви со всеми Таинствами и обрядами; вместе со старцем Зосимою он ценил снисходительное и благостное отношение Церкви к слабому, грешному человеку; вместе с епископом Тихоном в "Исповеди" Ставрогина он, без сомнения, понимал, что для слабого человека попытка одним скачком прыгнуть в Абсолютное была бы делом не добрым, а "бесовским". Отсюда можно вывести, что Достоевский понимал ценность педагогических средств, применяемых Церковью для воспитания слабых людей, под условием, конечно, чтобы, не требуя скачка в Абсолютное, она постоянно имела перед глазами абсолютное добро Христа и Царства Божия, как маяк, указывающий цель пути.

Христос – всеобъемлющ, и Церковь Христова также всеобъемлюща. Опираясь на учение и жизнь Христа, Церковь выработала в себе много обителей, в которых могут найти приют люди всех ступеней духовного развития. В ее лоне могут уместиться подвижники и мистики, живущие свободною любовью к Богу и Царству Божию, но ютятся в ней и слабые, грешные люди, для которых на первый план выдвигаются "чудо, тайна и авторитет". Множество чудес совершал сам Иисус Христос. Чудеса эти, то есть события, в которых обнаруживается вмешательство Высшей силы, Бога и членов Царства Божия, совершаются повсюду и во все времена. Осознают их преимущественно люди, проникнутые глубокою верою в Бога, так что у них не вера рождается от чуда, а осознание чуда возникает благодаря вере. Для людей, упорно отворачивающихся от Бога, чудес нет, потому что ум их

всегда умеет найти доводы в пользу отрицания чуда. Но люди, нуждающиеся в благодатной помощи Божией, ухватываются за чудо и приходят к вере или укрепляются в ней; такая вера, рождающаяся от чуда, стоит на низкой ступени, но как начало пути к Богу она имеет цену и используется Церковью.

На тайны в существе Божием и в решениях Его Промысла указывал сам Христос. Что же касается авторитета, Церковь в своем земном аспекте, как общество людей, объединенных определенным вероучением и культом, не может обойтись без авторитетных руководителей. Эта социальная сторона Церкви приспособлена к нуждам миллионов людей и необходимо содержит в себе ограничения и условности. Об условной стороне всех человеческих социальных единств пишет Бердяев: "Царь – символ, генерал – символ, папа, митрополит, епископ – символы, всякий иерархический чин – символ. В отличие от этого реальны святой, пророк, гениальный творец, социальный реформатор"[6].

Вся эта педагогическая сторона Церкви, необходимая для того, чтобы постепенно и без надрыва вести миллионы людей в направлении к идеалу Божественного совершенства, часто подвергается искажениям в сторону "экклезиализма", и сам Гуардини говорит, что "любящие Церковь ясно видят мучительную истину", заключающуюся в указаниях на недостатки в земном осуществлении Церкви. Достоевский с молодых лет и до конца жизни видел их также и в Православной Церкви, но понял, что бороться с ними нужно, оставаясь внутри Церкви, а не выходя из нее.

Надобно еще заметить, что религиозные экстатики, визионеры, люди, считающие себя носителями Духа Святого, становятся, вне умеряющего и отрезвляющего влияния Церкви, социально опасными в большей мере, чем ползающие по земле материалисты или позитивисты. Поэтому нужно особенно ценить земной социальный аспект Церкви как учреждения, необходимого как для тех, кто не дорос до идеальных основ ее, так и для тех, кто подвергается соблазну считать себя переросшим их.

Ссылки и примечания

[1]Достоевский Ф. М. Письма. Т. II. Примечания Долинина, с. 474.

[2]См.: По поводу брошюры Лоранси, т. II, 59; По поводу разных сочинений латинян и протестантов, т. II, с. 192.

[3]Достоевский Ф. М. Биография, письма и заметки из записной книжки, 1883, с. 372.

[4]Леонтьев К. Собр. соч., Т.VIII.

[5]Интересно, что гораздо раньше Достоевского в пародиях на Католическую Церковь, написанных католическими монахами XIII века, высказывается мысль о Папе Римском, который, при появлении Христа у его Престола, отдал бы приказ: "Ejicite eum in tenebras exteriores" (выбросьте Его во тьму внешнюю); см. об этом статью проф. Лапшина "Как сложилась легенда о Великом Инквизиторе" в кн.: О Достоевском/ Под ред. А. Бема. Прага, 1929, т.1.

[6]Бердяев Н. Дух и реальность, с. 59.

Человек и Бог в "Колымских рассказах" Варлама Шаламова

Потухнут свечи восковые
В еще не сломанных церквах,
Когда я в них войду впервые
Со смертной пеной на губах.

Поэтам свойственно прорицать свою судьбу. Не ошибся и человек, написавший эти строки, – большой русский писатель и поэт Варлам Тихонович Шаламов. Далекий в жизни от Церкви, именно таким увидел он завершение своего земного пути. И именно так все и произошло, когда в один из холодных январских дней 1982 года гроб с его телом был внесен в известный московский храм Николы в Кузнецах. Отпевание почившего литератора не привлекло особого внимания москвичей: проститься с ним пришло не более сотни человек, среди которых – старые друзья, в прошлом, как и покойный, лагерники, а также молодые энтузиасты-почитатели, последний год ухаживавшие за ним в доме престарелых. Ни плачущих родных, ни известных "деятелей культуры"; впрочем, Литфонд выделил 250 рублей на похороны своего "непутевого", неимущего члена и на поминки по нему, которые в то время могли пройти лишь на частной квартире[1]... Было что-то знакомое, само собой разумеющееся, почти типическое в такой смерти русского литератора, и вместе с тем от нее веяло холодом поистине колымской безвестности. А между тем никто из пришедших проститься с писателем не сомневался, что придет время, когда удивительная жизнь этого человека, эта, быть может, наиболее трагическая судьба в истории отечественной словесности будет известна каждому школьнику, а его творчество станет предметом академических изысканий ученых филологов.

Иов и Иона

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма.
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.

В. Солодовников

Среди людей, писавших о лагерях, Варлам Шаламов занимает исключительное место. По мощи голоса, по зоркости глаза, по глубине проникновения в изображаемое его можно сравнить лишь с Солженицыным – только Солженицын может служить "пробным камнем", необходимой точкой отсчета в разговоре о Шаламове.

У них и внешний рисунок судьбы во многом одинаков: оба были до тюрьмы начинающими писателями, лучшие, молодые годы оба провели в гулаговских бараках, а выйдя оттуда, до конца исполнили свой гражданский и писательский долг, создав огромные эпопеи о советском "Мертвом Доме" – настоящие энциклопедии лагерной жизни. Это был именно долг, а не призвание; но и то, что они считали своим призванием, в той или иной степени каждый из них реализовал – один в поэзии, другой в художественной и исторической прозе. Конечно, сил и времени на это оставалось уже не так много, как хотелось бы. Но не только из-за этого лагерная тема занимает и у Шаламова и у Солженицына столь большое место в литературном творчестве (куда большее, чем у Достоевского), а еще и

потому, что настолько же вырос ее вес и в самой жизни России XX века по сравнению с "мирным" (по нашим нынешним меркам) XIX веком.

Но между качественно схожими биографиями обоих писателей есть и весьма существенное отличие, резко повлиявшее на общий тон их лагерных эпосов. Солженицын находился в заключении долго, очень долго для человека, остро ощущающего свое писательское предназначение, – восемь лет; Шаламов же провел за колючей проволокой без малого двадцатилетие, и из них 15 лет – на "краю планеты", на Колыме.

И в страданиях нужна какая-то мера, чтобы они, как говорится, пошли впрок, помогли человеку очиститься, отбросить пустое и мелочное – тогда впоследствии он может даже благодарить тюрьму, как в свое время Достоевский[2]. Если же беда – через край, часто гибнет и то доброе, что человек имеет; так заключенный в бутылку Джин из арабской сказки в первой половине своей "отсидки" исполнен самых благородных намерений, но к концу ее в нем остаются лишь ненависть и злоба.

Из "чаши круговой", ходившей в те годы меж лучших людей России, Солженицын отпил меньше Шаламова – поэтому он смог переплавить свое страдание в достойный борьбы положительный идеал. Он сохранил и силы для такой борьбы, для активного противостояния злу, для горячего обращения к современнику. Общий тон его "Архипелага" – обличение, ирония, сарказм, стремление вызвать у читателя негодование.

Шаламов же отхлебнул столько, что стал как бы по ту сторону добра и зла, жизни и смерти. Он уже не гневается, не негодует, повествование его обретает спокойствие эпоса. Похоже, что он вообще не обращается к читателю; прежде всего и главным образом он обращается к Богу. "Вот что такое человек, вот чем он может стать, вот что он может сделать ближнему своему", – свидетельствует зек страны победившего социализма. Шаламов не делает никаких обобщающих выводов (например, что человечество не достойно существовать, раз способно на такое), он не пророк, его пафос – в честности, его "Колымские рассказы" – честный отчет перед Богом и одновременно недоуменный вопрос Ему, своего рода "Книга Иова".

Испокон веков страдание высоко ценилось в русском народе. Не случайно ведь первыми русскими святыми были не мученики за веру, а страстотерпцы Борис и Глеб. Достоевский говорил даже о духовной потребности "пострадать", характерной для русского человека. Но одно дело – "вольные страсти", сознательно принятый на себя крест ради Христа или ближнего своего, и совершенно другое – те страдания, которые сокрушительной океанской волной, подминающей и правых и виноватых, обрушил на людей двадцатый век.

...Человека внезапно захватывают зубья чудовищной машины, сжимают и так оставляют умирать. "Почему? за что?" – вопросы звучат в гулкой пустоте, не достигая ничьего слуха. Абсурдно все: немыслимое следствие, фантастика предъявленных обвинений, комедия суда, "высокие слова" от фальшивого высокого имени, служащие чем-то вроде фигового листка – настоящий же приговор жертвы читают, как зеки в "Исправительной колонии" Кафки: не глазами, а кожей, телом, всем нутром...

Наличие в мире такого "бессмысленного страдания" всегда было величайшей религиозной загадкой и величайшим религиозным испытанием. Понять эту загадку не смог еще никто, выдержать это испытание удалось немногим; Священное Писание рассказывает нам об одном из героев такого подвига – праведном Иове.

России XX века бесспорно принадлежат рекордные "показатели" по объему бессмысленного человеческого страдания. Эксперимент, по Божию попущению проведенный некогда сатаной над Иовом, по неисповедимым путям Господним многократно был повторен на одной шестой части обитаемой суши. Без всякой

видимой вины люди внезапно лишались имущества, домочадцев, имени, истории и обрекались на скорую смерть от голода, холода и непосильной работы. Библейский Иов был праведником, вопрос заключался лишь в том, сохранит ли он свою праведность в страданиях. Обитатели советских концентрационных лагерей, хотя и невиновные в том, что было записано за ними в их следственных делах, отнюдь не являлись праведниками – они были обычными людьми и, умирая по ходу эксперимента, давали ответ на другой вопрос: сохранит ли обычный человек хоть что-то человеческое, если поставить его в абсолютно нечеловеческие условия?

Если сравнивать Шаламова с праведным Иовом, то Солженицына следовало бы уподобить другому библейскому персонажу – Ионе. Это – пророк, и пророк жестокий, ибо велико жестокосердие сограждан. Как и Иона, Солженицын обрел пророческий пафос после своего заключения во "чреве китовом"; подобно Ионе, он свидетельствует о себе: *когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе* (Иона 2,8). И при всем различии судеб и темпераментов есть в Солженицыне и Шаламове что-то общее, что так удачно передается близким звучанием библейских имен – Ионы и Иова.

Скажем два слова и о том типе людей, который представлен в истории Иова его благополучными собеседниками. Выявить их весьма несложную психологическую установку можно из того, как разговаривают они с этим ветхозаветным великомучеником: "как если бы их втайне подслушивал тот Всемогущий Владыка, чье дело они разбирают на суде своем и чью милость они в глубине души надеются заслужить своим суждением, заботясь о ней более, чем об истине" (Кант). Метод, которым они лицемерно оправдывают перед Иовом Бога (Бог всегда прав, наверное, ты в чем-либо виновен), в сталинские времена трансформировался в: "органы всегда правы", "значит, что-то было", "объективно способствовал" и т. п. – и был столь же ненавистен Шаламову, как и Иову. Понятно, что библейских вилдадов, софаров, елифазов, с успехом имитирующих процесс поиска нравственной истины, всегда много на "свободе"; удивительнее, что они не переводились и за решеткой, где были не менее отвратительны. "Разница между подлецом и честным человеком заключается вот в чем: когда подлец попадает невинно в тюрьму, он считает, что только он не виноват, а все остальные – враги государства и народа, преступники и негодяи. Честный человек, попав в тюрьму, считает, что раз его могли невинно упечь за решетку, то и с его соседями по нарам могло случиться то же" ("Курсы").

Пари Шаламова

"На лесной поляне молился человек... На лице его было выражение удивительное – то самое, что бывает на лицах людей, вспоминающих детство... Все еще не видя меня, он выговаривал негромко и торжественно немеющими от холода губами привычные, запомненные мной с детства слова. Это были славянские формулы литургийной службы..." ("Выходной день").

Да, Варлам Шаламов, сын священника, с детства хорошо знал эти слова. Не случайно уже незадолго до смерти он обращается к воспоминаниям юных дней:

Я занят службою Пасхальной,
Стихи читаю в стихаре;
Порядок мира идеальный
По той мальчишеской поре.

Но затем идеальный порядок мира – с Богом в центре Вселенной – ломается, Шаламов отходит от Церкви[3]. Это было, увы, обычным явлением для русского

интеллигента первой четверти века: слишком многое в структуре и характере исторического Православия, в его несовершенных институтах отталкивало чуткие и честные души. Но и реакция против этого несовершенства, в своем логическом завершении вылившаяся затем в обновленчество, впадала в не меньший грех разрыва с традициями, придавала слишком большое значение внешнему.

Представителем последнего течения, борцом за улучшение церковных да и общегражданских порядков, словом, священником-прогрессистом был отец Шаламова. О нем, о своих трудных отношениях с ним писатель рассказывает в автобиографическом произведении "Четвертая Вологда". "Отец мой родом из самой темной лесной усть-сысольской глуши, из потомственной священнической семьи, предки которой еще недавно были зырянскими шаманами несколько поколений, из шаманского рода незаметно и естественно сменивших бубен на кадило, весь еще во власти язычества, сам шаман и язычник в глубине души..."

Деспотичность и душевная черствость отца, подавлявшего всех остальных домочадцев, неразрывно связались для юного Шаламова с отцовской страстью к общественной деятельности, к паблисити, к успеху, вообще – к внешнему. И то и другое вызывало у него резкий протест и, как следствие, исказило представление об обыкновенном, "бытовом" христианстве, помешало увидеть возможности и правду христианской жизни в миру: "Я могу понять какого-нибудь аскета, пророка, внимающего голосу Господа в пустыне. Но обращаться к Богу за мирскими советами и испрашивать советов Бога для других, чтобы передать благодать, – это было мне чуждо и не вызывало ни уважения, ни желания подражать" ("Четвертая Вологда").

Отношения с отцом, воплощавшим в семье писателя христианство, во многом предопределили последующее неприятие им религии. Вне церковных стен проходит он свой жизненный путь – сначала на воле, потом в лагере. "Та безрелигиозность, в которой я прожил всю сознательную жизнь, не сделала меня христианином" ("Курсы"). Свою позицию Шаламов выражает в рассказе с примечательным названием "Необращенный":

"– У меня нет религиозного чувства, Нина Семеновна. Но я, конечно, с великим уважением отношусь...

– Как? Вы, проживший тысячу жизней? Вы – воскресший?.. У вас нет религиозного чувства? Разве вы мало видели здесь трагедий?

– Разве из человеческих трагедий выход только религиозный? – Фразы ворочались в мозгу, причиняя боль клеткам мозга.

– Только, только. Идите".

И Шаламов поясняет: "Возможность "религиозного выхода" была слишком случайной и слишком неземной. Положив Евангелие в карман, я думал только об одном: дадут ли мне сегодня ужин".

Но удивительное дело! Этот заскорузлый, огрубевший зек, вроде бы демонстративно отвернувшийся от веры, – на деле вовсе не тот законченный атеист, которому даже мысль о чем-нибудь потустороннем никогда не забредает в голову, который действительно слеп ко всему небесному и не видит возможности религиозного разрешения трагических и неразрешимых вопросов жизни. Напротив, Шаламов такую возможность очень хорошо видит, она едва ли не постоянно маячит перед его умственным взором – это следует хотя бы из того, что ему приходится открещиваться от нее снова и снова. Маленький пример: описав своего героя, доходягу-зека со скрюченными от кайла и лопаты руками, Шаламов заключает: "Кисть руки, живая, была похожа на протез-крючок. Она выполняла только движения протеза. Кроме этого, ею можно было креститься, если бы Андреев молился Богу. Но ничего, кроме злобы, не было в его душе" ("Тифозный карантин"). У Андреева, может, и не было, – но не у самого Шаламова, почему-то не забывающего упомянуть о такой возможности для своего героя.

В действительности отношение Шаламова к религии не столь просто, как может показаться при первом чтении "Колымских рассказов". Бесспорно, излюбленный шаламовский мотив – выстоять в беде самому, без чьей-либо посторонней поддержки. Его лучшие герои отвергают всякую внешнюю помощь – даже если она исходит от семьи: "Я написал, что не надо посылок. Если выживу, то без всякой посторонней помощи. После того, что я видел, – я не хочу быть обязанным в чем-то никому, даже собственной жене" ("Любовь капитана Толли"). "В настоящей нужде познается только своя собственная душевная и телесная крепость, определяются пределы своих "возможностей", физической выносливости и моральной силы" ("Сухим пайком").

В свете этой установки (рассчитывать лишь на самого себя, на свои собственные силы) вполне объяснимо и шаламовское отвержение "помощи религии". Но и декларируя такое отвержение, осуществляя свой великий эксперимент-проверку: выстоит ли он в лагерной борьбе в одиночку, Шаламов все же ясно ощущает, что весь этот эксперимент проходит в некоем незримом присутствии – пред Лицом Всевышнего. Об этом свидетельствует поэтическое творчество писателя. В его третьей "Колымской тетради" есть стихотворение, которое можно было бы назвать "Пари". Христианский мир знает об одном знаменитом пари, пари Паскаля – рассуждении, в котором ученый пытался доказать необходимость веры в Бога посредством теории вероятностей. Пари Шаламова – не столь интеллектуалистично, хотя также является "доказательством", и даже "доказательством от противного":

Я видел все: песок и снег,
Пургу и зной.
Что может вынесть человек –
Все пережито мной.

И кости мне ломал приклад,
Чужой сапог.
И я побился об заклад,
Что не поможет Бог.

Ведь Богу – Богу-то зачем
Галерный раб?
И не помочь ему ничем –
Он истощен и слаб.

Я проиграл свое пари,
Рискуя головой.
Сегодня – что не говори –
Я с вами – и живой.

Однако дальнейший анализ этой темы, невозможный без углубления в поэтическое творчество Шаламова, увел бы нас слишком далеко в сторону от "Колымских рассказов", которым посвящены эти строки. Заметим также, что хотя религиозное чувство в его обычных проявлениях и не было свойственно Шаламова-зеку, он, подобно многим артистическим натурам, приближался к Высшему с иной стороны: не восходя сердцем к Источнику всего прекрасного, он тем не менее ощущал себя почитателем, рыцарем и певцом самой Красоты.

Антропология Шаламова: нисхождение

То главное, что мы вправе ожидать от каждого по-настоящему большого писателя и что, безусловно, находим мы у Шаламова, – это новое о человеке, его границах и возможностях, силе и слабости – истины, добытые многими годами нечеловеческого напряжения и наблюдением поставленных в нечеловеческие условия сотен и тысяч людей.

Какая же правда о человеке открылась Шаламову в лагере? "Лагерь был великой пробой нравственных сил человека, обыкновенной человеческой морали, и 99% людей этой пробы не выдерживали. Те, кто выдерживал, умирали вместе с теми, кто не выдерживал, стараясь быть лучше всех, тверже всех только для самих себя..." ("Инженер Киселев"). "Великий эксперимент растления человеческих душ" – так характеризует Шаламов создание архипелага ГУЛАГ.

Конечно, его контингент имел весьма отдаленное отношение к проблеме искоренения преступности в стране: "По наблюдениям Силайкина, преступников вовсе нет, кроме блатарей. Все прочие заключенные вели себя на воле так, как все другие, – столько же воровали у государства, столько же ошибались, столько же нарушали закон, как и те, кто не был осужден по статьям УК и продолжал заниматься каждый своей работой. Тридцать седьмой год подчеркнул это с особой силой – уничтожив всякую гарантию у русских людей. Тюрьму стало никак не обойти, никому не обойти" ("Курсы").

В подавляющем большинстве зеки "не были врагами власти и, умирая, так и не поняли, почему им надо умереть. Отсутствие единой объединяющей идеи ослабляло моральную стойкость арестантов, они сразу выучились не заступаться друг за друга, не поддерживать друг друга. К этому и стремилось начальство" ("Последний бой майора Пугачева").

Сначала они еще похожи на людей: "счастливчик, поймавший хлеб, делил его между всеми желающими – благородство, от которого через три недели мы отучились навсегда" ("Причал ада"). "Он делился последним куском, вернее, еще делился. Это значит, что он так и не успел дожить до времени, когда ни у кого не было последнего куска, когда никто ничем ни с кем не делился" ("Надгробное слово").

Нечеловеческие условия жизни быстро разрушают не только тело, но и душу заключенного. Полемизируя с Достоевским, усматривавшим и нечто положительное для человека от его пребывания в "Мертвом доме" (в смысле становления личности), Шаламов утверждает: "Лагерь – отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана... Каждая минута лагерной жизни – отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел – лучше ему умереть... Оказывается, можно делать подлости и все же жить. Можно лгать – и жить. Не выполнять обещаний – и все-таки жить... Скептицизм – это еще хорошо, это еще лучшее из лагерного "наследства" ("Красный Крест").

Звериное начало в человеке предельно обнажается, садизм выступает уже не как извращение человеческой природы, а как неотъемлемое ее свойство, как существенный антропологический феномен: "...для человека нет лучше ощущения сознавать, что кто-то еще слабее, еще хуже... Власть – это растление. Спущенный с цепи зверь, скрытый в душе человека, ищет жадного удовлетворения своей извечной человеческой сути – в побоях, в убийствах" ("Термометр Гришки Логунова"). В рассказе "Ягоды" описывается хладнокровное убийство конвоиром, по прозвищу Серошапка, зека, собиравшего ягоды в "перекур" и незаметно для себя переступившего отмеченную вешками границу рабочей зоны; после этого убийства конвоир обращается к главному герою рассказа: "Тебя хотел, – сказал Серо-

шапка, – да ведь не сунулся, сволочь!" В рассказе "Посылка" у героя отнимают сумку с едой: "...кто-то ударил меня по голове чем-то тяжелым, и когда я вскочил, пришел в себя, сумки не было. Все оставались на своих местах и смотрели на меня со злобной радостью. Развлечение было самого лучшего сорта. В таких случаях – радовались вдвойне: во первых, кому-то плохо, во-вторых, плохо не мне. Это не зависть, нет".

Но где же те духовные обретения, которые, как считается, едва ли не непосредственно связаны с лишениями в плане материальном? Разве зеки не похожи на аскетов и разве, умирая от голода и холода, не повторили они в массе аскетический опыт минувших веков?

Уподобление зеков святым подвижникам и в самом деле неоднократно встречается у Шаламова: "Мы считали себя почти святыми – думая, что за лагерные годы мы искупили все свои грехи... Нас ничто уже не волновало, нам жить было легко во власти чужой воли. Мы не заботились даже о том, чтобы сохранить жизнь, и если и спали, тоже подчиняясь приказу, распорядку лагерного дня. Душевное спокойствие, достигнутое притупленностью наших чувств, напоминало о высшей свободе казармы, о которой мечтал Лоуренс, или толстовском непротивлении злу – чужая воля всегда была на страже нашего душевного спокойствия" ("Сухим пайком").

Однако бесстрастие, достигаемое лагерными зеками, мало походило на то бесстрастие, к которому стремились аскеты всех времен и народов. Последним казалось, что, когда они освободятся от чувств – этих своих преходящих состояний, в душе останется самое главное, центральное и высокое. Увы, на личном опыте колымские аскеты-невольники убедились в обратном: последнее, что остается после отмирания всех чувств, – это ненависть и злоба. "Чувство злости – последнее чувство, с которым человек уходил в небытие" ("Сентенция"). "Все человеческие чувства – любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания. В том незначительном мышечном слое, что еще оставался на наших костях... размещалась только злоба – самое долговечное человеческое чувство" ("Сухим пайком"). Отсюда – постоянные ссоры и драки. "Тюремная ссора вспыхивает, как пожар в сухом лесу" ("Ожерелье княгини Гагариной"). "Когда потерял силы, когда ослабел – хочется драться неудержимо. Это чувство – задор ослабевшего человека – знакомо каждому заключенному, кто когда-нибудь голодал... Причин, чтобы ссора возникла, – бесконечное множество. Заключенного все раздражает: и начальство, и предстоящая работа, и холод, и тяжелый инструмент, и стоящий рядом товарищ. Арестант спорит с небом, с лопатой, с камнем и с тем живым, что находится рядом с ним. Малейший спор готов перерасти в кровавое сражение" ("Мой процесс").

Дружба? "Дружба не зарождается ни в нужде, ни в беде. Те "трудные" условия жизни, которые, как говорят нам сказки художественной литературы, являются обязательным условием возникновения дружбы, просто недостаточно трудны. Если беда и нужда сплотили, родили дружбу людей, – значит, это нужда – не крайняя и беда – не большая. Горе недостаточно остро и глубоко, если можно разделить его с друзьями. В настоящей нужде познается только своя собственная душевная и телесная крепость, определяются пределы своих "возможностей", физической выносливости и моральной силы" ("Сухим пайком").

Любовь? "...Те, кто был постарше, не позволил чувству любви вмешаться в будущее. Любовь была слишком дешевой ставкой в лагерной игре" ("Курсы").

Благородство? "Я думал: не буду играть в благородство, я не откажусь, я уеду, улечу. За мной семнадцать лет Колымы" ("Погоня за паровозным дымом").

То же самое относится и к религиозности: как и другие высокие человеческие чувства, она не зарождается в кошмаре лагеря. Конечно, лагерь нередко становит-

ся местом окончательного торжества веры, ее триумфа, но для этого "нужно, чтоб крепкое основание ее было заложено тогда, когда условия быта еще не дошли до последней границы, за которой уже ничего человеческого нет в человеке, а есть только недоверие, злоба и ложь" ("Одиночный замер"). Когда же приходится вести жестокую ежеминутную борьбу за существование, малейшее помышление о Боге, о жизни ТОЙ означает ослабление волевого напора, с которым ожесточившийся зек цепляется за жизнь ЭТУ. Но от ЭТОЙ проклятой жизни он не в силах оторваться – как человек, пораженный током, не может оторвать рук от провода с высоким напряжением: чтобы это сделать, нужны дополнительные силы. Даже для самоубийства оказывается необходимым некоторый излишек энергии, отсутствующий у "доходяг"; иногда он случайно падает с неба в виде лишней порции баланды, и лишь тогда человек становится способным свести счеты с жизнью (рассказ "Тишина").

Голод, холод, ненавистный труд, наконец, прямое физическое воздействие – избиения – все это обнажало "глубины человеческой сути – и какой же подлой и ничтожной оказывалась эта человеческая суть. Под палкой изобретатели открывали новое в науке, писали стихи, романы..." ("Букинист"). "Искру творческого огня можно выбивать обыкновенной палкой..." ("Геологи").

Итак, высшее в человеке подчинено низшему, духовное – материальному. Более того, и само это высшее – речь, мышление – материально. "Думать было нелегко. Материальность нашей психики впервые представлялась мне во всей наглядности, во всей ощутимости. Думать было больно. Но думать было надо" ("Сгущенное молоко"). Когда-то для выяснения того, расходуется ли энергия на мышление, подопытного человека помещали на много дней в калориметр; оказывается, совсем ни к чему проводить столь кропотливые опыты: достаточно поместить самих любознательных ученых на много дней (а то и лет) в места не столь отдаленные, и они на собственном опыте убедятся в полном и окончательном торжестве материализма: "Я полз, стараясь не сделать ни одной лишней мысли, мысли были, как движения, – энергия не должна быть потрачена ни на что другое, как только на царапанье, переваливание, перетаскивание своего собственного тела вперед по зимней дороге" ("Погоня за паровозным дымом"). "Я берег силы. Слова выговаривались медленно и трудно – это было вроде перевода с иностранного языка. Я все забыл. Я отвык вспоминать" ("Домино"). Мышление и впрямь есть "форма движения материи": "...мысли медленно двигались по опустевшему мозгу..." ("Курсы")[4].

Не ограничиваясь свидетельствами о природе человека, Шаламов размышляет и над его истоками, над вопросом о его происхождении. Он высказывает свое мнение, мнение старого зека, по такой, казалось бы, академической проблеме, как проблема антропогенеза – как она видится из лагеря: "...человек стал человеком не потому, что он Божье создание, и не потому, что у него был удивительный большой палец на каждой руке. А потому, что он был ФИЗИЧЕСКИ крепче, выносливее всех животных, а позднее потому, что заставил свое духовное начало успешно служить началу физическому" ("Дождь"). "Часто кажется, да так, наверное, и есть, что человек потому и поднялся из звериного царства, стал человеком... что он был физически выносливее любого животного. Не рука очеловечила обезьяну, не зародыш мозга, не душа – есть собаки и медведи, поступающие умней и нравственней человека. И не подчинением себе силы огня – все это было после выполнения главного условия превращения. При прочих равных условиях в свое время человек оказался крепче, выносливее физически любого животного. Он был живуч "как кошка" – эта поговорка в применении к человеку неверна. О кошке правильнее было бы сказать: эта тварь живуча, как человек. Лошадь не выносит и месяца такой зимней здешней жизни в холодном помещении с многочасовой тяжелой работой на морозе... А человек – живет. Может быть, он живет на-

деждами? Но ведь никаких надежд у него нет. Если он не дурак, он не может жить надеждами. Поэтому так много самоубийц. Но чувство самосохранения, цепкость к жизни, именно физическая цепкость, которой подчинено и его сознание, – спасает его. Он живет тем же, чем живет камень, дерево, птица, собака. Но он цепляется за жизнь крепче их. И он выносливее любого животного" ("Заклинатель змей").

Это – наиболее горькие слова о человеке, которые были когда-либо написаны. И одновременно – наиболее сильные: по сравнению с ними литературные метафоры типа "эта сталь, железо это" (Маяковский) или "гвозди бы делать из этих людей – крепче бы не было в мире гвоздей" (Н. Тихонов) – жалкий вздор.

Наконец, Шаламов развенчивает и еще одну иллюзию. Воспитанному секуляризированной культурой, в гуманистическом смысле "мужественному" и "идеалистически" настроенному человеку часто кажется, что он всецело властен над своей жизнью: "позорному" существованию всегда ведь можно предпочесть смерть ("лучше умереть стоя, чем жить на коленях"), тем более что смерть-манифестация могла бы стать неким высшим мигом жизни, достойным заключительным аккордом. В лагерях иногда случается и такое, но гораздо чаще "образ бытия" изменяется незаметно для самого зека. Так, замерзающий человек до последней минуты думает, что он просто отдыхает, что в любой момент он может встать и двинуться дальше, – и не замечает перехода в смерть. О том же свидетельствует и Шаламов: готовность к смерти, которая есть у многих людей с высоко развитым чувством собственного достоинства, постепенно исчезает неведомо куда по мере того, как человек слабеет физически. "Много лет я думал, что смерть есть форма жизни, и, успокоенный зыбкостью суждения, я вырабатывал формулу активной защиты своего существования на горестной этой земле. Я думал, что человек тогда может считать себя человеком, когда в любой момент всем своим телом чувствует, что он готов покончить с собой, готов вмешаться сам в собственное свое житие. Это сознание и дает волю на жизнь. Я проверял себя – многократно – и, чувствуя силу на смерть, – оставался жить. Много позже я понял, что я просто построил себе убежище, ушел от вопроса, ибо в момент решения я не буду таким, как сейчас, когда жизнь и смерть – волевая пора. Я ослабею, изменюсь, изменю себе" ("Житие инженера Кипреева"). "Я давно дал слово, что если меня ударят, то это будет концом моей жизни. Я ударю начальника, и меня расстреляют. Увы, я был наивным мальчиком. Когда я ослабел, ослабела и моя воля, мой рассудок. Я легко уговорил себя перетерпеть и не нашел в себе силы душевной на ответный удар, на самоубийство, на протест" ("Две встречи").

Антропология Шаламова: восхождение

Вот так на протяжении почти тысячи страниц упорно и систематически автор-зек лишает читателя-"фраера" всяческих иллюзий, всяческих надежд – точно так же, как у него самого десятилетиями вытравляла их лагерная жизнь. И все же – хотя "литературный миф" о человеке, о его величии и божественном достоинстве вроде бы "разоблачен" – все же надежда не покидает читателя. "Я прочитала Ваши рассказы. Они самые жестокие из всех, что мне приходилось читать. Самые горькие и беспощадные. Там люди без прошлого, без биографии, без воспоминаний. Что там человек думает только о себе, о том, чтобы выжить. Но почему же закрываешь рукопись с верой в честь, добро, человеческое достоинство? Это таинственно, я этого объяснить не могу, я не знаю, как это получается. Но это – так" (Ф. Вигдорова).

Надежда проглядывает уже из того, что у человека до самого конца не исчезает ощущение "верха" и "низа", подъема и провала, понятие "лучше" и "хуже". Уже в

этой колебательности человеческого существования содержится залог и обещание перемен, улучшения, воскресения к новой жизни. "Мы поняли, что жизнь, даже самая плохая, состоит из смены радостей и горя, удач и неудач, и не надо бояться, что неудач больше, чем удач" ("Сухим пайком"). Полусказочное грядущее освобождение для арестанта – нереальный взлет существования, слишком отдаленный и слишком крутой, чтобы его можно было брать в расчет, принимать в качестве жизненной опоры; но и более мелких всплесков бытия достаточно, чтобы продолжать жизнь. Самоубийству, говорит Шаламов, "всякий раз мешали какие-нибудь мелочи, из которых состоит жизнь. То сегодня будут выдавать "ларек" – премиальный килограмм хлеба, – просто глупо было кончать самоубийством в такой день. То дневальный из соседнего барака обещал дать закурить вечером – отдать давнишний долг" ("Сухим пайком").

Подобная неоднородность, неравноценность различных моментов бытия порождает возможность пристрастной их сортировки, направленного отбора. Такой отбор осуществляется памятью, точнее, чем-то стоящим над памятью и из недоступной глубины управляющим ею. И это незримое действие поистине спасительно для человека. "Человек живет своим уменьем забывать. Память всегда готова забыть плохое и помнить только хорошее" ("Сухим пайком"). "Память вовсе не безразлично "выдает" все прошлое подряд. Нет, она выбирает такое, с чем радостнее, легче жить. Это – как бы защитная реакция организма. Это свойство человеческой натуры по существу есть искажение истины. Но что есть истина?" ("Курсы")[5].

Прерывистости и неоднородности существования во времени соответствует и пространственная неоднородность бытия: в общем мировом (а для героев Шаламова – лагерном) организме она проявляет себя в многообразии человеческих положений, в постепенности перехода от добра ко злу: "Одно из самых главных чувств в лагере – безбрежность унижения, но и чувство утешения, что всегда, в любых обстоятельствах есть кто-то хуже тебя. Эта ступенчатость многообразна. Это утешение спасительно, и, может быть, в нем скрыт главный секрет человека. Это чувство спасительно, и в то же время это примирение с непримиримым" ("Смытая фотография").

Однако приведенных соображений, конечно, недостаточно для того, чтобы объяснить феномен выживания людей в условиях колымской неволи. И Шаламов, анализируя свои многолетние лагерные наблюдения, делает настоящее антропологическое открытие. Он установил, что в экстремальных условиях каждый человек (каким бы материалистом он ни был) строит в своей душе подобие некоего невидимого бастиона, проводит какую-то незримую черту, за которой в его душе располагается самое заветное, самое ценное, в терминологии Шаламова – "последнее".

Об одном таком "последнем" уже писал в свое время знаменитый английский писатель и публицист Джордж Оруэлл, описывая ужасы тоталитарного государства: он утверждал, что можно сломить любого человека, что у каждого есть своя слабость, нечто такое, чему он не может сопротивляться, каким бы мужественным ни был; для главного героя романа "1984" этим последним оказались крысы – перспектива быть съеденным заживо голодными тварями, самый вид которых он не выносил с детства.

Не опровергая утверждения Оруэлла, Шаламов свидетельствует, однако, и о другом "последнем": "Я знаю, что у каждого человека здесь было свое САМОЕ ПОСЛЕДНЕЕ, самое важное – то, что помогало жить, цепляться за жизнь, которую так настойчиво и упорно у нас отнимали" ("Выходной день"). Это – тот предел сжимаемости, предел унижения, перейти за который выше его сил, тот крайний рубеж обороны, отступив на который человек готов принять последний смертный бой. Для священника Замятина из рассказа "Выходной день" этим послед-

ним была литургия Иоанна Златоуста, для самого рассказчика (Шаламова) – любимые стихи. Однако такое высокое "последнее" скорее исключение. В той отчаянной схватке с враждебным миром, которую ведет теснимый со всех сторон зек, ему приходится отказываться от всего, и в первую очередь от своего человеческого достоинства, этой ненужной и обременительной роскоши в борьбе за выживание. Но, оказывается, человеческое достоинство не такая "вещь", от которой легко можно отказаться. Вопреки пессимистическим выводам Оруэлла, вопреки видимому торжеству лагерной низости и безнравственности, человек по-настоящему и не отказывается от него: просто, будучи не в силах вести тотальную защиту, он предельно сокращает линию фронта, противостояния, переходит от правильной круговой обороны к партизанским выпадам на отдельных направлениях. Эти направления не обязательно главные, решающие; чаще зек переносит понятие человеческого достоинства на какую-либо мелочь и дает "последний бой" на этой случайной позиции. "Люди, у которых погибла жизнь, растоптаны будущее и прошлое, вдруг оказывались во власти какого-либо пустячного предрассудка, какой-то чепухи, которую люди не могут почему-то переступить, не могут почему-то отвергнуть. И это внезапное проявление стыда возникает как тончайшее человеческое чувство и вспоминается потом всю жизнь как что-то настоящее, как что-то бесконечно дорогое" ("Прокаженные"). Этот "предрассудок" может, например, относиться к внешнему облику людей: то фельдшер наотрез отказывается брить женщин ("Прокаженные"), то зек кочергой отбивается от наседающих на него парикмахеров ("Курсы"). "Что это такое? Разве Самсонова сила – не легенда? В чем причина сего аффекта? Ясно, что психика повреждена желанием утвердить себя хоть в малом, в ничтожном – еще одно свидетельство великого смещения масштабов" ("Курсы"). Возможна и такая крайняя линия обороны: "Смерти Поташников не боялся. Но было страстное тайное желание, какое-то последнее упрямство – желание умереть где-нибудь в больнице, на койке, на постели при внимании других людей, но не на улице, не на морозе, под сапогами конвоя, в бараке среди брани, грязи и полном равнодушии всех" ("Плотники").

Это "последнее" всегда связано с добром, это – атомы добра, неуничтожимые осколки образа Божия в человеке. Но ценность этих крупиц человечности, словно чудом сохранившихся под дьявольским прессом лагерной жизни, едва заметных в лагерной мясорубке, но бережно поднятых писателем и с любовью продемонстрированных всему миру через увеличительное стекло художественного творчества, огромна.

Вот почему, когда Шаламов пишет о взаимопомощи в гулаговском аду, у читателя возникает ощущение праздника. Таковы рассказы "Лида", "Домино" и многие другие. Таков и историко-социологический очерк "Комбеды", в котором рассказывается, как тюремная действительность внесла новое и более адекватное содержание в старый термин революционных времен. Тюремные "комбеды" возникли во второй половине 30-х годов. Каждый, кто выписывал себе продукты в "лавочке", должен был отчислять 10% их стоимости в комбед, и полученная общая сумма делилась на всех "безденежных" – они получали теперь право самостоятельной выписки продуктов. Все старания тюремной администрации искоренить комбеды ни к чему не привели, ибо они представляли собой "форму самоутверждения бесправного человека: тот крошечный участок, где человеческий коллектив, сплоченный, как это всегда бывает в тюрьме в отличие от "воли" и лагеря, при полном бесправии своем находит точку приложения своих духовных сил для настойчивого утверждения известного человеческого права жить по-своему" ("Комбеды").

Казалось бы: чем может помочь один зек другому? Ни пищи, ни имущества у него нет, нет обычно и сил для какого бы то ни было действия. Однако остается бездействие, то самое "преступное бездействие", одной из форм которого является

"недоносительство". Те же случаи, когда эта помощь идет чуть дальше молчаливого сочувствия, запоминаются на всю жизнь: "Куда я иду и откуда – Степан не спрашивал. Я оценил его деликатность – навеки. Я никогда больше его не видел. Но я и сейчас вспоминаю горячий пшенный суп, запах пригоревшей каши, напоминающий шоколад, вкус чубука трубки, которую, обтерев рукавом, протянул мне Степан, когда мы прощались, чтоб я мог "курнуть" на дорогу" ("Ключ Алмазный").

А разве не свидетельствует о неразрушимости в зеках человеческого достоинства – вопреки всем законам биологии – их способность к насмешке, к иронии? "Шаг влево, шаг вправо считаю побегом – шагом арш! – и мы шли, и кто-нибудь из шутников, а они есть всегда в любой самой тяжелой обстановке, ибо ирония – это оружие безоружных, – кто-нибудь из шутников повторял извечную лагерную остроту: "прыжок вверх считаю агитацией". Подсказывалась эта злая острота неслышно для конвоира. Она вносила ободрение, давала секундное, крошечное облегчение. Предупреждение мы получали четырежды в день... и каждый раз после знакомой формулы кто-то подсказывал замечание насчет прыжка, и никому это не надоедало, никого не раздражало. Напротив, остроту эту мы готовы были слышать тысячу раз" ("Ключ Алмазный")[6].

Но, конечно, самое удивительное, почти невероятное, но и дарующее надежду – в том, что даже в этой античеловеческой обстановке находились люди несгибающиеся. Помимо достоинства, благородства, доброты в "атомарном состоянии", эти качества существуют и в самом "сгущенном" виде – в людях, остающихся людьми вопреки всему. И хотя таких людей мало, хотя 99% людей не выдерживали испытания лагерем, зато оставшиеся – люди поистине высшей пробы. Таков инженер Кипреев, герой рассказа "Житие инженера Кипреева", отказавшийся после операции от улучшенного питания по той причине, что есть больные более тяжелые. Таков врач-паталогоанатом Уманский, открыто объявивший себя "вейсманистом" в эпоху, когда это слово звучало столь же зловеще, как "троцкист" и "космополит" (рассказ "Вейсманист"). Таков доктор-зек Лоскутов, который "всю свою врачебную деятельность, всю свою жизнь лагерного врача подчинил одной задаче: активной постоянной помощи людям, арестантам по преимуществу. Эта помощь была отнюдь не только медицинской. Он всегда кого-то устраивал, кого-то рекомендовал на работу после выписки из больницы. Всегда кого-то кормил, кому-то носил передачи... И так не месяц, не год, а целых 20 лет изо дня в день, получая от начальства только дополнительные сроки наказания... В истории мы знаем такую фигуру. Это – тюремный врач Федор Петрович Гааз, о котором написал книжку А. Ф. Кони. Но время Гааза было другим временем. Это были 60-е годы прошлого столетия – время нравственного подъема русского общества. 30-е годы 20-го столетия таким "подъемом" не отличались. В атмосфере доносов, клеветы, наказаний, бесправия, получая один за другим тюремные приговоры по провокационно созданным делам, творить добрые дела было гораздо труднее, чем во времена Гааза... Симулянтов и аггравантов[7] Федор Ефимович не разоблачал. – Им только кажется, – говорил грустно Лоскутов, – что они аггравanты и симулянты. Они больны гораздо серьезней, чем думают сами. Симуляция и аггравация на фоне алиментарной дистрофии и духовного маразма лагерной жизни – явление неописанное, неописанное..." ("Курсы").

Способов остаться человеком, как свидетельствует Шаламов, не так уж и мало. Для одних – это стоическое спокойствие пред лицом неизбежного: "Он долго не понимал, что делают с нами, но в конце концов понял и стал спокойно ждать смерти. Мужества у него хватало" ("Надгробное слово", об С. А. Шейнине). Для других – клятва не быть бригадиром, не искать спасения в опасных лагерных должностях (герой рассказа "Май" Андреев). Для третьих – вера: "более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Растление охватывало души всех, и только религиозники держались. Так было и 15, и 5 лет назад" ("Курсы").

Наконец, самые решительные, самые горячие, самые непримиримые идут на открытое сопротивление силам зла. Таковы майор Пугачев и его друзья – зеки-фронтовики, отчаянный побег которых описан в рассказе "Последний бой майора Пугачева". Напав на охрану и захватив оружие, они пытаются пробиться к аэродрому, но гибнут в неравной схватке. Выскользнувший из окружения Пугачев, не желая капитулировать, кончает самоубийством, укрывшись в какой-то лесной берлоге. Его последние мысли – шаламовский гимн человеку и одновременно реквием по всем погибшим в борьбе с тоталитаризмом – самым чудовищным злом XX века: "И никто ведь не выдал, – думал Пугачев, – до последнего дня". О предполагавшемся побеге знали, конечно, многие в лагере. Люди подбирались несколько месяцев. Многие, с кем Пугачев говорил откровенно, отказывались, но никто не побежал на вахту с доносом. Это обстоятельство мирило Пугачева с жизнью... И, лежа в пещере, он вспомнил свою жизнь – трудную мужскую жизнь, жизнь, которая кончается сейчас на медвежьей таежной тропе... много, много людей, с кем сводила его судьба, припомнил он. Но лучше всех, достойнее всех были его 11 умерших товарищей[8]. Никто из тех, других людей его жизни, не перенес так много разочарований, обмана, лжи. И в этом северном аду они нашли в себе силы поверить в него, Пугачева, и протянуть руки к свободе. И в бою умереть. Да, это были лучшие люди его жизни".

К таким настоящим людям принадлежит и сам Шаламов – один из главных героев созданного им монументального лагерного эпоса. В "Колымских рассказах" мы видим его в разные периоды жизни, но всегда он верен себе. Вот он начинающим арестантом протестует против избиения конвоем сектанта, отказывающегося стоять на поверке: "И вдруг я почувствовал, как сердцу стало обжигающе горячо. Я вдруг понял, что все, вся моя жизнь решится сейчас. И если я не сделаю чего-то – а чего именно, я не знаю и сам, то, значит, я зря приехал с этим этапом, зря прожил свои 20 лет. Обжигающий стыд за собственную трусость отхлынул с моих щек – я почувствовал, как щеки стали холодными, а тело – легким. Я вышел из строя и дрожащим голосом сказал: "Не смейте бить человека" ("Первый зуб"). Вот он размышляет после получения третьего срока: "Что толку в человеческом опыте... догадываться, что этот человек – доносчик, стукач, а тот – подлец... что мне выгоднее, полезнее, спасительнее вести с ними дружбу, а не вражду. Или, по крайней мере, помалкивать... Что толку, если своего характера, своего поведения я изменить не могу?.. Всю жизнь свою я не могу заставить себя называть подлеца честным человеком" ("Мой процесс"). Наконец умудренный многолетним лагерным опытом, он как бы подводит окончательный лагерный итог своей жизни устами своего лирического героя: "Именно здесь он понял, что не имеет страха и жизнью не дорожит. Понял и то, что он испытан великой пробой и остался в живых... Его обманула семья, обманула страна. Любовь, энергия, способности – все было растоптано, разбито... Именно здесь, на этих циклопических нарах понял Андреев, что он кое-чего стоит, что он может уважать себя. Вот он здесь еще живой и никого не предал и не продал ни на следствии, ни в лагере. Ему удалось много сказать правды, ему удалась подавить в себе страх" ("Тифозный карантин").

Этой новой правдой, новым знанием о человеке и новым укреплением духа мы бесконечно обязаны таким людям, как Шаламов. "Колымские рассказы" – чтение нелегкое, но куда тяжелее сама жизнь, куда страшнее звериный оскал тоталитаризма, когда он отбрасывает свои идеологические ухищрения, снимает парик и стирает грим, когда он чувствует себя самим собой, у себя дома – в концентрационном лагере. Рассказы Шаламова – более верное зеркало эпохи, чем вся подцензурная советская литература, вместе взятая. Но и цена, заплаченная автором, велика: его "живая кровь" запеклась на многих страницах. И помнить об этом – наш долг, наша обязанность, наш крест...

Примечания

[1] Это была квартира известного ныне религиозного философа и православного богослова С. С. Хоружего.

[2] Такой гимн тюрьме есть и у Шаламова: "Тюрьма – это свобода. Это единственное место, которое я знаю, где люди, не боясь, говорили все, что думали. Где они отдыхали душой. Отдыхали телом, потому что не работали. Там каждый час существования был осмыслен" ("Надгробное слово"). Но одно дело – тюрьма, и совсем другое – "истребительно-трудовой" лагерь.

[3] Символом этого отхода стало изменение писателем своего имени: Варлам вместо церковного Варлаам – с очевидным противопоставлением священному переименованию Аврама в Авраама (Быт. 17, 5).

[4] Вряд ли следует удивляться этому по видимости полному торжеству материализма: материальное действительно присуще человеку, и лагерь триумфально выявляет эту сторону человеческой природы. Нас не удивляет ведь, когда то, что было человеком, человеческий труп, ведет себя как обычное материальное тело – согласно законам физики (если его перемещать) или химии (при гниении). Не удивляет и то, что при полной потере интеллекта – в результате хирургического вмешательства (например, лоботомии) или применения психотропных средств – бывший человек все же продолжает существовать как биологический объект (отдергивает руку при ожоге, проявляет интерес к пище и т. п.). Но провести грань между хирургическим, химическим, психическим (гипноз, электромагнитные излучения) и тому подобными воздействиями, переводящими "Венец Творения" в разряд физических или биологических "тел", и комплексом воздействий специфически лагерных (холод, голод, усталость, побои), приводящих к тому же самому, невозможно (разве что в последнем случае этот перевод осуществляется более плавно).

[5] Однако то, что спасительно для человека, губительно для писателя: память – его профессиональный долг, и, возвращаясь из колымского ада, Шаламов дает себе клятву: не забыть! "Все было привычно: паровозные гудки, двигавшиеся вагоны, вокзал, милиционер, базар около вокзала – как будто я видел только многолетний сон и сейчас проснулся. И я испугался, и холодный пот выступил на коже. Я испугался страшной силе человека, желанью и уменью забывать. Я увидел, что я готов забыть все, вычеркнуть двадцать лет из своей жизни. И каких лет! И когда я это понял, я победил сам себя. Я знал, что я не позволю моей памяти забыть все, что я видел. И я успокоился и заснул" ("Поезд").

[6] Как в относительно недавнюю эпоху "застоя" без конца "крутили" Высоцкого, ирония которого была глотком свежего воздуха в душной атмосфере тогдашней "общественной жизни".

[7] Аггравация (мед.) – преувеличение больным тяжести своей болезни.

[8] С самим Пугачевым – двенадцать, цифра, конечно, далеко не случайная: нельзя не увидеть здесь столь характерного для Шаламова противопоставления героев-зеков, избравших "сопротивление злу силой", блоковским "революцьонным" насильникам.

Е. С. ПОЛИЩУК

Варлам Шаламов

Лицом к молящемуся миру
Гора выходит на амвон.
Пред этим каменным потиром
Земной отвешу я поклон.

Река отталкивает гору,
И веет запах снеговой,
И переполнены озера
Святой водою дождевой.

И в половодье, как в метели,
Взлетают пенные цветы,
Льняной растрепанной куделью
В меня швыряют с высоты.

А я – я тут же, на коленях,
Я с Богом, кажется, мирюсь:
На мокрых каменных ступенях
Я о спасении молюсь.

(Из "Четвертой колымской тетради")

Виктор АФАНАСЬЕВ

КУПИНА НЕОПАЛИМАЯ

Сказание о чудотворной ФЕОДОРОВСКОЙ иконе Божией Матери

Ликуй ныне и веселися
граде Москва, яко приял еси
в пределех твоея области
свыше сияющую
Божественную Зарю

(Из древней службы
Феодоровской иконе Божией Матери)

IV. СОБОРЫ

Около ста двадцати лет ждал построенный князем Юрием Долгоруким главный храм Костромы (собор великомученика Феодора Стратилата) пришествия чудотворной иконы Божией Матери. И вот 16 августа 1272 (а может быть, 1273 или 1274) года сюда, на Мшанскую улицу, одну из древнейших, пришел крестный ход из Запрудненского леса – иереи несли обретенную князем Василием Ярославичем святыню. "И повеле великий князь поставити икону внутри святого алтаря за престолом", – говорит повесть о явлении чудотворного образа Богоматери.

Этот храм был, без сомнения, великолепен. В нем ежедневно молился князь со своей семьей и боярами (такие храмы, как правило, соединялись крытым переходом с княжеским дворцом). Он приобрел еще большее значение и пышность в связи с двумя событиями – восшествием Василия Костромского на великокняжеский Владимирский престол и обретением чудотворного образа Божией Матери. Летописи, говоря о древней Костроме, упоминают только собор Феодора Стратилата. А так как Кострома в 1272–1277 годах была фактически столицей Северной Руси, то в ней находилось множество бояр и всяких людей из всех крупных городов Руси, которые, без сомнения, поклонялись Феодоровской иконе и делали вклады в собор. Благодаря им, а также многочисленным паломникам по Руси быстро распространялась слава новообретенной святыни. Из летописей известно, что князь Василий женился в 1266 году (имя и род его невесты неизвестны) и был венчан в соборе Феодора Стратилата святите-

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1994, № 1.

лем Игнатием, епископом Ростовским. Этот епископ в этом же соборе и погребал князя Василия в январе 1277 года. Тверской князь Константин Михайлович в 1320 году женился в Костроме и был венчан в этом же соборе.

Храм был расположен на месте возникновения города, на неприметной речке Суле. В одной из писцовых книг того времени, когда он уже утратил свое первенство, приводятся данные о месте его нахождения: "На Суле, у Мшанской улицы, церковь стоит без пения – Феодора Стратилата". Когда она в очередной раз сгорела, ее уже не стали восстанавливать.

При втором пожаре совершились столь чудесные и знаменательные события, что мысль о новом храме не могла не возникнуть у всех, кто был их свидетелем. В охваченную пламенем церковь никто не смел войти. Чудотворная икона оставалась на своем месте, в алтаре. Была, конечно, надежда, что, как при первом пожаре, она останется невредимой – тогда люди этот образ "обретоша в пепле в третий день цел, ничим же неврежден и не прикоснуся к ему отнюдь огнь". Но как теперь?..

Пламя гудело, взметаясь огромным столбом... И вдруг ахнула пораженная толпа – из пламени медленно поднялась чудотворная икона. "Образ Пресвятыя Богородицы на воздусе превознесен над пламенем и невидимо ким держим бысть". Первое, что подумали видевшие это, что чудотворная икона покидает их, уходит в небо... "И вси людие, – пишет автор "Сказания...", – от жалости вопиюще и в перси своя биюще и друг ко другу преклоняюще выя своя и глаголюще: "О, отцы и братия, и сыновья и чада! се ныне видим Пресвятую Богородицу отходящу от града нашего и нас оставляет сирых". И вси со гласом умильно вопиюще сице: "О, Пресвятая Госпоже, Владычице наша Богородице... отшествие ли ты во кую страну твориши или на небеса восхождение Твое бысть?" – И вси людие возопиша из глубины сердца своего: "Не остави нас, Владычице, крепкая помощнице наша..." – И кождо их в себе помышляюще свое всякое согрешение и паки вси взирающе к чудотворному Ея образу и великим гласом вопиюще: "О, Пресвятая Владычице, всемирная рода христианского ходатаице к Сыну Своему и Богу нашему, не остави нас сирых вконец погибнуть без Твоея святыя великия помощи!"

Это были мольбы с плачем и покаянием, единодушный народный порыв к благому, торжество веры живой. И этим людям было дано по их вере новое чудо: "Видев Пресвятая Владычица наша Богородица, всемирная Помощница всему роду христианскому, неутешный плач и воздыхание и к себе непрестанное воззвание и умилосердися до рабов Своих, сниде к ним с воздуха на землю чудотворный Ея образ, и зрят вси людие – Пресвятыя Богородицы образ стоящ на земли никем поддержим, но разве ангелы Божиими".

Чудотворный образ не покинул Костромы, но в возобновленном деревянном соборе Феодора Стратилата он уже не был поставлен – заканчивалось строительство каменного собора.

В 1665 году в Кострому с низовьев Волги пришла "моровая язва". Для "утишения" ее костромичи построили "близ реки Костромы одним днем деревянную церковь во имя Богоотец Иоакима и Анны". А в память о соборе Феодора Стратилата, место которого заняла "обыденная" церковь, при соборе Успения Богоматери по указу царя Алексея Михайловича и по грамоте епископа Подонского Павла в августе этого же холерного года был устроен придел во имя святого великомученика. Деревянная церковь находилась рядом с монастырем Симеона Столпника. В 1760 году и деревянный храм, и монастырь были разобраны и на их месте началось строительство каменного храма с приделами Божией Матери, "празднования Ея иконы Феодоровския", и Симеона Столпника. Новый храм святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны освящен был в 1769 году.

Собор Феодора Стратилата исчез. Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери давно находится в Успенском соборе. Но традиция так крепка, что и несу-

ществующий уже храм продолжает жить! Несмотря на то что главным храмом уже не одно столетие был собор Успения Божией Матери, святительские и царские грамоты адресовались вплоть до начала XVII века в Кострому в основном на имя "протопопа соборныя церкви Феодора Стратилата" (имелся в виду протопоп Успенского собора). Царь Михаил Феодорович посылает грамоты уже протопопу "соборныя церкви Пречистыя Богородицы и Феодора Стратилата".

И.Ф.Тюменев, описывая в 1906 году Кострому, обращает прежде всего внимание на Успенский собор: "Левее от пристани, на крутом холме, возвышающемся над Волгою, почти против самого устья Костромы, находится главный городской собор, построенный еще в XIII столетии, но теперь благодаря различным пристройкам, перестройкам и переделкам, совершенно изменивший свою древнюю наружность. Собор был построен в кремле, стены которого разобраны лишь в начале XIX века, и на их месте разведены бульвар и городской сад".

После двух пожаров, совершенно истребивших собор Феодора Стратилата, князь Василий Костромской повелел "устроити малу древяну церковь без замедления на время некое", куда поместил чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, чудесно уцелевшую в пламени. Сразу же началось и строительство каменного собора. На западной стене его впоследствии можно было видеть надпись, где говорилось, что храм сей воздвигнут "тщанием великого князя Василия Ярославича, рекомого Квашни", и "при вспоможении костромских жителей". Храм освящен был в честь Успения Богородицы, но ради находящейся в нем чудотворной иконы его чаще всего называли Феодоровским (а также Пречистенским и Богородицким). Это большой летний храм о пяти золоченых главах, алтарь которого первоначально состоял из двух частей: справа – престол в честь великомученика Феодора Стратилата, слева – Успения Божией Матери. После перестройки храма в 1835 году, когда расширен был алтарь, престол Феодора Стратилата был перенесен на левую сторону, а его прежнее место осталось предалтарием. В 1776–1791 годах рядом был выстроен зимний каменный храм новой архитектуры с престолом во славу Богоявления Господня.

18 мая 1773 года страшный пожар охватил весь кремль и в нем древнюю соборную церковь – он уничтожил все ее сокровища, весь архив, в котором были редкие рукописи. Церковный историк пишет, что при этом "чудесным образом сохранилась только древняя, неоцененная святыня – явленный и чудотворный образ Божией Матери Феодоровския". Во время этого пожара выгорело множество зданий в кремле, в том числе церкви Крестовоздвиженского монастыря, который после этого был переведен отсюда в упраздненный Анастасиин. Возобновленный Успенский собор остался в кремле один, на просторе, что дало возможность пристраивать к нему необходимые помещения.

Костромская епархия учреждена в 1744 году. Подворье архиерея и кафедральный собор находились в Ипатьевском монастыре. Тем не менее центром духовной жизни являлся Успенский собор, который, не будучи в Костроме главным, имел значительные преимущества. Царь Михаил Феодорович, избранный в Костроме на царство в 1613 году, благословленный при этом чудотворным Феодоровским образом, которому он здесь вместе с матерью поклонялся и до своего воцарения, сделал его как бы придворным. Он назначил причту собора жалованье, "как в Москве", и предписал протопопу "с некоторою братиею", взяв подводы от казны, в дни празднования в честь чудотворного Феодоровского образа Божией Матери (14 марта и 16 августа по старому стилю) приезжать в Москву "к великому государю" со святою водой и просфорами. Таких привилегий не имел ни один храм России... Кроме того, Успенский собор получил исключительное право освящать все церкви в Костромской губернии. Успенский собор, еще не будучи кафедральным, был, как пишет его историк протоиерей П.Островский в 1855 году, "освященным местом для всех торжеств, церковных собраний и процессий, а вмещая в себе чу-

дотворный образ, был постоянною и единственною целью, к которой стремились вера и благочестие в лице усердных поклонников образа, от мала до велика, от последнего ремесленника и простолюдина до первого сановника и гражданина".

Слава собора и его святыни стала всероссийской. Все, кто плыл Волгой вверх или вниз, купцы и путешественники, считали долгом совершить поклонение Феодоровской иконе. "Самого низшего разряда люди, – пишет П.Островский, – чернорабочие на купеческих судах по Волге, занятые тяжкими трудами, едва доставляющими насущный хлеб, не имея ни времени, ни средств поклониться иконе Феодоровския Божией Матери, проходя мимо Успенского собора, благоговейно ограждают себя крестным знамением и с надеждою на Небесную Заступницу ожидают благодатной помощи в тяжких трудах своих, – ветер, подувший с юго-востока ("от Феодоровской", по выражению волгарей), подкрепляет и воодушевляет их полною надеждою "добежать" этим благодатным ветерком на парусах от Костромы до самой Рыбной".

Успенский собор, особенно его иконостас, сиял серебром, золотом и драгоценными камнями. Чудотворная икона в 1805 году была украшена окладом и ризою с венцом, вычеканенными из чистого золота девяносто второй пробы. По окладу шли эмалевые "дщицы" со священными изображениями евангелистов, херувимов, надписями. Внизу оклада был выгравирован полный тропарь Богородице. На оглавии и обоих плечах Богоматери сияли бриллиантовые звезды, корона была кругом обведена крупным жемчугом... Всюду с исключительным искусством прилажены были рубины, топазы, аметисты, яхонты, лалы, изумруды... каждый камень в золотом гнезде. Все это были пожертвования почитателей иконы – от самого царя до простого прихожанина, внесшего в это великолепие и свое драгоценное зернышко.

Неизвестно, как расписан был собор до пожара 1773 года. В 1775–1778 годах в нем трудились семнадцать ярославских живописцев. Внутри храма и на галерее были изображены сюжеты Библейской истории. Г. Лукомский и В. Лукомский в 1913 году в своей книге о Костроме описали фрески этого храма, посвященнные явлению и чудесам Феодоровской иконы. "Последовательно здесь изображено, – пишут они, – как Феодор Стратилат в день Успения носит икону по городу, как князь Василий в лесу увидел икону; далее изображены перенесение ее в Кострому, пожар в храме Феодора Стратилата, где первоначально была помещена икона, выход с иконой из Костромы против нашествия татар, битва с татарами за рекой Костромой у Святого озера и разные чудеса исцеления... Затем представлен Василий Квашня с конною свитою и собаками; на соборном перенесении иконы в Кострому изображен роскошный город (Кострома) с кремлем: на заднем плане – собор с золотыми главами, причем ворота в соборную ограду скопированы с натуры; а в изображении одного из чудес написана грандиозная крепость – на стенах, в амбразурах пушки и воины с ружьями и пиками".

Это был истинный дом Богородицы, благодатное место... Отсюда Ее Феодоровская икона шла на Запрудню к Спасу Нерукотворенному и, во множестве ежегодных крестных ходов, в храмы Костромы, а на четвертой неделе по Пасхе – ко второй кафедре костромского Владыки – в город Галич. На пути, в городах и селах, поднимаемая руками священников костромского Успенского собора чудотворная Феодоровская икона изливала неземной свет в сердца простых людей, падавших ниц при ее появлении... Она входила не только в храмы, но и в бедные избы, и в них также умилительно звучали слова молитв, а нередко и акафиста Феодоровской иконе: *Стена еси необоримая, Богородице Дево, всем к Тебе прибегающим: никтоже бо притекаяй к Тебе тощь отходит. Сего ради ущедряеми милостию Твоею, во умилении души возглашаем Тебе: радуйся, твердая стено, от враг видимых и невидимых охраняющая; радуйся, крепкая защито упование на Тя возложившим. Радуйся, познания истины чистое зерцало; радуйся, сохранения веры креп-*

кое забрало. Радуйся, грады и страны христианския предстательством Твоим от врагов спасающая; радуйся, царем благоверным поборающая. Радуйся, мир во градех селящая; радуйся, благонравным благоспешающая. Радуйся, силою молитв Твоих злыя помыслы в ничтоже обращающая; радуйся, силы врагов ближняго сокрушающая, Радуйся, юности наставление; радуйся, старости поддержание. Радуйся, Мати Божия, предстательнице и заступнице наша усердная.

Какую любовь приобрела чудотворная Феодоровская икона в пределах Костромского края, видно хотя бы из того, что в губернии насчитывалось более двадцати пяти церковных престолов, посвященных именно ее явлению. Они находились в основном в сельских храмах вблизи Галича, Буя, Нерехты, Кинешмы, Юрьева. Почти все эти храмы каменные и поставлены на месте древних деревянных в XVIII и начале XIX века. Многие из них разрушены. Погибло многое, а в конце 1930-х погиб и Дом Богородицы, Успенский собор... Он был взорван во время так называемой "безбожной пятилетки".

Но чудотворная икона не покинула "богоспасаемого града" Костромы – с 1964 года она находилась в храме Воскресения Христова, что на Нижней Дебре. До 1991 года это был кафедральный собор. Воскресенская церковь, как и Успенский собор, основана князем Василием Костромским и была сначала деревянная, а потом, в 1645–1651 годах, отстроена в камне "тщанием московского купца, костромича Кирилла Григорьевича Исакова и воскресенских прихожан". Храм, а вернее, храмы – их тут два, зимний и летний, – имеют шесть престолов. Царские врата придела Святой Екатерины, по преданию, относятся к XIII веку, то есть ко времени княжения Василия Ярославича.

Церковь Воскресения имеет светло-праздничный и очень оригинальный вид – шатры над кирпичными крылечками и на Святых Воротах; двенадцать глав, устроенных на разной высоте; в стенах квадратные углубления с белокаменными рельефными изображениями; арки опираются на короткие столбики; парные полуколонны между окнами; зеленая поливная черепица на главах; пестрая, в шашку, раскраска стен. В 1652 году храм был расписан мастерами дружины художников во главе с Запокровским. На стенах паперти сохранились фрески работы Гурия Никитина: "Адам и Ева в раю", "Изгнание Адама и Евы из рая", "Четыре всадника" (из Апокалипсиса) и другие.

Долго находилась тут Феодоровская икона Богоматери. Но вот закончилась реставрация огромного Богоявленского собора – ныне она там... Подойдите к ней. Она слышит и видит вас. Еще без ваших слов слышит она ваше моление: *Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятелище сирым и странным предстательнице, скорбящим радосте, обидимым покровительнице, зриши мою беду, зриши мою скорбь; помози ми яко немощну, окорми мя яко странна; обиду мою веси, разреши ту яко волиши; яко не имам иныя помощи разве Тебе: ни иныя предстательницы, ни благия утешительницы, токмо Тебе, о, Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков. Аминь. Пресвятая Богородице, просвети мя светом Сына Своего. Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя.*

V. БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ЦАРСТВО

Радуйся, во святей иконе Твоей яко
солнце в Костромских пределах возсиявшая:
радуйся, зде отрасль царственную возвеличившая

Акафист Феодоровской иконе Божией Матери, икос 11

"Многонародный и славный" град Кострома много раз подвергался разграблению – выгорали посады, обугливались храмы... Но чудотворная Феодоровская

икона Божией Матери оставалась здесь, никакая сила не была над ней властна. Слава ее росла. И вот в начале XVII века, в период Смутного времени, едва не погубившего Россию, Божия Матерь через Свою святую икону оказала русскому народу неоцененное благодеяние – внушила избранному всем народом царю Михаилу Феодоровичу Романову мысль не отказываться от скипетра и державы и благословила его на великое царство. Словно от страшного сна, очнулось разоренное литовцами и поляками Московское государство.

После смерти Бориса Годунова и краткого правления его сына Феодора Москву взял Лжедимитрий. Потом почти самозванно правил государством Василий Шуйский (1606–1610), так и не сумевший доказать народу свои права на царский трон. Затем являлись на Руси еще два Лжедимитрия... Польский король со своими войсками грабил русскую землю... Шведы захватили Новгород... Была опасность, что Русь, обессиленная, лишенная твердого правления, окатоличится и ополячится, будет расхищена, а то и уничтожена... Рим уже готовился праздновать подавление "схизмы", как там называли Православие.

Святейший Патриарх Гермоген, заключенный поляками в подземелье Чудова монастыря в Московском Кремле, слал русским людям тайные грамоты, поднимал вдохновенным словом на борьбу с "ворами" русские города. А, после того как поляки уморили голодом этого святого Патриарха, его дело продолжили монахи Троице-Сергиевой Лавры во главе с игуменом Дионисием и келарем Авраамием (Палицыным), а в Нижнем Новгороде – протопоп Савва и купец Минин.

Трудно коротко обрисовать многосложное, трагическое Смутное время. Страшные картины народных бедствий рисуют историки. Вот что пишет В. Назаревский в 1911 году: "По дорогам к обители Преподобного Сергия тянулись русские люди; на них было страшно взглянуть: они были истомлены голодом и болезнями; шли израненные: у одних были руки отсечены, у других глаза были вырваны из глазниц, у третьих на спине ремни из кожи были вырезаны. Шли они к Троице не для того, чтобы утолить свой голод или вылечиться. Нет, русские люди умеют безропотно умирать. Но для них тяжко кончать жизнь без церковного напутствия и жутко остаться без христианского погребения. И вот они шли в Троицкую Лавру за могилой и крестом. Этим сотням и тысячам приходивших сюда людей могли бы ученики Преподобного Сергия отказать в пище, одежде и лечении?!. Но вот что поразительно: как иноки Сергиевой Лавры, видя такое страшное погребальное – голгофское – шествие русского народа, не угасили в себе в эти дни мрачные, дни отчаянных ужасов, надежды и веры в возможность спасения Отечества, по всем признакам погибавшего безвозвратно. Нет, у них свеща веры и надежды, так ярко зажженная Патриархом Гермогеном, не погасла".

Иноки Лавры садились на коней и развозили всюду копии грамот Патриарха Гермогена. В конце 1611 года такая грамота попала в столицу Поволжья Нижний Новгород, была прочитана в храме и на площади, и народ отдал все свое достояние, чтобы составить ополчение для освобождения Москвы и восстановления русской монархии.

По освобождении Москвы от поляков у власти временно встали князья Пожарский и Трубецкой (ополченский и казачий начальники). "Москва от польских и литовских людей очищена, – говорилось в их грамоте. – Церкви Божии в прежнюю лепоту облеклись, и Божие Имя славится в них по-прежнему. Но без Государя Московскому государству стоять нельзя, печься о нем и людьми Божиими промышлять некому; без Государя вдосталь Московское государство разорилось все; без Государя государство ничем не строится".

В Москву были созваны из русских городов "выборные" – духовные власти, бояре, дворяне, купцы, "посадские и уездные люди". После многих молебнов и трехдневного поста Земский собор начал свои заседания в Успенском соборе

Московского Кремля. Поначалу стали решать, выбирать ли Государя из иноземных королевских домов или своего, русского. И было постановлено "литовского и шведского короля и их детей и иных немецких вер и некоторых государств иноязычных нехристианской веры – греческого закона – на Владимирское и Московское государство не избирать, а Маринки и сына ее на государство не хотеть, потому что польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушенье; литовский же король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом". Начали предлагать на царство своих, русских... Тут начались споры, крики, собор разделился на партии, каждая отстаивала своего.

Шли дни, страсти накалялись. В Неделю Православия, 21 февраля, на Красную площадь, где толпилась масса народа, ожидая соборного решения, вышли архиепископ Рязанский Феодорит, архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф, келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий и боярин Морозов. Собор послал их спросить у народа, кого они хотели бы видеть на московском царстве. И двух слов не успели они сказать, как со всех сторон площади прозвучало: "Михаила Феодоровича Романова!" В то же время на самом соборе были поданы записки с именем того же Михаила Феодоровича – с одной стороны, от дворян города Галича костромского, с другой – от казаков. В этот день и принято было решение об избрании нового царя.

Его, однако, в Москве в это время не было, и не знали точно, где он. Осенью он с матерью и дядей находился в "кремлевском сидении" у поляков, был освобожден ополченцами и покинул Москву. Земский собор составил посольство, включив в него людей от "всяких чинов", а также епископа Рязанского и Муромского Феодорита, настоятелей нескольких московских монастырей, келаря Троице-Сергиевой Лавры Авраамия Палицына, боярина Ф.И.Шереметева, князя В.И.Бахтеярова-Ростовского и других. Им были даны грамоты и подробный наказ – как, что и в каких возможных случаях говорить при встрече с "Государем царем и великим князем". Им было велено ехать "в Ярославль или где он, Государь, будет".

Михаил Феодорович не знал еще о своем избрании. От его согласия зависело теперь все. Москва замерла в тревожном ожидании.

Романовы издавна были влиятельными боярами. Тетка Михаила Феодоровича была первой женой царя Иоанна Грозного. После смерти царя Феодора Иоанновича отец Михаил Феодорович, двоюродный брат скончавшегося, пытался даже добиться царской власти. Говорили, что Феодор Иоаннович, умирая, сам вручил ему свой скипетр... У Бориса Годунова было меньше прав на Московский стол, но именно он оказался на нем. Ему мешал младший сын Грозного царевич Димитрий, живший с матерью в Угличе, но он был убит. Помехой являлись еще Романовы. Господь попустил им перенести разные несчастья перед последующим возвышением их рода.

Вероятно, с ведома Годунова было подстроено обвинение Романовых в покушении на жизнь царя: у них нашли какие-то "мешки с кореньями", якобы отраву, которую им, без сомнения, подкинули. К тому же, как сообщает Авраамий Палицын, "зело любляше Борис волхвы и звездочеты, и тии сказаше ему, что от рода Романовых востати имать скиптродержец Российскому государству". В 1601 году пять братьев Романовых были подвержены пыткам, а потом препровождены в заточение: Александр Никитич – в Усолье, Иван Никитич – в Пелым, Василий Никитич – в Яранск, Михаил Никитич – в великопермскую деревню Нырому, где содержался в цепях и кандалах огромной тяжести, в "порубе", то есть обложенной деревом темной и сырой яме. Несмотря на суровость присланных из Москвы "приставов", крестьяне передавали ему пищу и почитали его праведником, так как он страдал молча, не жалуясь, через год он умер. Отец же будущего царя, Феодор

Никитич, был разлучен с семьей, пострижен в монахи с именем Филарет и сослан в Антониево-Сийский монастырь Холмогорского уезда. Супруга его, мать Михаила Феодоровича, Ксения Ивановна, также насильно была пострижена в инокини с именем Марфа и сослана в Заонежье, в бедный Толвуйский погост, где ее морили голодом. Были сосланы, посажены в тюрьмы и лишены поместий многие из близких родственников Романовых – князья Черкасские, Репнины, Сицкие...

Сам Михаил Феодорович, которому было тогда пять или шесть лет, вместе с сестрой Татьяной и теткой, княгиней Черкасской, сослан был на Белоозеро, в Горицкий женский монастырь. Мать успела перед отъездом благословить его Казанской иконой Божией Матери, которую он впоследствии отдал в Макарьево-Унженский монастырь. В 1602 году княгине Черкасской было разрешено жить в ее костромском имении Клин. На пути туда она заехала в Макарьево-Унженский монастырь, которым тогда управлял старец Давид ("сын боярский, монашеский чин имущий"), очевидно родственник Романовых и сочувствующий им. Он посоветовал оставить мальчика в обители, под его надзором, чтобы оградить его от подозрительности Годунова. Княгиня Черкасская оставила отрока и поехала в свой Клин с сестрой будущего царя Татьяной. Его же из обители преподобного Макария взяла его мать, инокиня Марфа, уже после смерти Годунова, последовавшей 1 мая 1605 года.

Будущий самодержец провел детство в разъездах по разным обителям и отдаленным родовым вотчинам. В 1605 году, после смерти Годунова, инокиня Марфа стала жить с детьми в селе Клин, неподалеку от Юрьева-Польского, а в следующем году – в Ростове, где ее бывший супруг был поставлен митрополитом. Тогда же, в 1606 году, митрополит Филарет участвовал в прославлении мощей царевича Димитрия и перенесении их в Москву. В 1608 году он был схвачен поляками и уведен в их тушинский лагерь под Москвой, в стан Лжедимитрия II, осаждавшего русскую столицу. Там, очевидно по желанию многочисленного казачьего войска, бывшего в союзе с "тушинским вором", его нарекли Патриархом Московским. Патриарх Гермоген узнал об этом, но в то время он писал, что молится о тех, которые в плену, "как и Филарет митрополит и прочие, не своею волею, но нужею (нуждою. – *Ред.*)".

В 1610 году митрополит Филарет был по решению бояр отправлен послом к польскому корою Владиславу, в Смоленске снова был схвачен и заточен в Мариенбургскую крепость, где находился до июня 1619 года. В этом году он вернулся из заточения, был избран Московским и всея Руси Патриархом и стал вместе с сыном править Московским государством. При нем совершена была канонизация преподобного Макария Унженского и принесена в Москву в 1625 году послом персидского шаха подлинная риза Господня (хранящаяся доныне в Успенском патриаршем соборе Московского Кремля).

С осени 1612 года инокиня Марфа со своим сыном живет в наследственной костромской вотчине, селе Домнине, и в самой Костроме, где у нее был "осадный двор" в кремле. В Писцовой книге 1628 года этот двор описан следующим образом: "Переулок на Большую улицу к Водяным воротам... двор осадный Великия Государыни инокини Марфы Ивановны. Двора в длину семь сажен без чети, поперек полсеми сажени, опричь спорныя земли... Дворник Гришка, портной мастер". Этот двор находился в нескольких шагах от Успенского собора. Мать и сын были его прихожанами. Здесь поклонялись они чудотворному Феодоровскому образу Божией Матери, покровительством которой будущий самодержец и был спасен от напастей, сохранен для Московского престола.

Михаил Феодорович пережил в своей юности, павшей на Смутное время, много тревог – был в ссылке, в разлуке с родителями, в заложниках у поляков (он был свидетелем того, как голод доводил осажденных поляков до каннибализма). А осенью или в начале зимы 1612 года он едва не был убит... Полякам нетрудно

было еще и до решения Земского собора догадаться, кого могут на Москве избрать царем. Лазутчики их не дремали, разведывая, какое на этот счет мнение у бояр и в народе. Иначе зачем же было им посылать целый отряд в костромскую глушь, в далекое село Домнино на неприметной лесной речке Шаче... Там-то они едва не схватили будущего царя.

Вотчина инокини Марфы, полученная ею в приданое от "деда ее Василия Михайловича Шестова и отца ее Ивана Васильевича", находилась в семидесяти верстах от Костромы, в Буйском уезде, и состояла из двух сел – Домнино и Хрепели, тридцати двух деревень и пятнадцати починков. Всего здесь было 275 дворов и 1650 душ населения обоего пола. Боярский двор и церковь Воскресения Христова находились в селе Домнине. У инокини Марфы были еще владения в Галичском уезде и в Андобском стане. Из ее вотчины крестьяне не "бегали" – наоборот, от других владельцев стремились уйти сюда.

Староста Домнинской вотчины Иван Сусанин совершил подвиг – спас, приняв мученическую смерть, юного боярина Михаила Феодоровича Романова, может быть и не подозревая, что спасает для России царя. Будто бы согласившись проводить поляков в боярскую усадьбу, он завел их в непроходимое болото, ставшее могилой и для него, и для них. Этот факт не подлежит сомнению, но что касается деталей, то тут есть ряд версий и легенд, которые, впрочем, дают кое-что правдивое. Например, то, что отчество Сусанина – Осипович, что у него была замужняя дочь Антонида Сабинина, что родом этот святой мученик из деревни Деревеньки, что подвиг был совершен поздней осенью или в самом начале зимы, то есть до глубокого снега, – в снежную зиму в этих краях в лес только на лыжах можно пройти.

В 1834 году, во время своего пребывания в Костроме, император Николай Павлович одобрил идею установления памятника Ивану Сусанину и повелел Екатеринославскую площадь переименовать в Сусанинскую. 2 августа 1843 года памятник был заложен, при этом совершен был крестный ход из Успенского собора с несением Феодоровской иконы Божией Матери. 14 марта 1851 года, в день празднования в честь этой святой иконы, памятник был открыт.

Зимой 1612/13 года инокиня Марфа с сыном ездила в Макарьево-Унженский монастырь, за 120 верст от Костромы. В рукописном житии преподобного старца Макария, хранившемся в обители, говорится: "Прииде в монастырь Унженский благоверная великая старица инока Марфа Иоанновна из Костромских предел, из вотчины своея на поклонение гробу святого и молитвы ради с пречестною своею отраслию, с сыном своим благоверным отроком Михаилом Феодоровичем Романовым, иже потом вскоре бысть милостию Божиею Государь царь и великий князь Всея России. Тии убо мати с сыном много моление у гроба святого Макария сотвориша, молящеся Богоносному Отцу, да поможет им своим ко Христу ходатайством в печалех их и да сподобит я видети блаженнаго воистину и много добродетельнаго преосвященнаго Филарета, митрополита Ростовского и Ярославского, в Польше тогда удержаннаго".

В январе – феврале 1613 года инокиня Марфа и Михаил Феодорович жили в Костромском кремле в своем осадном дворе под защитой находящейся рядом в Успенском соборе Феодоровской иконы Божией Матери. Приближался Великий пост, и они ежедневно посещали храм и молились Царице Небесной. 21 февраля начался пост. По обычаю русских бояр мать и сын, взяв благословение у соборного протопопа, перешли на это время в Ипатьевский монастырь, чтобы уже в течение всей четыредесятницы не отвлекаться от молитвы ничем мирским. Архимандрит монастыря отвел им подобающее жилье в своей обители. На месте домика-келлии, где они тогда жили, позднее, в 1860–1863 годах, были построены так называемые палаты бояр Романовых (по образцу московских). Главный храм монастыря – Троицкий собор, где молились Михаил Феодорович с матерью и где

произошло вскоре его воцарение, был меньше теперешнего, построенного в 1650–1652 годах при царе Алексее Михайловиче. Ипатьевский монастырь основан был предком Годуновых Захарием. В 1613 году Ипатьевский монастырь, как и все церкви и монастыри Костромы, относился к Ростовской митрополии, а Ростовским митрополитом был отец Михаила Феодоровича, находившийся в это время в польском плену.

Московское посольство из Ярославля прибыло в Кострому "в вечерни" 13 марта. Точнее, оно прибыло в местечко Селище, в одной версте от города, и остановилось там в доме старого князя Глинского, дяди царя Иоанна Грозного. "И приидоша к ним градодержатели со множеством народа", – пишет Палицын. Дали знать Михаилу Феодоровичу о приходе послов и его избрании на царство. Условились с костромским духовенством о порядке церемонии.

14-го утром на льду реки Костромы встретились два крестных хода: московское многолюдное посольство с чудотворной Владимирской иконой Божией Матери и другими святынями и костромской освященный собор в преднесении чудотворного Феодоровского образа Небесной Заступницы в сопровождении многочисленных жителей города. Отсюда они двинулись к воротам Ипатьевского монастыря. Навстречу им из Святых ворот вышел архимандрит обители с братией, а с ними старица Марфа и ее сын Михаил Феодорович.

"Благоверный же и благородный Государь Михаил Феодорович, Богом избранный Царь и Государь, и мать его, благоверная государыня инока Марфа Ивановна, – пишет Авраамий Палицын, – изыдоша во сретение за Святые ворота: и вземше благословение от архиерея и знаменавшася (приложившаяся. – *Ред.*) к честным инокам, и тако поидоша со архиепископом и со освященным собором и с царским синклитом в церковь Святыя Живоначальныя Троицы. Вшедшим же в церковь архиепископ же Феодорит принесе пред Государыню и пред государя многомолебное писание от всего освященного собору и от боляр, и от всего воинства, и от христоименитого народа Российския державы, чтобы государыня пожаловала, благословила сына своего, благородного государя Михаила Феодоровича Царем и Государем на Московское государство и над прочими государствы Российския державы; тако же бы и благоверный великий государь Михаил Феодорович милость показал, прошения их пожаловал, не презрел. Благоверная же государыня инока Марфа Ивановна слышати того не восхоте. Архиепископ же Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы. Государыня же на милость не положила. От очию же ея источницы слез изливахуся".

"Челобитье" посольства длилось от трех часов дня до девяти вечера. А "инока" Марфа долго не благословляла Михаила на царство потому, что, как говорила она, "сын мой еще не в совершенных летах, да притом Московского государства люди измалодушествовались – давали свои души прежним московским государям и не прямо служили им... Как же можно быть на Московском государстве государю, видя такое непостоянство и клятвопреступления, и убийства, и поругания над прежними государями?.. Мне благословить сына своего на царство разве на одно погубление: отец его, митрополит Филарет, ныне в плену, у короля в Литве в великом утеснении; сведает король, что по прошению и по челобитью всего Московского государства учинится государем его и мой сын, – король тотчас велит над отцом его, митрополитом Филаретом, какое-нибудь зло сделать". На все это были ей даны самые убедительные ответы – было сказано о хитростях, неправде, которыми достигали "прежние государи" Московского стола, о плане вернейшего обмена митрополита Филарета на именитых пленных литовцев (это и удалось сделать, но только через шесть лет).

Народ, бояре, монахи, священники – все плакали, стоя на коленях и умоляя Михаила Феодоровича "исполнить волю Божию" – быть Государем на Москве.

Боярин Шереметев и князь Бахтеяров-Ростовский держали перед Михаилом Федоровичем царский посох, но он не брал его. Наконец архиепископ Феодорит сказал, указывая на чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери: "Пречистая Божия Матерь возлюбила тебя, устыдись пришествия Ея! И если ты, Государь, не пожалуешь, презришь наше слезное челобитье, а ты, инока Марфа Ивановна, не изволишь благословить сына своего на царство, то все люди будут в сетовании и печали, а Московское государство придет в конечное запустение от неприятелей, и святые Божии и Апостольские церкви, и многоцелебные мощи, и чудесные иконы будут поруганы, и станется истинной православной христианской вере и православным христианам разорение и расхищение, и все это за души православных христиан взыщет Бог на тебе, Государь Михаил Феодорович, и на тебе, на великой старице иноке Марфе Ивановне".

Как пишет историк, после этого "мать земная, взяв державного сына и подведя к образу Богоматери Феодоровской, поручила своего возлюбленного покровительству Небесной Матери, Заступницы всех скорбящих: "Буди святая воля Твоя, Владычице! В Твои пречистые руки предаю чадо свое, настави его на путь истины, на благо ему и христианству!"

Михаил Феодорович принял царский посох. Великая радость охватила всех. "Все же ту сущие возрадовашася радостию великою зело, – пишет Авраамий Палицын, – тоже и множество народа с женами и детьми от великия радости многи слезы испущаху. И в той же час возложиша на государя пречестный и животворящий крест, и жезл царский приим в руку свою и седе на стуле царском и наречен бысть Богом избранный благородный и благоверный великий Государь, царь и великий князь Михаил Феодорович, всея Русии самодержец".

Исполнилась воля Божия! Спасена Россия!.. Началось торжественное богослужение. Этот день – 14 марта – стал праздником чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, благословившей первого Государя из рода Романовых на Российский престол. Икона стала покровительницей новой династии. С нее были сняты копии для царской семьи, для придворного храма Рождества Богородицы в Московском Кремле. Один из богато украшенных списков Государь подарил костромскому Успенскому собору. Драгоценные, искусно выработанные украшения прислал он для чудотворной иконы.

Каждый год 14 марта в Москве в придворном храме совершалась литургия явленной чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, а если случались постные дни – этот и накануне, то праздник переносился по указу царя на другое число, потому что эта служба совершалась "по Благовещенской главе", то есть праздник Феодоровской иконы был приравнен к празднику Благовещения. Впоследствии в этот день по указу императрицы Елизаветы Петровны в придворной церкви читали акафист Богоматери перед Феодоровской Ее иконой. Празднование совершалось с великой торжественностью, при участии Патриарха и епископов, в присутствии царя и его семьи.

5 мая 1613 года в Железноборовском монастыре, в тридцати верстах от села Домнина, открыты были мощи великого костромского чудотворца преподобного Иакова. Открытие сопровождалось чудесами. Оно было воспринято как "знамение того, что молитва чудотворца Иакова будет споспешествовать юному царю в управлении государством, которое было разорено, обессилено и потрясено продолжительными смутами", – говорится в житии этого святого. А в октябре 1621 года открылись чудеса у гроба преподобного Авраамия Галичского и Чухломского, ученика Преподобного Сергия, игумена Радонежского. После донесения игумена Покровского монастыря на Чухломском озере (где и покоятся мощи преподобного Авраамия) царь Михаил Феодорович и Патриарх Филарет нарядили для проверки этих чудес игумена костромского Крестовоздвиженского монастыря Макария "с товарищи". Чудеса подтвердились, прославление великого святого было со-

вершено и день празднования преподобному Авраамию был установлен 20 июля. Сюда, в Покровский монастырь, царь Михаил Феодорович вскоре прислал "Богомоленную грамоту", чтобы "Бога молить за Государя, супругу его Евдокию Лукьяновну и царевну Ирину Михайловну". Вообще в Костромском крае в 1620–1630 годах совершилось множество чудесных событий; среди них главное место занимают чудеса от икон Богородицы в Кадые, Нерехте и в Богородицко-Игрицком монастыре.

В сентябре 1619 года, исполняя свой обет прийти в костромской Макариево-Унженский монастырь на поклонение по освобождении отца, митрополита Филарета, из плена, царь Михаил Феодорович с матерью отправились в монастырь в сопровождении свиты, состоящей из множества знатных лиц. 12 сентября царь писал к отцу, что слушал "в Соборней Апостольстей церкви у чудотворныя образа Пречистыя Богородицы, глаголемыя Феодоровския, всенощное пение и утреннюю, и Литургию, и молебные благодарения". Затем он поехал в Домнино и оттуда в монастырь. От села Спасского он двадцать верст шел пешком, а за ним шли князья и бояре.

Поклонение чудотворной Феодоровской иконе стало обычаем для всех представителей царствующего рода Романовых. 14 мая 1767 года в Кострому на галере "Тверь" прибыла императрица Екатерина II. На следующий день она посетила Успенский собор для поклонения Феодоровской иконе Божией Матери.

Император Николай Павлович, приехав в Кострому по пути в Нижний Новгород 7 октября 1834 года, 8-го в 10 утра отправился в Успенский собор. У ворот его встретил весь причт храма во главе с архиепископом Павлом. У них в руках были хоругви, кресты, святая вода и чудотворный образ Богородицы. Как пишет священник Е.Вознесенский (1859 год), "по окроплении Государь изволил шествовать к собору по помосту, устланному белыми полотнами, в предшествии преосвященного, двух архимандритов и всего градского духовенства в белых парчовых рясах". В соборе во время молебна "Государь прикладывался к святым иконам Спасителя и к чудотворной Феодоровской, которой поднесенную преосвященным копию изволил принять и выслушать объяснение архипастыря о древности чудотворного образа и его чудотворениях и сказание о том, что сей святый образ был приносим в обитель Ипатия в день умоления царя Михаила Феодоровича – и его матери". В тот же день Государь отбыл в Кинешму. Там он пешком отправился в собор, как и в Костроме, называвшийся Успенским. "Государь изволил спросить настоятеля собора, где чудотворная икона Божией Матери, потому что Его Величество был предварен во время переправы через Волгу депутатом от общества о чудотворной иконе Божией Матери Феодоровской – по преданию народа, вкладе царя Михаила Феодоровича. Государь, учинив троекратное поклонение пред сею святою иконою, приложился к ней".

13 мая 1837 года приехал в Кострому путешествующий по России со свитой цесаревич Александр Николаевич, будущий царь – освободитель крестьян Александр II. В составе его свиты был его наставник поэт Василий Андреевич Жуковский. В день приезда они поспешили в Успенский собор и после службы, трижды совершив коленопреклонение, приложились к Феодоровской иконе Божией Матери. 14 мая цесаревич осматривал город, а 15-го – через Судиславль (где побывал в соборе, имевшем несколько редких списков с Феодоровской иконы) и Макарьев отбыл в Вятку.

8 августа 1850 года Кострому посетили великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич – они молились в Успенском соборе перед Феодоровской иконой, а также в Ипатьевском монастыре и в приходской Воскресенской церкви, что на Нижней Дебре.

В 1858 году – 15 и 16 августа – император Александр II был в Костроме с императрицей Марией Александровной. Это были праздники Успения Божией Ма-

тери, Спаса Нерукотворенного и явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Оба дня они присутствовали на богослужении в Успенском соборе.

Император Александр III побывал в Костроме 22 июля 1881 года проездом из Нижнего в Рыбинск на пароходе "Отважный". "Помолившись в кафедральном Успенском соборе пред чудотворной иконой Божией Матери, – писала епархиальная газета, – Их Величества проследовали в Ипатьевский монастырь". Император Александр III был с супругой Марией Феодоровной и сыновьями Георгием и Николаем, наследником цесаревичем, будущим царем-мучеником – это было его первое появление в Костроме у Феодоровской иконы Богоматери. Следующее его посещение Костромы состоялось 19–20 мая 1913 года – в эти дни здесь праздновалось трехсотлетие императорского Дома Романовых.

19-го в девять утра, когда на Волге показалась царская флотилия, начался колокольный звон во всех церквах и орудийный салют. Из Костромы к Ипатьевскому монастырю направился крестный ход с Феодоровской иконой – так, как и триста лет тому назад... В это время император с супругой, дочерьми, наследником цесаревичем и многочисленной свитой, в которой находились потомки и правопреемники тех людей, которые триста лет тому назад прибыли сюда в составе посланного московским Земским собором посольства. Архимандриты и протоиереи держали священные реликвии – атрибуты тогдашнего посольства: крест, фонарь, Владимирскую икону и царский посох...

Царь проследовал к Троицкому собору, отсюда через Екатерининские ворота – навстречу прибывшему к этому времени сюда крестному ходу из Костромы. Здесь скопилась масса народу, больше всего крестьян из ближних и дальних костромских деревень. Были тут и потомки Ивана Сусанина. Сцена была потрясающая: у всех были слезы на глазах, все крестились... Император и члены его семьи приложились к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Затем все направились в Троицкий собор, где архиепископом Костромским и Галичским Тихоном была совершена Божественная литургия, а после нее – молебен Феодоровской иконе Божией Матери.

Утром следующего дня, как сообщала епархиальная газета, "Их Императорские Величества с Наследником Цесаревичем, Августейшими дочерьми и особами императорской фамилии изволили прибыть к кафедральному собору. Государь император был в форме Эриванского полка, наследник – в форме 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского, Государыня императрица – в ленте Андрея Первозванного, Великие княжны – в Екатерининских лентах. На площади были выстроены Эриванский и Пултусский полки и сотня Гребенских казаков... Затем Государь император и Государыня императрица с августейшими детьми изволили проследовать в собор... По приложении ко кресту и окроплении святою водой Их Величества, в предшествии архиереев, при пении певчими тропаря "Спаси, Господи, люди Твоя...", изволили проследовать в храм-галерею и вступить в оный юго-западными дверьми. Затем при пении певчими тропаря "Пришествием честныя Твоея иконы..." Их Величества с Августейшими детьми приложились к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. После сего архиепископ Тихон, подошедши к Царскому месту в сопровождении соборных протоиереев, державших святые иконы, обратился к Их Величествам с следующей речью: "Ваши Императорские Величества! Когда благоверный Государь Михаил Феодорович, после долгого раздумья и неоднократных отказов, изъявил наконец свое согласие принять царский скипетр Державы Российской – это было три века назад в Костроме, в Ипатьевском монастыре, – тогда родительница его, старица инокиня Марфа Иоанновна, взяв сына за руку и вместе с ним преклонив колена пред чудотворною Феодоровскою иконою Божией Матери, произнесла эти замечательные слова: "Се, Тебе, о Богомати, в Твои пречистые руки вверяю сына моего. Наставь его на истинный путь, устрой все полезное ему и всему христианству". Феодоровской

же иконой Божией Матери она благословила потом сына своего на царство. С тех пор Феодоровская Богоматерь является всегдашней помощницей и покровительницей наших прославленных русских царей из дома Романовых. Ея всемощный и благодатный покров да будет неизменно распростерт и над вами, Благочестивейший Государь и Благочестивейшая Государыня, над Благоверным государем Наследником Цесаревичем и над всем царствующим Домом. Костромской кафедральный собор бьет челом Вашим Императорским Величествам. Благоволите принять в благословение эти святые иконы Феодоровской Божией Матери". При этом архиепископ благословил Их Величеств и Наследника Цесаревича иконами от собора".

После службы происходила торжественная закладка памятника трехсотлетия царствующего Дома Романовых. Царь и его семья пришли сюда с крестным ходом, несшим чудотворную Феодоровскую икону. Архиепископ совершил на месте закладки молебен с водосвятием, затем император Николай и члены его семьи уложили по кирпичу, которые тотчас были залиты цементом. Крестный ход возвратился в собор, а император с семьей направился в церковь Воскресения Христова на Нижней Дебре, где "изволил обозревать достопримечательности этого древнего храма".

После приема разных депутаций в саду губернского дома, уже в заключение дня, Государь передал губернатору десять тысяч рублей "для раздачи бедным города Костромы".

Копия Феодоровской иконы Божией Матери для императрицы-мученицы Александры Феодоровны была великой святыней, с которой она впоследствии не расставалась. При ней была икона и в Екатеринбурге, и найдена была она в доме Ипатьева после убийства царской семьи.

VI. ИКОНА

Великий князь Василий Ярославич повелел выстроить каменный храм для помещения в нем чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. В древней повести говорится: "Егда совершиша каменную церковь внутри града во имя Пречистыя Богородицы, честнаго Ея Успения, а в приделе Великомученика Феодора и сию чудотворную икону с подобающею честию принесоше от церкви Великомученика Феодора в созданную каменную во имя Ея церковь, и поставиша подле Царских дверей против правого клироса". То есть образ находился не в иконостасе, а в особом киоте. Долго ли так было – неизвестно. Из соборной описи 1702 года следует, что Феодоровская икона находится уже в числе местных образов в иконостасе, по левую сторону от царских врат.

Икона всегда была украшена с исключительной щедростью. Уже князь Василий Костромской "повеле чудотворную икону Пречистыя Богородицы украсити златом и сребром и камением драгим, и бисеры многоценными и жемчуги осадити драгими". Более подробно о драгоценном наряде иконы говорится в Писцовых книгах 1628–1630 годов. В первые годы своего царствования Михаил Феодорович богато одарил костромской Дом Богородицы. "Данье" царя занимает немало строк в Писцовых книгах. Тут перечислены "воздухи и покровы, и ризы, и епитрахили, и стихари и поясы, и поручи, и пелены и Евангелия, и крест, и кадило и сосуды, и паникадило", а также "колокол большой благовестной в двести пуд"... Царь Михаил Феодорович внес в сокровищницу Успенского собора для Феодоровского чудотворного образа много золота и драгоценных камней, в том числе особого рода подвески, называемые "рясны" (шириною около пяти и длиною около сорока сантиметров), "низанные в решетку по золотой фольге крупным жемчугом, с золотыми колодками и кольцами, из которых первые украшены цветными драго-

ценными камнями – изумрудами, и яхонтами, и бурмицкими зернами. Эта драгоценность уцелела после трех пожаров, бывших в XVIII столетии" (описание собора, составленное в 1855 году). На колодках рясн была вычеканена надпись: "Божиею милостию Великий Государь, Царь и Великий князь Михаил Феодорович, всея России самодержец и великая старица Марфа Иоанновна приложили сии рясны на Кострому в Соборную церковь к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския, в пятое лето государства своего".

В праздничные дни Феодоровская икона украшалась накладной жемчужной ризой. "На этой ризе, – говорится в том же описании, – по грунту мелкого жемчуга низаны травы и разводы самым крупным жемчугом. Между звездами восточного хрусталя устроены: эмалевый крест и золотые скобы, украшенные довольным количеством яхонтов и алмазов. Между многими цветными камнями считается достойным особенного внимания ювелиров лазоревый с рельефным изображением Святителя Николая". "Повседневный" наряд чудотворной иконы также поражал своей роскошью – это богатство стекалось к ней от усердных ее почитателей всякого звания, и не только от богатых людей. Конечно, все это золото, все эти переливающиеся яркими красками драгоценные камни здесь, в храме, на иконе, не ценятся именно как драгоценности – они имеют другой, духовный смысл: во-первых, как украшения подлинные, нефальшивые (все поддельное – ложь), а во-вторых, как символ райской радости, неизреченного света, как духовный праздник.

Что касается самого образа, его живописи, то старинные краски на нем несколько столетий не тускнели, хотя икона, как мы уже знаем, и стояла под открытым небом до построения монастыря в Городце и не раз побывала в пламени. В 1636 году было замечено, что начала тускнеть покрывающая лики Богоматери и Богомладенца олифа. Об этом было донесено в Москву, самому Патриарху. Первое торжественное поновление иконы совершалось 4 мая 1636 года по указу царя Михаила Феодоровича и Патриарха Филарета, писанному 20 апреля этого года и обращенному ко всему священству и к костромскому градскому начальнику князю Иоанну Феодоровичу Шаховскому. В "Сказании..." об этом поновлении говорится, что "во дни благочестивыя державы Великого Государя нашего, Царя и Великого князя Михаила Феодоровича всея России, и отца его и богомольца Святейшего Филарета, Патриарха Московского и всея России... сия благочестивая двойца совет благ между собою сотвориша, еже бы им с чудотворного и святого Ея образа Пресвятыя Богородицы Феодоровския древняя олифа снять, бе бо от многих лет и престарелась вельми, и еже бы им обновити новою олифою, наипаче же пресветлым торжеством или празднеством. И тако грамоты своя писаша на Кострому... и собравшимся всем архимандритам и игуменам во святую Божию соборную и апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, архимандрит Тихон Ипацкого монастыря, и игумен Ферапонт Богоявленского монастыря и прочие игумены, и протопоп Феодор и вси священницы и диаконы, и градские начальники". Так благоговейно поновлялась великая святыня. По снятии древней была наложена новая олифа. В тот же день, 4 мая, у поновленной иконы получил исцеление юноша по имени Моисей, одержимый бесом. В то время когда архимандрит Тихон осенял народ крестом, этот юноша, стоявший среди молящихся, упал и начал кататься по полу, скрежеща зубами. Народ в страхе расступился... Но после того, как архимандрит окропил бесноватого святою водой, освященной в день поновления иконы, тот встал на ноги совершенно очищенным. Чудеса Феодоровской иконы продолжались; в течение 1636 года их совершилось еще семнадцать.

Второе поновление – замена олифы и обветшавшего киота – произведено при царе Феодоре Алексеевиче и Патриархе Иоакиме в апреле 1677 года, в еще более торжественной обстановке, на глазах всего священства и прихожан ("вси граж-

дане, мужи и жены и с малыми младенцы"). Третье поновление чудотворной иконы совершено в 1745 году, при императрице Елизавете Петровне, – об этом на внутренней стороне ее драгоценного оклада была сделана запись. Здесь сказано, что икона поновлена "зографством и украшением сребра и злата" и что "трудился изограф города Ярославля иерей Иоанн Андреев". Историк-костромич П.С.Троицкий в своей книге "Костромской край" (1913) отмечает, что икона обновлялась три раза, но что "всегда иконописное обновление не касалось существа св. иконы, ликов Богородицы и Богомладенца. Были поправлены только одеяния Божией Матери и Младенца, которые под окладом могли портиться".

Священник П. Островский в своем "Историческом описании Костромского Успенского кафедрального собора" (1855), описав эти три поновления, замечает, что "до сего времени не видно надобности в поновлении, потому что св. изображение, покрытое слюдою, доселе сохранило краски от повреждения: время от времени переменяется одна слюда".

Протоиерей И. Сырцов писал в 1908 году в "Костромских епархиальных ведомостях" (№ 21): "Наша благоговейно чтимая Феодоровская чудотворная икона в продолжение с небольшим 100 лет (1636–1745) была поновлена три раза: в первые два раза была покрыта новою олифою, в третий же раз не обошлось без поправки иконописи, обновлена "зографством". Но те указания, какие были даны Патриархами и Святейшим Синодом в руководство при обновлении иконы, и те предосторожности, какие были соблюдены при этом, дают нам полное ручательство в том, что обновления не касались существа св. иконы, не касались ликов Пречистой Богородицы и Богомладенца. Лик был и остается тот, какой был на иконе в XIII столетии. По крайней мере, Св. Синод предписывал, чтобы "образ письмом обновлен был во всем противу прежнего письма безотменно". Мы разумеем в этом случае указание лишь на поправку одеяния Божией Матери, которое под окладом могло испортиться и действительно портится легче всего. Очертания этой поправки под ризой сохранились до наших дней. Но сравнительно с ликом Матери Божией и Богомладенца они, пожалуй, требуют новой поправки. Лики же Божией Матери и Богомладенца, покрытые слюдой, хотя и темноваты, но отличаются чудной свежестью".

Это было писано, напомним, в 1908 году. К трехсотлетию Дома Романовых вышло несколько изданий, где была воспроизведена чудотворная икона. Лучшая из репродукций, цветная, при снятой с иконы ризе помещена в книге с таким длинным названием: "Летописный и лицевой изборник Дома Романовых. Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования" (вып. I. М., 1913). Это большеформатное роскошное издание. Икона воспроизведена мастерски – заметны малейшие трещинки. Лики Богоматери и Богомладенца хорошо видны. Несколькими годами раньше был напечатан черно-белый фотоснимок с Феодоровской иконы, очень четкий (икона здесь в окладе, но лики ясно вырисовываются), в ученом издании "Вестник археологии и истории" (вып. XIX, 1909).

Не забудем, что это одна из древнейших русских чудотворных икон, что история ее явления и чудеса, с ней связанные, несомненны, так как всегда происходили на глазах большого числа людей, а потому и попадали в летописи, древние сказания и повести, и в особенности в церковные службы, акафисты, молитвы...

Итак, темнела олифа, но лики Богоматери и Богомладенца оставались ясными. Фоторепродукции это подтверждают. Последние снимки относятся к 1913 году. И вот к 1919 году чудотворная икона катастрофически потемнела, изображений вовсе не стало видно! Если вспомнить все беды, через которые она прошла невредимой в течение столетий, то будет ясно, что это потемнение нельзя объяснить плохими условиями ее хранения и тому подобными причинами. Лучше вспомнить, что произошло за эти семь лет (1913–1919) в России: первая мировая война;

вынужденное отречение Государя от престола, незаконное лишение свободы всей царской семьи вместе с Государем, незаконная же ссылка в Тобольск (1 августа 1917 года); революция в октябре того же года; зверское убийство царской семьи в Екатеринбурге (в ночь с 3 на 4 июля 1918 года по старому стилю). А ведь Феодоровская икона Божией Матери – покровительница законной русской царской династии и тем самым покровительница Православной России. Конечно, изображение на иконе есть, но оно ушло от наших глаз, таинственно скрылось; может быть, не ошибусь, сказав, что в осуждение нам, всем нам, всему народу, допустившему недопустимое – убийство царя. Епископ Костромской и Галичский Кассиан в 1980-е годы задумал реставрацию этой иконы, но однажды, когда он молился перед ней, он увидел совершенно живую руку Богородицы (как бы даже во плоти). Видение продолжалось долго, и Владыка был потрясен. Стало ясно – и ему и всем, что надо ждать самообновления иконы. Пречистая вернет нам Свое изображение на ней, но – когда? Ответ напрашивается только такой: когда народ принесет свое покаяние Богу, вернется в Церковь Христову...

В 1919 году потемневшая икона попала в реставрационную мастерскую известного искусствоведа И.Грабаря, который сделал попытку "расчистить" ее. Реставратор недоумевал – перед ним была совершенно черная доска... Попробовал потравить какими-то составами – увы! ничего... И он отдал икону костромскому священнику Николаю Голоушину, который был в мастерской и не отходил от иконы во время реставрации. Икона вернулась в Кострому. И это был единственный случай, когда она покинула свой город.

Не презри слез наших, – говорится в молитве к Феодоровской иконе Божией Матери, – *не возгнушайся воздыханий наших, не отрини скорби нашея, не посрами упования нашего на Тя, но материними молении Твоими умоли Господа Бога, да сподобит нас грешных и недостойных свободитися от грехов и страстей душевных и телесных, умрети миру и жити Ему единому по вся дни живота нашего. И далее: Отврати всякий гнев, на ны праведно движимый. Даруй нам время на покаяние и обращение...*

Списки с Феодоровской иконы не так распространены, как с других чудотворных икон Божией Матери, особенно Казанской и Владимирской. Но там, где они были (и есть), они пользовались особенным вниманием прихожан. Для копий Феодоровской иконы Божией Матери характерно то, что они – весьма часто – сами становились чудотворными. Такова копия, еще в древние времена (но, конечно, уже после явления чудотворной иконы в Костроме) появившаяся в Феодоровском монастыре Городца Волжского. Чудотворными были копия Феодоровского образа в часовне на Святом озере под Костромой, а также копия в Спасо-Преображенском монастыре города Белёва (в Пафнутиевском приделе главного собора). Этот образ имел надпись: "Писан с чудотворного образа Пресвятыя Богородицы Феодоровския, еже во граде на Костроме". Такой же чудотворный список иконы был в казанском Феодоровском женском монастыре. Древние чудотворные копии были в кинешемском Успенском соборе и в одном из храмов Рязани. В XVIII веке возле города Кашпира Сызранского уезда явилась неизвестная копия Феодоровской иконы Божией Матери, а немного ранее, в конце XVII века, чудотворной стала копия этого образа, написанная в Костроме известным иконописцем Гурием Никитиным для Феодоровского храма в Ярославле.

В городе Судиславле (на пути из Костромы в Галич) есть четыре списка с Феодоровской иконы, – два из них явно древние (один, большой, – перед правым клиросом). В самой Костроме были – и есть – замечательные копии. В кафедральном Успенском соборе их было три, одна из них – над северным входом в алтарь – дар царя Михаила Феодоровича (1619 год), богато украшенная. Это так называемая Малая Феодоровская икона. В храме Воскресения Христова на Нижней Дебре есть замечательная по письму копия чудотворной Феодоровской ико-

ны, пожертвованная в XVII веке ктитором церкви купцом Исаковым, ее строителем. Здесь же – Феодоровская икона Богоматери с клеммами, изображающими ее чудотворения. Четыре специально написанные копии Феодоровской иконы сопровождали в 1812 году четыре полка костромского народного ополчения. Ими благословил эти полки архиепископ Костромской и Галичский Сергий. Костромичи преследовали уходящего врага в пределах России, а затем воевали в Германии, где особенно отличились при взятии крепости Глогау. Одна из этих икон оказалась впоследствии в селе Дмитровец Смоленской губернии, в церкви Покрова Богородицы, где в 1850-е годы она прославилась чудесами. В Солигаличе в 1892 году образован был Феодоровский женский монастырь, в котором Феодоровская икона Богоматери, копия с чудотворной, была главной святыней.

В Москве, в Кремле, в придворной церкви Рождества Богородицы, есть копия Феодоровской иконы, принадлежавшая матери царя Михаила Феодоровича иноките Марфе – это ее благословение сыну, а в лице его и всем последующим представителям династии. Русские цари в Москве всегда с большой торжественностью праздновали у этой иконы 14 марта – день восшествия на престол Михаила Феодоровича Романова.

В Москве было еще несколько древних копий с костромской святыни: в Новоспасском и Даниловском монастырях, в церкви Живоначальныя Троицы на Шаболовке – эта последняя имела надпись: "Сей святый образ списан с чудотворного образа Пресвятыя Богородицы, нарицаемой Феодоровския, яже во граде Костроме, 1717 года, писал костромитин Василий Никитин". У этой иконы совершались чудеса уже в XIX веке, что вызвало поток пожертвований. Перед ней еженедельно совершался молебен с чтением акафиста Феодоровской иконе Божией Матери. Ежегодно праздновалось чудесное явление Феодоровской иконы в соборе Нижегородской ярмарки. В городе Моршанске (Тамбовской губернии) праздновался день 14 марта – совершался крестный ход с Феодоровской иконой, "приложенной" сюда усердием костромских купцов. Крестный ход следовал из Софийского собора в церковь Феодоровской иконы Богоматери, где совершалась литургия.

Около 1713 года чудесно явилась копия Феодоровской иконы Богоматери на ручье возле города Кашпира Сызранского уезда (еще одна чудотворная Феодоровская икона на Волге). Ее обнаружили пастухи. Она стояла у воды на камне. Жители городка попросили духовенство перенести ее в местную церковь, что и было исполнено. Но на другое утро она оказалась на прежнем месте, у ручья. После второго торжественного ее перенесения она осталась в приходском храме, но ненадолго. Жители Сызрани, испросив разрешения у духовного начальства, перенесли чудотворную икону в свой город, в кафедральный собор. На другой день она исчезла и опять оказалась на месте своего явления, на камне у ручья. При этом совершилось другое чудо: она вместе с камнем стояла в часовенке, никем не строенной... Эти события совершались на глазах у всех жителей городка. Дальнейшая судьба этой иконы такова. По соглашению между жителями Кашпира и Сызрани чудотворную Феодоровскую икону решили отнести в здешний Вознесенский мужской монастырь и дали обещание ежегодно совершать крестный ход с нею из обители в город.

12 июня 1713 года множество народа последовало за крестным ходом с иконами и хоругвями, из Сызрани в Кашпир и потом к ручью... Возле часовенки начался молебен. При этом исцелилась женщина, страдавшая проказой. Было время разлива Волги. Крестный ход с чудотворной иконой двинулся в путь, который оказался весьма длинным, так как нужно было обходить обширные места, залитые водой. Некие богомольцы решили пересечь водные пространства на лодках, но, едва они отплыли, подул сильный ветер, их понесло к большой воде, лодки стало заливать водой, и богомольцы едва выбрались на берег, отброшенные дале-

ко назад. Так, вместо того чтобы всех обогнать, они оказались в хвосте процессии... Икона была поставлена в монастыре и там прославилась многими чудесами. В Сызрани совершались в честь нее празднества во все дни с 12 по 27 июня.

Не менее удивительны подробности, связанные с появлением другой копии чудотворной Феодоровской иконы – ярославской, находившейся в Николо-Пенском приходе, в храме во имя Феодоровской иконы Божией Матери, построенном в 1687 году именно для этой иконы. Она и стала его главной святыней, привлекавшей множество богомольцев. Икона стояла здесь в пятиярусном иконостасе, по левую сторону от царских врат. В сказании о чудесах от этой иконы (рукопись, хранившаяся при церкви) рассказывается, что один из прихожан Николо-Пенского храма, раб Божий Иоанн Плешков, человек благочестивый, в конце 1686 года был разбит параличом, двенадцать недель оставался недвижим, но переносил эту напасть терпеливо. Однажды (сказание называет и день: 15 декабря) после молитвы он заснул, и во сне привиделись ему два старца в епископских облачениях, которые сказали: "Иоанн! Если хочешь быть здрав, иди в город Кострому к чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Феодоровския: перед ним отпой молебен и спиши святое изображение Богоматери, принеси его в Ярославль и там во имя иконы воздвигни храм".

Проснувшись, Иоанн Плешков понял, для чего послана была ему эта тяжкая болезнь. И он "положил обет" совершить все, сказанное святителями. Едва он принял это решение, как почувствовал возвращение сил к своим рукам и ногам, а вскоре родные с изумлением увидели его бодро ходящим. Плешков поехал в Кострому, явился в Успенский собор и совершил поклонение чудотворному образу Богоматери. После этого рассказал протоиерею, настоятелю собора отцу Феодору обо всем, что с ним было. "Протоиерей выслушал сказание Иоанна и, прославив Бога и Пречистую Богоматерь, предложил исцелившемуся иконописца, некоего костромитянина Гурия, человека благоговейного", – говорится в сказании.

Этот "благоговейный человек" Гурий, по фамилии Никитин, по прозвищу Кинешемец, соблюдавший в миру монашеские обеты, был прославленным на Руси изографом. Трудясь со своим товарищем Силой Савиным, он участвовал в расписывании соборов Московского Кремля, работал в Переславле-Залесском, Ростове Великом, Ярославле и Суздале, писал иконы для царской молельни и звался "кормовым царским иконописцем". В Костроме его труд драгоценнейшей частью влился в стенописи храма Воскресения Христова на Нижней Дебре и Троицкого собора в Ипатьевском монастыре. Кто имел счастье хорошо рассмотреть прекрасно сохранившиеся фрески в Троицком соборе, тот не мог быть не потрясен этой монументальной цветовой песнью, живописным молебном Господу Богу нашему Иисусу Христу, Царице Небесной и Всем святым. Эта наиболее крупная из его работ закончена была в 1684 году.

Великий русский иконописец жил в Костроме и был, очевидно, уже стар, когда в 1687 году к нему обратился с просьбой написать копию Феодоровской иконы протопоп Феодор. Гурий Никитин уже не раз писал этот святой образ. Дело было перед Великим Постом. И вот, как сообщает автор сказания, иконописец "воспринял на себя строгий пост, очистил душу покаянием, освятил и укрепил ее причащением Святых Христовых Таин и только тогда уже приступил к списанию лика Пречистой Девы. Копия была исполнена с строгим соблюдением точной меры и характера изображения подлинной чудотворной иконы".

Иоанн Плешков в это время находился дома, в Ярославле, ожидая присылки заказанной им иконы. Наконец, в среду второй недели по Пасхе ему сообщили, что лодка, на которой Гурий Никитин отправил икону, стоит в Ярославле у пристани Шиловской слободы. Но он не пошел тут же на пристань, а обратился к настоятелю Николо-Пенского храма отцу Назарию с предложением пойти всем иере-

ям крестным ходом и поднять икону из лодки священническими руками. Так и было сделано.

В то время когда крестный ход нес икону в храм, и даже в точно указанном месте (улица Выползова), человек по имени Василий Потапов, страдавший расслаблением всего тела, принесенный сюда на одре родными, "при первом взгляде на священный лик Божией Матери, воспрянув, почувствовал себя исцелившимся от болезни, так что мог беспрепятственно следовать за иконою до самого храма".

Икона Гурия Никитина была поставлена в церкви Николая Чудотворца, а рядом уже строился на средства Иоанна Плешкова каменный храм во имя Феодоровской иконы Божией Матери. Может быть, и не в этом же (1687) году, как говорится в сказании, а годом или двумя позже строительство колоссального здания пятиглавого храма, исполненного в византийском стиле, было закончено.

Сколько было в России копий и подобий чудотворной Феодоровской иконы – неизвестно, это знают одна только Пресвятая Дева да Господь Бог...

Многого ныне не помнят русские люди. Мало кто помнит и о том, что в древнем русском городе Костроме находится величайшая святыня – грозно потемневшая ликом явленная чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Иди к Ней, в глубоком покаянии моли: *К Тебе, Матери Господа моего, рыданием слез зову, предстани мне в помощь скоро, да не до конца погибну...*

Литература

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4.

2. Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома, 1885.

3. Островский П., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно чтимой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864.

4. Островский П., протоиерей. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855.

5. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. Кострома, 1862.

6. Клепинин Н.А. Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Париж: YMCA–PRESS. Б. г.

7. Москвитянин, 1843, № 12.

8. Из описания Феодоровского Городецкого монастыря. СПб., 1872.

9. Розанов А.А. Явленная чудотворная Феодоровская икона Богоматери, родовая царствующего дома Романовых. 2-е изд. М., 1885.

10. Травьянский М.С. Историко-археологическое описание церквей города Костромы. – Костромские епархиальные ведомости, 1888, № 13.

11. Акафист Пресвятей Владычице нашей Богородице, явления ради чудотворныя иконы Ея Феодоровския, яже во граде Костроме. 3-е изд. М., 1897.

12. Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Пресвятыя Богородицы. М., 1913.

13. Баженов И. Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери в кафедральном соборе города Костромы. Кострома, 1911.

14. Соколов В.А., священник. Описание и критический разбор рукописей, имеющихся в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери. Кострома, 1901.

15. Благодеяния Богоматери роду христианскому чрез Ея святые иконы. 2-е изд. СПб., 1905.

16. Икона Феодоровския Богоматери в копии 1812 года: Из записок священника. – Костромские епархиальные ведомости, 1885, № 16.

17. Груздев В. Феодоровская икона Божией Матери. – Русский паломник, 1886, № 3.

18. Троицкий П.С. Костромской край, 1613–1913. Кострома, 1913.

19. Лукомский Г., Лукомский В. Кострома. СПб., 1913.

20. Баженов И. Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII века. – Костромские епархиальные ведомости, 1899, № 5, 6.

21. Самарянов В.А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома, 1868.

22. Н. В. Воскресенская церковь, что на Дебре в городе Костроме. – Костромские епархиальные ведомости, 1892, № 8.

23. Беляев И. протоиерей. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. СПб., 1863.

24. Назаревский В.В. Чтения из истории царствующего дома Романовых, 1613–1913. Вып. 3. СПб., 1911.

25. Васенко П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913.

26. Летописный и лицевой изборник дома Романовых: Историко-художественное издание в ознаменование трехсотлетия царствования. Вып. 1. М., 1913.

27. Баженов И. Московский и Костромской крестный ход в Ипатиев монастырь 14 марта 1613 года. – Костромские епархиальные ведомости, 1911, № 5.

28. Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях особ благополучно царствующего дома Романовых в пределах Костромской губернии. Кострома, 1859.

29. Высочайшее посещение г. Костромы Их Императорскими Величествами с Августейшей семьей 19 и 20 мая 1913 года. – Костромские епархиальные ведомости, 1913, № 10, 11.

В. В. АФАНАСЬЕВ

Сретение Господне

Спустя 40 дней после Рождества Христова Святая Церковь празднует Сретение Господне – встречу Богомладенца Иисуса Христа праведным старцем Симеоном в Иерусалимском храме. Сюда принесла Свое Божественное Дитя Пречистая Дева, чтобы исполнить закон Моисеев, по которому каждый 40-дневный младенец мужского пола должен был быть представлен пред Господом. В более отдаленные времена евреи, осознававшие себя богоизбранным народом, традиционно посвящали своих первенцев Богу, но позднее, когда на постоянное служение при храме было избрано колено Левиино (левиты), каждая мать приносила в храм для жертвы, как бы в выкуп за новорожденного, – однолетнего агнца и горлицу или, если была неимуща, двух горлиц. По бедности Богородица Дева Мария принесла двух горлиц.

Именно в это время, вдохновленный Духом Святым, пришел в храм глубокий старец, по имени Симеон. В Евангелии сказано, что был он *муж праведный и благочестивый, то есть любил Бога и людей и служил им, и Дух Святый был на нем* (Лк. 2, 25), а это признак пророческого служения, основывающегося на знании воли Божией.

По преданию, он был одним из 70 переводчиков Библии с еврейского языка на греческий. Перевод священных книг для знаменитой Александрийской библиотеки был начат по приказу египетского царя Птоломея еще в III веке до Рождества Христова. Книги, содержащие пророчества, переводились примерно за 100 лет до Рождества Христова, когда праведный Симеон был молод и работал над текстом Книги пророка Исаии. Дошел он до главы 7 стиха 14 и глубоко задумался над словами о том, что дева родит Сына Божия. Но может ли дева быть матерью и какое избрать греческое слово, чтобы передать то, что непонятно самому переводчику? Усомнился праведный Симеон в таком пророчестве, и тогда явился ему Ангел Господень и возвестил определение Божие, что он не умрет до тех пор, пока своими глазами не увидит Богомладенца.

Проходили годы, праведный Симеон жил в ожидании чуда. Много лет миновало. Симеон стал глубоким немощным старцем, силы его иссякли, но смерть не приходила к нему.

Наконец настал священный день, когда Дух Святой поднял святого старца с одра и привел в храм на встречу со Святым Семейством и с Тем, Кого так долго ждала душа его. В величайшем порыве благоговения и радости старец узнал Богомладенца среди других детей. Он принял Божественное Дитя на свои руки, за что Православная Церковь называет его Богоприимцем, прижал Его к сердцу и, воздав благодарение Богу, сказал: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром: ибо видели очи мои спасение Твое, уготованное для всех народов, а не только для богоизбранного* (Лк. 2, 29-30).

Взволнованно и изумленно слушали вдохновенного старца праведный Иосиф и Пречистая Дева Мария, а он продолжал: *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34). Действительно, не уверовавшие во Христа, не узнавшие в нем Мессию, последовавшие за книжниками и фарисеями, обрекли себя на духовную гибель. Напротив, восстали духом, духовно возродились и обновились последователи Его. Христос стал Знаменем "пререканий". В народе одни говорили, что Он *добр* и пришел от Бога, другие – преследовали Его и, наконец, распяли. Верный духу пророчества, жившему в нем, праведный старец открыл Богоматери и то, что ожидало Ее: *и Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2, 35). Слышавшие это думали, не означают ли слова старца указание на мученическую кончину юной Матери. Однако медное копье или меч способны разрубить сердце, но не в силах разрушить души. Оружие же, пронзившее душу Божией Матери, было скорбью великой.

Могла ли Пресвятая Дева проникнуть в страшную тайну слов Богомудрого старца? Пророчество это, пока не пришло время, оставалось для Нее священной загадкой. Но в горестный и страшный час смерти Ее Божественного Сына на Кресте, принесшего нам всем спасение, разрешилась великая тайна. Колючие тернии венца Иисусова, гвозди, пробившие Его руки и ноги, копье, пронзившее Его тело, невыносимые предсмертные страдания, тишайшее "жажду" и угасающий взор возлюбленного Сына – вот то страшное оружие, которое разрывало душу Матери, стоявшей у Креста и с несказанной болью сопереживавшей мукам Того, Кто был Ей всех дороже...

Но вернемся в храм. Пророчествовала в нем в этот день о Богомладенце Христе и святая Анна, благочестивая вдова 84 лет, постом и молитвой служившая Богу и не отходившая от храма. Так в Иерусалимском храме произошла встреча пророков и святых Ветхого Завета с пришедшим в мир Начальником Нового Завета – Спасителем мира Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью.

Сретение – великий христианский праздник. Оно знаменует встречу души с Богом. Святая Православная Церковь, ее пастыри призывают всех нас к радостной встрече с Господом нашим Иисусом Христом, духовному обновлению и очищению сердец. И тогда Господь войдет в наши сердца и будет обитать в нас во все дни жизни нашей.

А. Ч.

О заседании Центрального комитета Всемирного Совета Церквей

20–28 января 1994 года в Йоханнесбурге, Южная Африка, по приглашению Южноафриканского Совета Церквей проходило 45-е заседание Центрального комитета Всемирного Совета Церквей, международного христианского содружества, членами которого являются более 300 церквей различных конфессий, в частности представители всех Поместных Православных Церквей. На 45-м заседании Центрального комитета в члены Всемирного Совета Церквей была принята и Православная Церковь Албании, восставшая буквально из пепла после 50 лет жесточайшего преследования со стороны атеистических властей. Таким образом православное участие в работе Всемирного Совета Церквей и свидетельство Православных Церквей в экуменическом движении получило весомое подкрепление.

В 45-м заседании Центрального комитета ВСЦ участвовала делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом, председателем Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Центральный комитет является основным руководящим и программным органом Всемирного Совета Церквей, который принимает решения, определяет основные направления деятельности этого авторитетного содружества Церквей, предпринимает назначения на основные посты в руководстве ВСЦ.

По инициативе Русской Православной Церкви и на основе сделанного ею предложения ВСЦ направил Послание к Церквам в странах бывшей Югославии. Это послание имеет принципиально важное значение. В нем Всемирный Совет Церквей отмечает односторонность и необъективность сообщений об этом конфликте и что "насилие и жестокость совершаются каждой из воюющих сторон". ВСЦ критически высказался в отношении санкций ООН, введенных в одностороннем порядке только против Сербии и Черногории, поскольку эти санкции не в состоянии остановить поток оружия, распространяющегося в этом регионе, но "выливаются в отчаянную нехватку продовольствия и медикаментов, причиняют страдания гражданскому населению". В Послании ВСЦ призвал церкви-члены оставаться верными призыву "содействовать примирению, прекращению военных действий и врачеванию вражды и мстительности" и оказывать сопротивление "любым попыткам ставить религиозные чувства на службу агрессивному национализму".

Основными темами работы заседания Центрального комитета в Йоханнесбурге были следующие:

- оценка V Всемирной конференции "Вера и церковное устройство", проходившей в августе 1993 года в испанском городе Сантьяго-де-Компостелла, претворение в программные направления деятельности ВСЦ тех рекомендаций, которые были сделаны на конференции. В частности, было предложено разработать исследование "Экклезиология и этика";

- важной темой для ВСЦ в настоящее время является участие мирян в экуменическом движении, народа Божия, наполняющего храмы и активно участвую-

щего сегодня в жизни Церкви в сфере катехизации и диаконии;

- важное место в повестке дня Центрального комитета занимали отношения между Римско-Католической Церковью и Всемирным Советом Церквей, а также проблемы взаимоотношений национальных и региональных советов церквей и ВСЦ;

- особое внимание было уделено положению церквей в Южной Африке, их борьбе против апартеида и насилия, их программам по подготовке населения к выборам. Всемирный Совет Церквей принял постановление по Южной Африке, в котором он приветствует демократические перемены, совершающиеся в этом государстве, его стремление идти путем переговоров, примирения и отказа от насилия и строить нерасовое демократическое многонациональное государство, в котором все народы и нации жили бы в мире. Всемирный Совет Церквей призвал Церкви-члены не ослаблять своих молитв, моральной и финансовой поддержки Южноафриканского Совета Церквей, чтобы "надежда на новый день исполнилась во всей Южной Африке". Всемирный Совет Церквей предполагает послать своих наблюдателей на период выборов 27 апреля;

- ВСЦ обсудил концепцию VIII Ассамблеи в 1998 году, назначил подготовительный комитет и принял решение о проведении этой юбилейной Ассамблеи, знаменующей 50-летие существования Совета, в африканском городе Хараре, Зимбабве.

Среди других тем, обсуждавшихся в рамках Центрального комитета, были:

- экуменическая декада "Церкви в солидарности с женщинами", направленная на то, чтобы поддержать усилия женщин в плане активного участия в жизни Церкви;

- проблема распространения СПИДа и позиция Церкви в борьбе против этого бедствия наших дней.

Одно из пленарных заседаний было посвящено проблемам молодежи и ее участия в экуменическом движении.

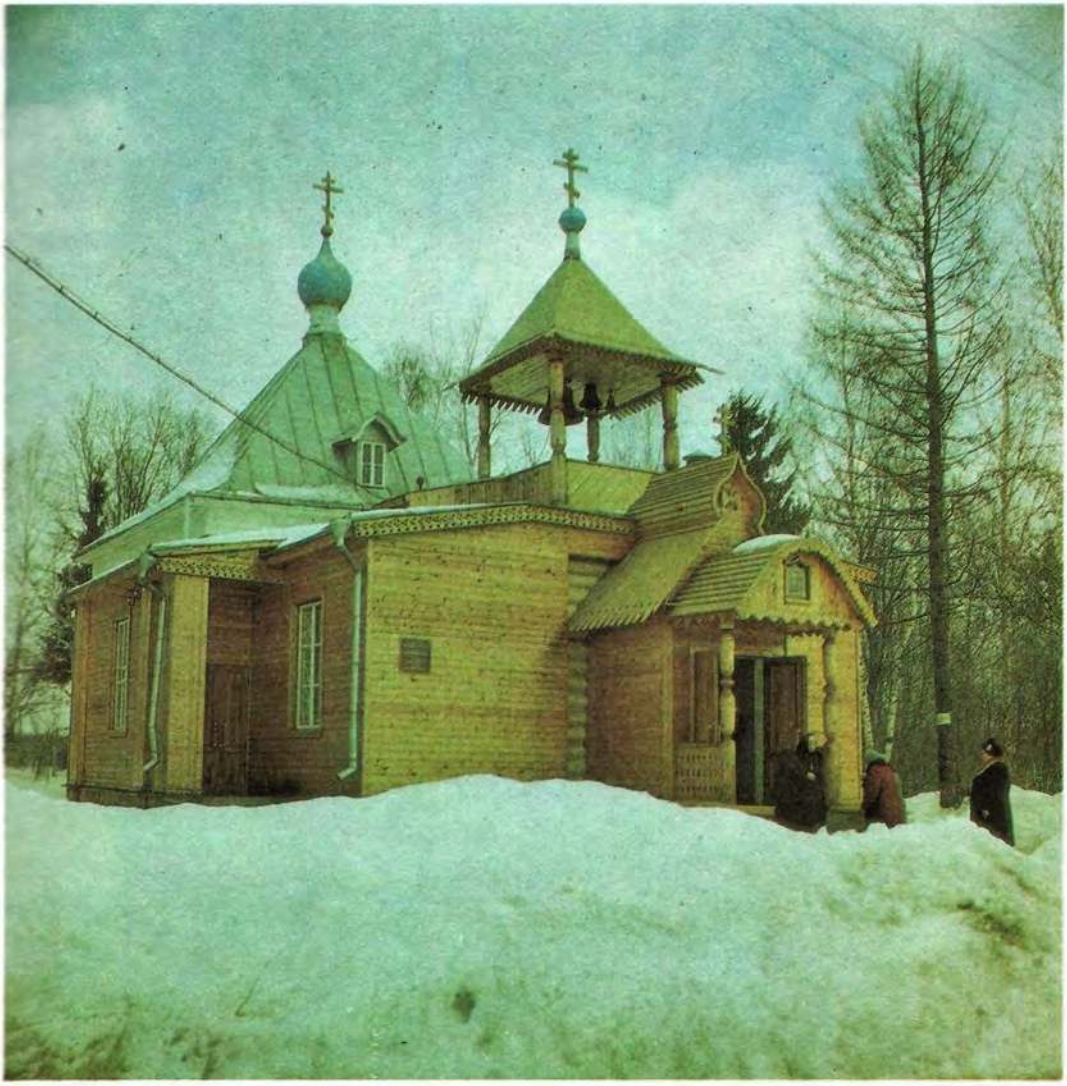
Центральный комитет принял заявление об изменении климата на земле, связанном с глобальным потеплением. ВСЦ призвал "богатые" индустриальные нации "к радикальной перемене курса" и отметил, что "радикальные перемены могут произойти только в результате подлинного покаяния и изменения образа жизни, в том числе отказа от ориентации на все растущее потребление" как пути развития цивилизации, в основе которого лежит грех.

Следующее заседание Центрального комитета было решено провести в сентябре 1995 года в Нешвилле, США, а 47-е заседание 1996 года будет проводиться по приглашению Православной Церкви Кипра в этой православной стране.

Подписано в печать 25.02.94. Заказ 1914. . Индекс 71157.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат

142300, г. Чехов Московской области

СРЕТЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, СЕЛО НОВАЯ ДЕРЕВНЯ ПУШКИНСКОГО РАЙОНА МОСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ